К2-82-332

М. АННАНЕПЕСОВ

УКРЕПЛЕНИЕ РУССКО-ТУРКМЕНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ в XVIII—XIX вв.

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. Ш. БАТЫРОВА

М. АННАНЕПЕСОВ

УКРЕПЛЕНИЕ РУССКО-ТУРКМЕНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В XVIII—XIX вв.

Под редакцией
академика АН ТССР
А. А. Рослякова

Ашхабад • „Ылым" • 1981

ББК 63.3(2Ту)
А 68

Рецензенты:
П. Н. Канода, Б. Курбанов

Аннанепесов М.
А 68 Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII—XIX вв./Отв. ред. А. А. Росляков. — А.: Ылым, 1981. 268 с. В надзаг.: АН ТССР. Ин-т истории им. Ш. Батырова.

В монографии исследуются истоки русско-туркменских взаимоотношений, их развитие в эпоху Петра I, Екатерины II, зарождение движения туркмен за принятие подданства России, укрепление политических, торгово-экономических и отчасти культурных связей туркмен с Россией в XIX в.

Рассчитана на историков, научных сотрудников институтов, преподавателей и студентов вузов, преподавателей средних школ.

ББК 63.3(2Ту)

А $\frac{10604-096}{M561(30)-81}$ 3—81 **0505040000**

© Издательство «Ылым», 1981 г.

Введение

История Туркменистана XVIII—XIX вв. — это часть исторического прошлого нашей страны, период, который оказался прелюдией важнейшего политического события в жизни туркменского народа в XIX в. — присоединения к России. Это период, когда складывается территория Туркменистана, формируется его население, намечаются контуры экономического развития, происходит постепенное сближение с великим русским народом вопреки политике царизма и соседних феодальных деспотий. Это «золотая гора» туркменской литературы. Однако это время бесконечных грабительских набегов, время блестящих побед наших предков над шахскими войсками Ирана, войсками Хивы и Бухары. Эта эпоха отмечена мужественной борьбой туркмен за свою независимость.

Изучая проблемы прошлого, необходимо учитывать широкую историческую перспективу, связывать его с настоящим и будущим. Сближение народов Средней Азии с русским народом и постепенное присоединение их к России объективно привели к положительным последствиям, к объединению сил всех народов России во главе с русским народом против общего врага — царизма, против социального и национального гнета в стране. Это, в конечном счете, привело к созданию общего фронта всероссийского революционного движения во главе с пролетариатом и его ленинской партией, который подготовил освобождение всех народов бывшей царской империи, победу Великого Октября, обеспечил равноправие и создал содружество десятков народностей и национальностей нашей Родины.

XVIII—XIX вв. ознаменованы в истории народов Закавказья, Средней Азии и Казахстана тем, что эти окраинные земли вошли в состав Российской империи. Именно в этот период, в середине XIX в., Ф. Энгельс писал К. Марксу: «Чем больше я размышляю над историей, тем яснее мне становится, что... Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господст-

во России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии...»[1]. Ф. Энгельс, конечно, имел в виду Россию и великий русский народ, а не царизм и помещиков. Поэтому первым условием «освобождения национальностей» он считал ниспровержение царизма. Только тогда, писал он позднее в 1888 г., «благородная великорусская нация... выполнит свою подлинно цивилизаторскую миссию по отношению к Азии...»[2]. Для того, чтобы понять оценку Ф. Энгельсом прогрессивной роли России на Востоке, необходимо провести четкую грань между захватнической политикой царизма и подлинными интересами русского народа, которые никогда не шли вразрез с интересами малых народов. Интересы народов объективно всегда совпадали. Без этого разграничения невозможно правильно охарактеризовать акт присоединения народов к России.

Передовые представители русского, закавказских, среднеазиатских, казахского народов рассматривали присоединение народов к России как прогрессивное явление. Грузины, например, «признали поступок сей (присоединение. — *М. А.*) себе во спасение»[3]. Выдающийся армянский поэт О. Туманян писал: «...В том, что Россия перешла через Кавказский хребет, имеется глубокий исторический смысл... Я не знаю, насколько нужен был Кавказ русским, но зато знаю, как необходимы Кавказу русские»[4]. Эти же слова О. Туманяна можно перефразировать и адресовать народам Средней Азии и Казахстана. Примерно такие же высказывания мы находим у казахского ученого-просветителя Ч. Валиханова, у туркменского общественно-политического деятеля первой половины XIX в. Кият-хана и других представителей народов Средней Азии.

Туркмены прикаспийских районов в XVIII—XIX вв. упорно добивались подданства России, неоднократно ездили с этой целью сначала в Астрахань, Оренбург, Петербург, а затем на Кавказ, в Баку и Тифлис.

В предлагаемой работе делается попытка изучить развитие русско-туркменских торгово-экономических, политических и отчасти культурных взаимоотношений в XVIII—XIX вв. до присоединения к России.

Жизнь туркменского общества в XVIII — первой половине XIX в. полна контрастов и противоречий, в ней удивительно пере-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 240—241.

[2] Там же, т. 37, с. 4—5.

[3] Внешняя политика России XIX — начала XX в., т. I. М., 1960, с. 72.

[4] *Туманян О.* О России и русской культуре. Ереван, 1969, с. 25.

плетались самые различные явления и единичные случаи, которые либо в силу закона преемственности порождали новые явления, либо быстро исчезали, возникая в других районах. Иногда в ходе развития общества стремительно развертывались мощные народные движения против порядков и системы насилия, но через некоторое время происходила деградация тех же порядков и той же системы и подчас можно было обнаружить хотя и временные, но попятные движения в общественном развитии.

История Туркменистана, предшествовавшая присоединению к России, характерна, с одной стороны, большими потрясениями кризисного порядка, экономическим упадком, разрухой, длительными застоями в жизни общества. Это, несомненно, сказывалось на всех сторонах жизни страны, обезлюдении крупных городов и целых районов, массовых передвижениях населения, в том числе оседлого, что приводило к цепной реакции и крупным столкновениям. С другой стороны, изучая жизнь народа во всем ее многообразии, создается впечатление, что народные массы в течение столетий, из поколения в поколение, говоря словами Ф. Энгельса, тупо влачили свое существование в трясине какого-то внеисторического прозябания[1] и единственной сменой, прерывавшей однообразие этого унылого состояния, были циклически повторявшиеся феодальные войны, бесплодные восстания, аламанство, грабежи и т. п.

История, как учит марксизм-ленинизм, есть причинно-обусловленное, закономерное развитие человеческого общества. Повторяемость определенных связей в истории, проявляющихся всякий раз в иной форме, но имеющих общую сущность, позволяет обнаруживать за бесконечным однообразием или многообразием явлений закономерность и единство исторического процесса. Законы общественного развития довольно сложны и более завуалированы, чем законы природы. К тому же история едва ли не самая комплексная из общественных наук. Поэтому ее изучение гораздо труднее, требует большего времени и нередко сопряжено с ошибками, чем изучение других наук. На Всесоюзном совещании историков в декабре 1962 г. Б. Н. Пономарев отмечал, что от историка требуется принципиальное осмысливание пройденного народом пути, что историк — не бесстрастный повествователь, который фиксирует факты и укладывает их пусть даже в научно обоснованную схему. Он прежде всего должен обобщать факты, раскрывать исторические события в их внутренней закономерной связи, показывать за фактами действие общих законов общественного

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 15, с. 253.

прогресса, специфические формы их проявления в разных условиях[1].

За последние десятилетия советскими историками в этом отношении достигнуты большие успехи. На страницах ведущих журналов развернулась свободная творческая дискуссия по теоретическим вопросам таких крупных проблем, как закономерности развития и смены общественно-экономических формаций, особенности феодализма на Востоке, история развития наций и т. д.

Много нового и ценного в материалистическое понимание этнической общности, различных стадий ее развития, конкретно-исторических признаков, определяющих донациональные общности и уточняющих такие понятия, как народность и нация, внесла дискуссия по проблемам теории нации[2]. Участники ее предлагали различные определения понятий «народность» и «нация» вместо известной ранее формулы. Не вдаваясь в подробности этой плодотворной дискуссии, отметим, что важным ее итогом следует считать уточнение того, что формы общностей людей отличаются друг от друга не количеством признаков, а степенью их развития, качественной спецификой внутреннего содержания. Признаки народности и нации довольно близки (этническое единство, общность территории, языка, хозяйственной жизни и некоторых черт психического склада), и они вырабатываются на протяжении всей истории данного народа и отражают специфические условия развития его материальной и духовной культуры. Однако степень развития этих признаков в различные эпохи находится на различном уровне.

Дискуссия по теории нации помогла нам лучше осмыслить указанные признаки и степень их развития на территории Туркменистана в изучаемый период и придти к выводу о том, что в родо-племенном строе отчетливо вырисовывались признаки слагающейся народности. Туркменам удалось сохранить строго дифференцированные этнические свойства как народности от этноса других (соседних) народностей, несмотря на ярко выраженные границ и различия между племенами.

Проблема развития русско-туркменских отношений, как и среднеазиатско-русских отношений в XVIII—XIX вв., представляет большой научный и политический интерес. К ней обращались еще дореволюционные авторы. В их трудах и воспоминаниях,

---

[1] *Пономарев Б. Н.* Речи и статьи. М., 1977, с. 166—177.

[2] *Вахабов М. В.* От средневековья к вершинам современного прогресса. М., 1965, с. 250—252; *Агаев А. Г.* Нация, ее сущность и самосознание. — Вопросы истории, 1967, № 7, с. 87—104; *Росенко М. Н.* Современная эпоха и некоторые вопросы теории нации. — Вопросы истории, 1968, № 7, с. 85—100 и др.

а также в официальных публикациях[1] обобщен огромный фактический материал. В 1866—1875 гг. в сводных археографических изданиях были опубликованы архивы Главного управления кавказского наместника под названием «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (АКАК). В 1—7-м и 12-м томах этого многотомного издания в разделе «Трухменцы» помещены отдельные документы о взаимоотношениях прикаспийских туркмен с Россией.

История русско-туркменских взаимоотношений специально не исследовалась дореволюционной буржуазной историографией. Сведения о взаимоотношениях туркменского народа с Россией содержались лишь в опубликованных в XIX в. трудах, записках, отчетах и журналах русских путешественников, купцов и дипломатов. Большинство из них напечатано в «Записках Императорского русского географического общества» (ЗИРГО) и на страницах различных исторических журналов. Наиболее значительные из этих трудов изданы отдельно. Например, большой интерес представляет содержащая обильный фактический материал книга Н. Н. Муравьева[2], который в первой четверти XIX в. дважды побывал в Средней Азии. В чрезвычайно интересных работах Г. С. Карелина[3] и И. Ф. Бларамберга[4] имеется много ценных сведений (история туркменского народа, его торгово-экономические связи с Россией в 30-х гг. XIX в.), накопленных как в результате их личного наблюдения и расспросов у населения, а также изучения архивных источников. Любопытные исторические и этнографические сведения о туркменских племенах, показания и дневники участников русских экспедиций в Среднюю Азию приводятся в

---

[1] *Веселовский Н. И.* Первое подданство туркмен России. — Исторический вестник, 1884, т. 16, № 5; *Он же.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. Спб., 1877; *Он же.* Иван Данилович Хохлов (русский посланник в Персию и Бухару в XVII в.). Спб., 1891; **Дело** 1714—1718 гг. об отправлении лейб-гвардии Преображенского полка капитан-поручика князя А. Бековича-Черкасского на Каспийское море и в Хиву (документы). — Материалы ВУА Главного штаба, т. 1. Спб., 1871.

[2] *Муравьев Н. Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1821 гг., ч. 1—2. М., 1822.

[3] Путешествия Г. С. Карелина по Каспийскому морю. — ЗИРГО. По общей географии, 1883, т. 10.

[4] *Бларамберг Н. Ф.* Историческая записка о прибрежных туркменских поколениях со времени вступления их в сношения с русским правительством. — ЗИРГО, 1850, кн. 4; *Он же.* Топографическое и статистическое описание берега Каспийского моря от Астрабада до мыса Тюб-Караган. — ЗИРГО, 1850, кн. 4.

работе М. Н. Галкина[1]. Заслуживают серьезного внимания работы первого секретаря российской миссии в Тегеране К. Боде[2], дважды совершившего поездки в Юго-Западную Туркмению в 30—40-х гг. XIX в. и полномочного посла России в Иране И. О. Симонича[3], также посетившего эти районы в 1836 г.

О развитии русско-туркменских связей в той или иной степени говорится и в многочисленных трудах авторов второй половины XIX в., особенно кануна и периода присоединения Туркмении к России: А. Вамбери, Г. Н. Данилевского, Гулябефа де Блоквиля, Н. И. Гродекова, Алиханова-Аварского, П. М. Лессара, А. Куна, Н. Петрусевича, Н. Стебницкого, капитанов Быкова и А. В. Комарова, А. Н. Куропаткина, И. Ибрагимова, Н. В. Чарыкова, Мак-Гахана, Н. Н. Каразина, Я. Тапрова, Гиршфельда и Галкина и др.

Советская историческая наука придает большое значение развитию русско-среднеазиатских отношений до присоединения к России. Из ранних работ следует отметить ценные фактическим материалом труды академиков Л. С. Берга[4] и М. Н. Дружинина[5]. Историю исследования Туркмении русскими и европейскими экспедициями и путешественниками Л. С. Берг делит на три этапа: XVIII в., XIX в. и период после присоединения к России. В работе дано краткое описание исследования Туркмении экспедициями XVIII в. А. Бековича-Черкасского, Соймонова, Ганвея, Вудруфа, Токмачева, Ладыженского, М. И. Войновича и XIX в. Н. Н. Муравьева, Эйхвальда, А. Борнса, Г. С. Карелина и др. Более детальные сведения приведены по периоду после присоединения к России. Книга М. Н. Дружинина посвящена экспедициям Н. Н. Муравьева в Туркмению, Хиву и читается с большим интересом.

Богатый фактический материал центральных архивов страны лежит в основе трудов М. К. Рожковой[6], в которых исследованы

---

[1] *Галкин М. Н.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. — ЗИРГО. По отделу этнографии, 1867, т. 1.

[2] *Боде К.* О туркменских поколениях ямудах и гокленах. — ЗИРГО, 1847, кн. 2; *Он же.* Очерки туркменской земли и юго-восточного прибрежья Каспийского моря. — Отечественные записки, 1856, кн. 8.

[3] *Симонич И. О.* Воспоминания полномочного министра, 1832—1838 гг. М., Наука, 1967.

[4] *Берг Л. С.* История исследования Туркмении. — В кн.: Туркмения, т. 1. Л., 1929, с. 74—124.

[5] *Дружинин М. Н.* В страну туркмен и узбеков. Л., 1927.

[6] *Рожкова М. К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.—Л., 1949; *Она же.* Экономические связи России со Средней Азией, 40—60-е гг. XIX в. М., 1963.

торгово-экономические отношения России со Средней Азией во второй четверти и середине XIX в., эволюция объема ввоза и вывоза товаров из России в Среднюю Азию и обратно.

Первая попытка исследовать проблему развития русско-туркменских связей в целом сделана А. К. Каррыевым[1]. В небольшой главе обзорного характера использованы материалы архивов Москвы и Ленинграда, впервые приведен полный текст свидетельства штурмана шкоута «Св. Иоанн» В. Ф. Баранова от 1 июня 1822 г. о том, что Кият-хан провел спасательные работы в связи с кораблекрушением севернее Красноводска. Более систематично русско-туркменские связи отражены в работе А. Каррыева и А. А. Росляковa[2], затем в двухтомной истории Туркменской ССР[3]. Но и в этих изданиях изложение проблемы русско-туркменских отношений до присоединения к России носило всего лишь тезисный характер. В 1965 г. вышла небольшая книжка Х. Агаева[4], в которой кратко излагаются взаимоотношения прибрежных туркмен с Россией в первой половине XIX в.

Однако многие вопросы этой обширной проблемы нуждаются в дальнейшем изучении. В частности, недостаточно глубоко раскрыты экономические корни русско-туркменских отношений, не выработана до конца концепция, раскрывающая объективные причины формирования русской ориентации туркменского народа еще в XVIII и особенно в первой половине XIX в., не прослеживается связь между освободительной борьбой туркменского народа против феодальных деспотий Ирана, Хивы и Бухары и укреплением движения за принятие подданства России. В опубликованных работах нет глубокого анализа реакционной политики царизма в отношении народов, искавших покровительства и подданства России, на примере истории взаимоотношений народов Средней Азии с Россией не раскрыто до конца теоретическое положение В. И. Ленина о наличии в XIX в. двух Россий — России царизма и помещиков и России декабристов и разночинцев.

Первые тематические публикации документов по истории русско-туркменских взаимоотношений появились лишь в годы Советской власти. В 1939 г. в журнале «Красный архив» были изданы архивные документы о русско-туркменских связях в XVIII в., которые дают лишь отрывочные сведения о торговле и диплома-

---

[1] Очерки по истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954, с. 346—359.

[2] *Каррыев А., Росляков А. А.* Краткий очерк истории Туркменистана (от присоединения к России до Великой Октябрьской социалистической революции, 1868—1917 гг.). Ашхабад, 1956.

[3] История Туркменской ССР, т. I, кн. 1—2. Ашхабад, 1957.

[4] *Агаев Х.* Взаимоотношения прикаспийских туркмен с Россией в XIX в. Ашхабад, 1965.

тических взаимоотношениях туркмен с Россией[1]. По XVIII в. опубликованы также материалы экспедиции Самуила Готлиба Гмелина к восточным берегам Каспийского моря в 1773 г.[2] Отдельные документы русско-среднеазиатских политических и дипломатических отношений в XIX в. отражены в продолжающемся сводном издании документов внешней политики России[3].

В 50-х гг. в связи с подготовкой двухтомной истории Туркменистана были выявлены и изучены архивные материалы и по теме предлагаемой монографии в фондах центральных, республиканских и областных архивов Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Астрахани, Оренбурга, Ставрополя и др. В результате многолетних поисков коллектива историков Туркменистана и сотрудников архивов был накоплен огромный материал, который нами совместно с Х. Агаевым был изучен, систематизирован и обработан в 50—60-х гг. Конечным итогом этой работы явилось издание сборника архивных документов[4].

В течение почти 20 лет после выхода указанного сборника в фондах АВПР, ЦГВИА СССР в Москве, ЦГИА СССР, ЦГАВМФ и Архива АН СССР в Ленинграде, ЦГА ГрузССР, ОПИ Исторического музея дополнительно было выявлено большое количество архивных материалов, проливающих свет на те или иные события в ходе развития русско-туркменских отношений в XVIII—XIX вв. В данном случае нет необходимости подробно описывать каждый источник и каждый фонд архивов страны. По мере возможности это будет сделано в контексте отдельных разделов монографии.

Базисом, фундаментом настоящего исследования послужили прежде всего архивные документы и труды путешественников, дипломатических и военных чиновников. Круг использованных материалов предполагает интерес к каждому источнику, его природе, свойствам и генезису. При этом автор не стремился обнаружить неизвестные источники. Он лишь пытается объяснить факты, сообщаемые указанным комплексом источников, и определить область еще непознанного. Если в нашей интерпретации многие давно известные

---

[1] Из истории сношения России с туркменами в XVIII в. (документы 1744—1778 гг.). — Красный архив, 1939, т. 2.

[2] Путешествие Самуила Готлиба Гмелина по Каспийскому морю на восточный его берег в 1773 г. (перевод, вступит. статья и примечание К. И. Шафрановского и Т. К. Шафрановской). — Труды Туркменского географического общества, 1958, вып. 1, с. 181—226.

[3] Внешняя политика России XIX — начала XX в., т. 1. М., 1960; т. 7. М., 1970; т. 8. М., 1972; т. 1 (9). М., 1974.

[4] Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Ашхабад, 1963.

факты приобретут новое звучание, то можно считать свою задачу выполненной.

Стремление понять диалектику исторического становления народов, дающих сегодня замечательный пример содружества и единства, противопоставить этот пример всем и всяческим зарубежным псевдотеориям «несовместимости», «извечного антагонизма» и «фатальной борьбы» наций, рас и народов — вот что стимулировало нас в исследовании данной проблемы.

В лекции В. И. Ленина «О государстве» (1919 г.) содержится знаменитая характеристика методологии исследования общественных явлений, в которой красной нитью проходит мысль о неразрывной связи познания современности с познанием прошлого. И самое цалежное в изучении общественных явлений былых времен — «...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»[1]. При изучении зарождения, развития и последствий русско-туркменских политических, торгово-экономических и отчасти культурных взаимоотношений в рассматриваемую эпоху мы руководствовались этими ленинскими методологическими указаниями и при каждом возможном случае пытались дать ответ на вопрос: «чем данная вещь стала теперь».

Человеческая история неисчерпаема. Хотя в предлагаемой работе использованы разнообразные, главным образом архивные источники, чтобы восстановить связь минувших событий, мы в то же время исходили из известного положения Ф. Энгельса о том, что в исторической науке познание по существу всегда относительно[2].

Предлагаемая работа не может претендовать на исчерпывающее освещение развития русско-туркменских взаимоотношений в XVIII—XIX вв. Она не свободна от противоречивых моментов и иных недостатков, которые неизбежны в изучении и трактовке многогранной жизни общества прошлого. Подчас приходилось подвергать сомнению и собственные суждения и взгляды, что вызвано неполнотой наших знаний. С другой стороны, нас могут упрекать в том, что работа носит фактографический и описательный характер и в ней нет надлежащего осмысления использованных материалов и т. д., хотя мы не отказались от такой попытки и старались дать принципиальную оценку всем фактам. В этом упреке мы видим больше добра, чем зла. Плохо, конечно, когда исследователь ограничивается только сбором фактов, но еще хуже, когда он перестает собирать факты.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 90.

Транскрибирование географических и этнических названий, различных терминов и непереведенных слов сделано в возможно близком к оригиналу варианте, ибо в русской транскрипции произношение, а иногда и смысл многих названий и терминов искажается: Кара-кала (черная крепость) вместо Карры-кала (старая крепость), салор вместо салыр, чоудор вместо човдур, зякет вместо зекат и т. д. Но в цитируемых выдержках все термины и названия оставлены в том виде, в каком они даны в оригинале (трухменцы, трукменцы вместо туркмен, помуды, ямуды, емуды, ёмуды, юмутцы вместо йомуды и т. д.).

В заключение хочется выразить благодарность члену-корреспонденту АН ТССР С. Г. Агаджанову, Х. Агаеву, Б. Курбанову, Н. Н. Каноде за дружескую помощь при обсуждении и подготовке данной работы к изданию, особо признателен академику АН ТССР А. А. Рослякову, взявшему на себя труд редактора монографии.

РУССКО-ТУРКМЕНСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В XVIII в.

Человеческое общество развивается в условиях определенной среды — природной и общественной. Туркменский народ создавал свою историю XVIII—XIX вв. в исключительно сложных условиях. Природная среда не баловала людей. В ту пору человек неизмеримо больше зависел от природной среды, и именно она в основном определяла типы хозяйства и направления его развития. В борьбе с суровыми условиями природы человек порою проигрывал, отступал, приходил в отчаяние. В то же время вырабатывался вековой опыт, и он приспосабливался к специфике природных условий. Именно специфика природных условий создала возможность длительного сосуществования оседлых (земледельческих) и кочевых (скотоводческих) обществ в масштабах всей Средней Азии. Туркмены на протяжении веков научились вести комплексное хозяйство, удачно сочетая земледелие со скотоводством или наоборот. Привходящими элементами в хозяйстве были почти все виды ремесел, промыслы, рыболовство, добыча полезных ископаемых, охота и т. д. Значительное место занимала торговля.

При изучении истории туркменского народа XVIII—XIX вв. невозможно не учитывать общественную среду того периода. Кроме природных условий, на эволюцию всякого общества оказывает влияние внешняя среда— соседние общества, которые, естественно, также не остаются неизменными. История туркменского народа, как и история узбекского, таджикского, азербайджанского, армянского, грузинского и других народов Закавказья и Средней Азии, не может изучаться изолиро-

ванно от соседних стран — Ирана, Афганистана и Турции.

Часть этих народов и поныне проживает в указанных странах. Многовековое соседство и общие исторические судьбы в прошлом делают историю народов Средней Азии, Закавказья и сопредельных стран столь тесно связанными, что понимание исторического развития одних становится невозможным без осмысления исторических судеб других. Даже географические понятия в ту пору были иными. Например, историческая область Хорасан охватывала часть Ирана, Афганистана и юг Туркмении. В то же время трудно отделить исторические судьбы Хорасана от Мавераннахра, Хорезма, Астрабада, Мазандерана и других смежных областей[1].

В пространственном отношении туркмены в XVIII—XIX вв. занимали громадную территорию от Мангышлака и Куня-Ургенча на севере до Астрабада и Герата на юге. На этом пространстве складывалась туркменская народность — основная этническая общность того времени. Экономические связи внутри этой общности, между ее этническими компонентами были очень слабые. В то же время туркменское население, где бы оно ни проживало, будь оно кочевое, полуоседлое или оседлое, было проникнуто устойчивым этническим самосознанием, создавая прецеденты единой национальности, самобытной культуры, литературного языка и т. д., и оно не имеет никакого отношения к средневековым кочевникам, которые массами вторгались в земледельческие оазисы и опустошали их, в результате чего орошаемые земли декультивировались. В истории XVIII—XIX вв. нет ни единого примера подобных действий со стороны туркменских племен. Наоборот, они всемерно старались утвердиться на орошаемых землях, несмотря на противодействие и враждебную политику Хивы, Бухары и Ирана. Именно действия деспотических режимов этих феодальных государств, подвергавших опустошению и разрушению и без того малоразвитые производительные силы общества, приводили к регрессу или депрессии в поступательном развитии истории.

---

[1] *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., Наука, 1972, с. 10—11.

При такой общеисторической панораме начали складываться и развиваться русско-туркменские взаимоотношения. Это был долгий и трудный процесс, медленно протекавший в сложных условиях переплетения интересов туркменских племен с интересами России, Ирана, Хивы и Бухары. Обращая свои взоры на Россию, туркменский народ неизменно добивался политического покровительства, мечтал о политической стабильности, надеялся обеспечить спокойную жизнь с помощью могущественной державы, оградить себя от векового произвола и бесконечных притязаний со стороны Ирана, Хивы и Бухары.

Нельзя, конечно, не учитывать, что в основе укрепления русско-туркменских взаимоотношений лежали и торгово-экономические интересы населения, его желание обеспечить себя продуктами первой необходимости не только на рынках Ирана, Средней Азии, но и России путем развития обмена через морские пути. Именно поэтому туркмены не раз обращались к России с просьбой принять их в свое подданство или под покровительство. Некоторые авторы XIX в. усматривали в стремлении туркмен перейти в подданство России признаки деградации народа, его неизлечимой болезни и т. д. Они считали, что народы, так же как и личности, переживали пору юности, зрелости и старости и полагали, что туркмены достигли стадии старческого возраста и нуждаются только в одном — в спокойной жизни[1]. Такое упрощенное толкование стремлений туркменского народа отрицает политические мотивы его действий, игнорирует экономические причины тяготения к России.

Русско-туркменские связи в допетровскую эпоху

Исторические корни русско-туркменских взаимоотношений уходят в седую даль столетий. Еще в X в. киевские князья пытались наладить военно-политический союз с торками, в которых историки видят огузо-туркменские племена Нижней Сырдарьи. В домонгольскую эпоху были сделаны попытки установить дипломатические отношения с правителями Хорезма. В это

[1] *Смоктий Н. О.* Воспоминания..., с. 109—110.

же время развивались торговые взаимоотношения между Средней Азией и Восточной Европой. Монгольское нашествие временно прервало связи России со Средней Азией. Однако уже в XIV в. хивинские и бухарские купцы вели транзитную торговлю в Нижнем Поволжье. Примерно в это же время происходит близкое знакомство туркменских племен с Россией. Большой интерес в этом отношении представляет признание самих туркмен, писавших в начале XVIII в. астраханскому губернатору: «Деды и отцы наши близ трехсот лет великому государю служили»[1]. Это дает основание полагать, что примерно с начала XV в. туркмены поддерживали дружественные связи с Россией.

После образования Русского централизованного государства происходит дальнейшее упрочение взаимоотношений России со Средней Азией. Начиная с XVI в. оживляются посольские связи и караванная торговля среднеазиатских народов с Россией. Важное значение приобретают торговые магистрали на пути из Азии в Европу, пролегавшие через туркменские земли на Устюрте и Мангышлаке[2].

Торговые, посольские и всякие иные связи в средние века осуществлялись с помощью больших караванов, составлявшихся в основном из верблюдов. Караваны обычно формировались очень долго, иногда месяцами, и ходили медленно, годами, а в их состав входили сотни, иногда тысячи верблюдов с небольшим количеством лошадей[3]. Кроме купцов, к караванам в качестве компаньонов или просто пассажиров пристраивались паломники, путешественники, посланники, всякие скитальцы и т. д. с внесением определенной мзды за услуги.

Средневековые туркмены принимали непосредственное участие в этом важном деле — сопровождали караваны, отдавали в наем верблюдов и лошадей, снабжали путников съестными припасами и водой. Они

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 26.

[2] Подробно о торговых путях и торговле между Восточной Европой и Востоком в XVI—XVIII вв. см.: *Байкова Н. Б.* Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях. Ташкент, Фан, 1964, с. 18—41.

[3] В 1819 г. на подступах к Хиве Н. Н. Муравьев встретил большой караван туркмен-иомудов, состоявший из 1000 верблюдов и 200 человек. Туркмены возвращались на Мангышлак и везли хлеб (*Муравьев Н. Н.* Путешествие в Туркмению..., ч. 1, с. 81).

К2 82/332

имели большой опыт в составлении поезда каравана, определении оптимального маршрута движения, выборе времени отправления и мест для привала, охране безопасности караванов и всегда старались руководствоваться давнишним правилом о том, что «мир благодаря купцам благоустроен». Правда, туркмены не всегда безупречно выполняли свои функции и обязанности. Так, в 1558 г. английского путешественника Дженкинсона, караван которого состоял из 1000 нанятых у туркмен верблюдов, хотя и «приняли ласково», вскоре возникли споры и, по словам путешественника, туркмены заламывали двойную плату за лошадей, верблюдов, продовольствие и даже питьевую воду заставили покупать, а некоторые из них занимались воровством, попрошайничанием и т. д.[1]. Как бы они сурово ни обошлись с Дженкинсоном, практика найма верблюдов у туркмен продолжалась и в XVIII в.

В 1616 г. туркмены оказали помощь русскому посланцу Тихонову, направлявшемуся с дипломатической миссией в Иран. Они снабдили посла и его спутников верблюдами, лошадьми и проводили их через Каракумы до Хивы[2]. Четыре года спустя в 1620 г. русское посольство во главе с И. Д. Хохловым по пути в Бухару проехало через земли мангышлакских туркмен. Туркмены сначала встретили посольство с подозрением, даже враждебно. Но в результате переговоров они отказались от так называемого «берегового права» и согласились пропустить посольство в Бухару. И. Д. Хохлов сообщает, что туркмены «дали шерт[3] по своей вере, на том, что им нас не побить и не пограбить и дурна над нами никакова не учинить, и подводы под нас в наем дать, и проводить им нас до юргенского[4] Арап царя»[5].

Более подробное описание пути из Астрахани в Хиву и Бухару через земли мангышлакских туркмен дает побывавший в этих краях в 1669—1672 гг. Б. Пазухин.

---

[1] *Веселовский Н.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего, с. 112—113.

[2] Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией, т. 2. Спб., 1892, с. 303.

[3] Слово, обязательство.

[4] Ургенчского.

[5] *Веселовский Н.* Иван Данилович Хохлов (русский посланник в Персию и Бухару в XVII в.). Спб., 1891, с. 19.

Из нескольких маршрутов в Среднюю Азию он рекомендует выбрать путь из Астрахани Каспийским морем на Тюб-Караганскую пристань, откуда послать людей в Туркмению за подводами до Хивы и Бухары. Этот путь может быть пройден за четыре недели и является кратчайшим путем[1]. В 1675 г. русский посланник в Хиву В. А. Даудов также воспользовался услугами туркмен и нанял у них верблюдов для следования до столичного города ханства[2]. Подобные караваны ходили из Средней Азии или через нее в Индию, Иран и страны Ближнего Востока.

Торговые связи между среднеазиатскими ханствами и Астраханью через туркменские владения на Мангышлаке продолжали развиваться и в последующие периоды. Участился также обмен посольствами между Россией, Хивой и Бухарой. Туркмены вносили свой посильный вклад в обеспечение свободного проезда посольств и купцов в оба конца. В караванной торговле с Россией участвовали и отдельные туркменские купцы. В 1641 г. туркменские торговцы из рода аджи побывали в Москве. Конец XVII в. ознаменовался добровольным принятием подданства России группой туркмен, перекочевавших в Астраханскую губернию. Основная часть этих туркмен затем переселилась в ногайские степи на Северном Кавказе и их потомки в настоящее время проживают в Ставропольском крае.

Приведенные отрывочные факты показывают, что посольские и торговые связи Средней Азии с Россией, в том числе прикаспийских туркмен, зародились и начали развиваться задолго до правления Петра I. В эпоху Петра I эти связи получили более широкий размах и развивались бурными темпами.

Экспедиции А. Бековича-Черкасского 1715—1717 гг.

В восточной политике Петра I каспийская проблема играла значительную роль. Каспийское море привлекало внимание как ворота на Восток — в Среднюю Азию, Иран и Индию. Наряду с военным значением, оно открывало для русской торговли прямой выход к восточным странам. Этим объясняется исключитель-

---

[1] *Байкова Н. Б.* Указ. раб., с. 88—89.
[2] *Веселовский Н.* Указ. раб., с. 154.

ный интерес Петра I к изучению как морской акватории, так и земель, расположенных к востоку от нее. Именно с этой целью в 1715—1717 гг. было организовано несколько довольно внушительных экспедиций под руководством гвардейского капитан-поручика князя А. Бековича-Черкасского, которого Петр I инструктировал лично. Впоследствии он сильно переживал неудачное окончание военно-дипломатической экспедиции А. Бековича-Черкасского в Хиву, что почти совпало с семейной драмой из-за казни сына Алексея.

Организация экспедиций. Печальная судьба экспедиции А. Бековича-Черкасского в Хиву в 1717 г. оставила глубокий след не только в развитии русско-среднеазиатских взаимоотношений, но и в истории России Петровской эпохи. В исторической литературе в разное время и в разной степени освещались события, связанные с поездкой туркменского купца Ходжанепеса в Санкт-Петербург, с подготовкой и отправлением экспедиции А. Бековича-Черкасского на восточное побережье Каспийского моря, с гибелью последней экспедиции в Хиве и др. Попутно ставился вопрос о старом русле Амударьи и о повороте ее вод в сторону Каспийского моря. Но в туркменской советской исторической литературе эти вопросы специально не изучались, если не считать краткое изложение экспедиций А. Бековича-Черкасского в «Очерках» и двухтомной истории ТССР[1].

Нами делается попытка осветить вопрос о роли туркмен в экспедициях А. Бековича-Черкасского, об их сотрудничестве с экспедициями. Архивные материалы, выявленные в фондах центральных хранилищ, должным образом еще не исследованы и не использованы в научной литературе. Большой интерес представляют публикации и труды дореволюционных авторов, в частности материалы допросов случайно уцелевших участников экспедиции в Хиву, опубликованные еще в середине XIX в.[2]

Истоки русско-среднеазиатских торгово-экономических и политических связей уходят в седую даль столетий. Велась оживленная караванная торговля средне-

[1] Очерки по истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв., с. 347—348; История Туркменской ССР, т. 1, кн. 1, с. 419—420.

[2] ЗИРГО, 1853, кн. 9, с. 319—337.

азиатских купцов с Восточной Европой, происходил обмен посольствами с Хивой и Бухарой. Важное значение приобретают торговые магистрали на пути из Азии в Европу, пролегавшие через туркменские земли на Устюрте и Мангышлаке. В караванной торговле с Россией участвовали и туркменские купцы, в частности, в 1641 г. туркменские торговцы из рода аджи побывали в Москве.

Мангышлакские туркмены издавна поддерживали с Россией торговые отношения через посредство калмыцких ханов и считали себя холопами хана Аюки, его отца и деда в течение 130 лет. В письме туркменского старшины Бегенча из того же рода от 3 марта 1721 г. астраханскому дворянину К. И. Воронину сообщается: «...великому-де государю мы верны двести лет и государевы-де суды к нам в Караган для торгу приезжали и добродетели делали»[1]. Речь идет о мысе Тюб-Карагане[2], где имелась удобная гавань, защищенная от северных штормовых ветров и куда обычно приставали русские купеческие суда из Астрахани. Мыс Тюб-Караган уже в начале XVIII в. «был издавна известен астраханским жителям по торговле, производимой ими у сего места с трухменцами. Русские и татары ездили туда из Астрахани на малых судах компаниями»[3].

С правления Петра I начинается новый период в истории взаимоотношений России с народами Средней Азии. Петр I придавал большое значение установлению господства России на Каспийском море и открытию кратчайших торговых путей через Среднюю Азию в страны Центральной Азии и Индию. По словам историка XIX в. С. М. Соловьева, Петр I, «прорубая окно в Европу на морях Балтийском и Черном, в то же время искал ключ и врата ко всем азиатским странам через киргизские (казахские. — *М. А.*) и туркменские степи»[4].

В 1713 г. с одной из торговых компаний прибыл в Астрахань «знатный туркменец» Ходжанепес. Как видно из документов, Ходжанепес — отнюдь не случайная личность; он выражал интересы и чаяния своего наро-

[1] ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 560, л. 9—10.
[2] В источниках часто ошибочно Тюк-Караган.
[3] Русско-туркменские отношения..., с. 52.
[4] Аму и Узбой. — Труды Общества по исследованию будущих торговых путей в Среднюю Азию. Спб., 1879, с. 4—7.

да, был его представителем. Он рассказал проживавшему в Астрахани князю Заманову[1] о том, что хочет поговорить с российским императором и «открыть дело великой для государства пользы»[2]. Заманов не без корысти для себя проводил Ходжанепеса в Санкт-Петербург, где через посредство близкого к Петру I гвардии поручика А. Бековича-Черкасского[3] удостоился приема у царя. Это было весной 1714 г. Ходжанепес рассказал Петру I о «песочном золоте», добываемом в стране, лежащей при реке Амударья (Бухарское ханство), и о том, что река прежде впадала в Каспийское море, но хивинцами отведена в Аральское море якобы «ради безопасности от россиян», что, перекопав плотину, можно обратить реку в прежнее русло, «в чем русским будут помогать и туркменцы»[4].

Сведения Ходжанепеса про «песочное золото» были подтверждены прибывшим в столицу сибирским губернатором князем Гагарицым и находившимся в 1714 г. при дворе послом Хивинского ханства Ашур-беком. Первый из них говорил о добыче золота в Бухарии, второй — о том, что Амударья в верховьях вымывает золотой песок[5].

Все это послужило Петру I предлогом к исследованию возможности открыть через Каспийское море путь для торговли с Индией. В этих целях 29 мая 1714 г. был издан именной указ Петра I об отправлении морской экспедиции под руководством А. Бековича-Черкасского для обследования восточного побережья Каспийского моря и собирания предварительных сведений об устье Амударьи, о Хиве, Бухаре и т. д.

Первая поездка князя А. Бековича-Черкасского к восточным берегам Каспийского моря состоялась с 25 апреля по 9 октября 1715 г. Архивные документы свидетельствуют о тесном сотрудничестве мангышлакских туркмен с экспедицией при осмотре восточных берегов

---

[1] Персиянин, родом из Гиляни, где был беком (Заман-бек). Впоследствии переехал в Астрахань и принял христианскую веру.

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 52.

[3] Родом из Кабарды. Был за границей для изучения наук, особенно мореплавания; с 1713 г. становится доверенным лицом Петра I. Был женат на княжне Марии Борисовне Голицыной, дочери известного князя Б. А. Голицына, под надзором которого воспитывался Петр I.

[4] Русско-туркменские отношения..., с. 52.

[5] Там же, с. 53.

моря. В письме астраханскому губернатору от 25 июля 1715 г. они писали: «Деды и отцы наши близ трехсот лет великому государю служили, и ныне по указу великого государя приехал к нам князь Александр Бекович и по приказу его мы все исполнили»[1]. А. Бекович-Черкасский также признавался, что от обывателей восточных берегов Каспийского моря «никаких зол не видали по се время, паче обошлись с нами дружно, по требованию нашему давали лоцманов (проводников. — *М. А.*) водяным и сухим путем; ежели б милостливый бог не умилосердил оных народов к нам, не безбеден был бы живот наш...»[2].

В конце 1715 г. князь А. Бекович-Черкасский прибыл к Петру I с донесением о результатах своей первой предварительной поездки к восточным берегам Каспийского моря. Он застал царя в Либаве (близ Риги). После личного доклада и беседы с князем А. Бековичем-Черкасским Петр I 16 февраля 1716 г. издал указ Правительствующему сенату об отправлении князя А. Бековича-Черкасского в Каспийское море и далее послом к хивинскому хану, а к хану бухарскому и великим моголам Индии было приказано посылать купцов[3]. В тот же день Петр I собственноручно написал все пункты указа (инструкции) на имя А. Бековича-Черкасского, в котором определил основные задачи предстоящей экспедиции.

Указом предписывалось, что экспедиция, во-первых, должна изучить водные и сухопутные торговые пути в Хиву, Бухару, а затем в Восточный Туркестан и Индию; во-вторых, прилежно осмотреть течение Амударьи, все плотины на ее протоках с тем, чтобы «оную воду паки обратить в старый ток», т. е. в сторону Каспийского моря; в-третьих, хивинского хана склонять к верности и подданству, а бухарского — «в дружбу привести». Начальнику экспедиции предписывалось «накрепко смотреть, чтоб с обыватели земли ласково и безтягостно обходилися»[4]. При этом Петр I отмечает, что среднеазиатские ханы бедствуют от своих подданных, прозрачно намекая на выступления народных масс против произвола ханских властей.

---

[1] Русско-туркменские онтошения..., с. 26.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 46.
[4] Там же, с. 27—28.

Для осуществления этих целей Петр I приказал выделить экспедиции 4 тыс. регулярных войск, 1,5 тыс. яицких, 500 гребенских казаков, 100 драгун, судов, «сколько потребно», инженеров, навигаторов, морских офицеров при полном снаряжении, продовольствии и амуниции[1].

Почти одновременно с экспедицией А. Бековича-Черкасского в Хиву из Астрахани в Иран было отправлено посольство А. Волынского (1716—1718 гг.). В Петербурге хорошо понимали, что сведения о военных приготовлениях А. Бековича-Черкасского дойдут до шахского двора, что «персиане имеют некоторое сумнение о делании на Волге бригантин и иных морских судов». Поэтому А. Волынский должен был рассеять эти «сумнения» и разъяснить «пограничным ханам» в Иране, что А. Бекович-Черкасский строит суда для сооружения одной крепости по прошению хивинского хана для безопасности торговли и купечества и «с согласия тех народов (Хивы и Бухары) для свободного и безопасного проходу купцам»[2]. Таким образом, правительство Петра I указывало лишь на конечную цель экспедиции А. Бековича-Черкасского — способствовать развитию торговли со среднеазиатскими ханствами — и пыталось успокоить Иран с тем, чтобы шах не доискивался причин организации этой экспедиции.

В грамоте Петра I хивинскому хану Ширгази от 21 апреля 1716 г. сообщается, что в 1714 г. к нему прибыл хивинский посол Ашур-бек с прошением о свободе торговли между Хивой и Россией, о том, чтобы купцы могли свободно проезжать через земли обоих государств, чтобы им «свободность дать и обид и налог не чинить». Выражая свое согласие на это, Петр I сообщает, что он решил послать к хану посла А. Бековича-Черкасского «для нужнейших дел к общей пользе как нашего Российского государства, так и хивинской земли»[3].

В результате распоряжений сената и по особым требованиям А. Бековича-Черкасского было выделено 3

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 27—28.

[2] *Бушев П. П.* Посольство Артемия Волынского в Иран в 1716—1718 гг. М., Наука, 1978, с. 28; А. Волынский перед выходом в море 5—6 августа 1716 г. в Астрахани встретился с А. Бековичем-Черкасским и обсудил общие задачи.

[3] Русско-туркменские отношения..., с. 29.

полка[1] по 1200 человек, 1500 яицких, 500 гребенских казаков, 600 драгун, 43 артиллериста, 110 инженеров и разных гражданских лиц (астраханские дворяне, купцы, вожатые, переводчики и т. д.). Итого в экспедициях 1716—1717 гг. участвовало 6350 человек, кроме офицеров и нижних чинов Морского ведомства. Отряду было отпущено множество инженерного инструмента — лопат, заступов, кирок, топоров и т. д.[2]

Этот общий итог выведен на основании сведений, поданных князем А. Бековичем-Черкасским астраханскому обер-коменданту по случаю требования провианта на наличное число людей[3].

Для перевозки отряда к берегам Каспийского моря было приказано дать все готовые суда, имевшиеся налицо в Астрахани, Казани и во всех городах низовьев Волги, а также строить новые, согласно требованиям А. Бековича-Черкасского. Для экспедиций 1716—1717 гг. было мобилизовано 147 судов разной величины и названий. Расходы экспедиций 1716—1717 гг. составляли 183 157 руб., а с издержками в 1714—1715 гг. казной было истрачено 218 095 руб.[4]

А. Бекович-Черкасский отправился во вторую поездку на Каспийское море 20 сентября 1716 г. и 9 октября прибыл на мыс Тюб-Караган на Мангышлаке, где высадил войска, заложил крепость, названную Святой Петр. Из Тюб-Карагана князь А. Бекович-Черкасский послал Ходжанепеса вместе с двумя астраханцами — дворянином Званским и Н. Феодоровым[5] в пределы Хивы для осмотра прежнего русла Амударьи и плотины, преграждавшей путь воде в сторону Каспийского моря. В это же время отправил поручика флота А. И. Кожина на юг в Астрабад, куда он должен был доставить подпоручика Давыдова, назначенного послом к бухар-

---

[1] Пензенский, Коротоякский (или Крутоярский) полк из Воронежа и Риддеров полк из Астрахани (ЦГИА ГрузССР, ф. 1087, д. 612, л. 4—7).

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 46.

[3] Каждому солдату было отпущено по одной шубе, 0,5 пуда рыбы, вина и уксусу по ведру. Казакам и драгунам — по одной вьючной лошади на два человека. Кроме того, было куплено 200 верблюдов.

[4] Русско-туркменские отношения..., с. 47.

[5] *Н. Феодоров* ранее (30 лет до 1716 г.) находился в плену в Хиве и при возвращении оттуда «видел прежнее русло Амударьи, которое в том месте, где он переезжал, было шириною сажен 50».

скому хану. Князь А. Бекович-Черкасский 23 октября 1716 г. отправился к Красным водам, куда прибыл 3 ноября и заложил крепость. Отсюда 17 декабря 1716 г. сухим путем в сопровождении конвоя из 100 человек и 60 туркмен отправился в Астрахань, куда прибыл 20 февраля 1717 г.[1] Таким образом, в 1716 г. князь А. Бекович-Черкасский основал две крепости на восточном берегу Каспийского моря — в Тюб-Карагане и Красноводске, где оставил войска под командованием полковников Хрущева и фон дер Видена.

Высадка русских войск в районе Красноводска и основание там небольшой крепости вызвали тревогу у шахского правительства Ирана. Дело в том, что иранские власти всегда считали туркменские племена, населявшие восточное побережье Каспийского моря, подданными шахской короны, хотя власть Ирана здесь носила только номинальный характер. Строительство крепости в Красноводске и появление в Каспийском море русских военных судов создали в шахском дворе обстановку подозрительности и недоверия не только в отношении находившегося там посольства А. Волынского, но и восточной политики России в целом. Разъяснения А. Волынского о том, что постройка крепости в Красноводске «чинится с общего согласия с ханом хивинским и трухменами» и его заверения в том, что это — не военная крепость, а только торговая фактория, не помогли, и подозрительность шахского правительства постепенно переросла во враждебное отношение к посольству и России в целом[2].

Такая подозрительность и враждебность к России подогревались нелепыми слухами, распускавшимися феодальными правителями северных провинций Ирана — Астрабада, Мазандерана, Гиляна и др., которые стремились воспользоваться в корыстных целях мнимой угрозой нападения России на их области в качестве предлога для уклонения от уплаты налогов, поставки войск и фуража сильно ослабевшему к тому времени центральному правительству последних Сефевидов. Поводом для фантастических слухов послужило то, что в ноябре 1716 г. морская буря пригнала два русских судна из красноводского отряда А. Бековича-

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 47—48.
[2] *Бушев П. П.* Указ. раб., с. 50, 58, 84—85.

Черкасского к южным берегам моря в районе Гиляна с 150 солдатами на борту. В связи с этим правители прибрежных провинций Ирана подняли невероятную шумиху о необходимости мобилизации войск для истребления русских солдат, потерпевших бедствие в результате морского шторма[1].

Несомненный интерес представляет отношение туркмен к событиям 1716 г. Князь А. Бекович-Черкасский в донесении Петру I от 18 ноября отмечает, что туркменские земли простираются от российских земель близ р. Эмбы на севере до г. Астрабада на юге, что «оной народ трухменский разных родов выбирают сами между собой владельцев или старшин», что он призывал их в подданство России, «в которых есть в здешних краях немалая нужда»[2]. В заключение он сообщает, что прибрежные туркмены изъявили желание вступить в подданство России и письменно подтвердили это. Причем речь шла не о какой-то небольшой группе туркмен, а обо всех прибрежных племенах, «все те разных родов трухменцы обещались Вашему величеству служить и письмами утвердились, какие они письма мне дали в подданство их вечной Вашему величеству при сем послан перевод»[3].

Мангышлакские туркмены в письмах астраханскому губернатору сообщают, что князь А. Бекович-Черкасский прибыл в Тюб-Караган и на Красные воды и «в то время отпускали мы с ним, Черкасским, людей своих семьдесят человек и для тое службы и за посылку наших людей обещал он, князь Черкасский, дать нам сто сорок мешков пшеничной и аржаной муки и эту муку для дружбы к нам прислать бы»[4]. Эти факты свидетельствуют, что туркменские племена оказывали всемерную поддержку экспедиции князя А. Бековича-Черкасского и приветствовали основание крепостей в Тюб-Карагане и Красноводске.

---

[1] *Бушев П. П.* Указ. раб., с. 69—70, 87, 99. Поручик флота А. И. Кожин, отправившийся к астрабадским берегам по заданию А. Бековича-Черкасского, подтверждает, что «многие суды и с людьми от шторму разбило в разнесло в разные места и повымотало на береги на персидскую сторону и по трухменскому кряжу» (Русско-туркменские отношения..., с. 41).

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 30.

[3] Там же.

[4] Туркмены называли А. Бековича-Черкасского Давлетгиреем.

Туркменские племена больше всего были заинтересованы в возможности поворота Амударьи в сторону Каспийского моря. Когда князь А. Бекович-Черкасский еще находился в Красноводске, к нему возвратился Ходжанепес с посланными с ним астраханцами. Астраханцы доложили А. Бековичу-Черкасскому, что Ходжанепес по прибытии на урочище, находившееся в 2 верстах от Амударьи, действительно привел их на земляной вал высотой в 1,5 аршина, шириной в 3 сажени и длиной в 5 верст, устроенный хивинцами для направления вод реки в Аральское море. Проехав по этому валу и степью около 20 верст, они прибыли к прежнему руслу Амударьи, по которому ехали три дня до урочища Ата Ибрагим, где были мечеть и кладбище. На обоих берегах старого русла они видели развалины прежних жилищ и следы проведенных к ним каналов[1].

Мнение о том, что Амударья когда-то впадала в Каспийское море и протекала через туркменские земли, было широко распространено в Петровскую эпоху. В 1722 г. Флорио Беневени, посланный Петром I в Бухару, в одном из своих реляций писал: «Сказуют, что по Амударье реке до самого моря Каспийского жилья было премножество и хороших городков, а в них жил народ самый непостоянный, от которого Хива, так и Бухара, великие разорения терпели по все годы. Чего ради... рассудили за благо воду весьма пресечь, дабы сжати его, и ретироваться тот народ принужден был, а те места опустели»[2]. Из контекста этого отрывка видно, что речь идет именно о туркменах, которых всегда называли не иначе, как «народ самый непостоянный» и якобы от разбойничьих нападений которых всегда страдали Хива и Бухара.

Эти факты свидетельствуют, с одной стороны, о том, что у Петра I не пропал интерес к повороту Амударьи и отысканию водных торговых путей на Восток даже после печальной судьбы экспедиции князя А. Бековича-Черкасского, с другой, — о том, что туркменские племена были кровно заинтересованы в повороте вод Аму-

---

[1] Из показаний Ходжанепеса видно, что он со своими спутниками поехал по караванной дороге из Тюб-Карагана на Хиву и на 11-й день достиг р. Карагач — притока Амударьи (ЗИРГО, 1853, кн. 9, с. 319—337).

[2] Рукопись ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, ф. 4, д. 839, л. 19.

дарьи в сторону их некогда заброшенных пашен и жилищ. При этом, «по мнению туркменцев, для проведения реки в старое русло надлежало от плотины прокопать высокого места до дола[1] около 20 верст»[2], т. е. достаточно было прорыть канал длиной в 20 верст, чтобы соединить реку со старым руслом. И самое главное заключается в том, что в этом деле «русским будут помогать и туркменцы»[3]. По-видимому, вопрос состоял не в том, в состоянии ли туркмены своими силами прорыть канал и соединить Амударью со старым руслом, а в том, что хивинские ханы не позволяли осуществить это и потому туркмены стремились заручиться поддержкой сильной державы.

На Красных водах к князю А. Бековичу-Черкасскому одновременно с Ходжанепесом возвратился и поручик А. И. Кожин, сообщивший ему, что подпоручика Давыдова, посланного в Бухару через Астрабад, не впустили в город по случаю бывшего тогда бунта в Иране[4]. По прибытии на судне в Астрабад местный хан «ево, Давыдова, не принял, а сказал, что он без указу шахова величества персидского принять и через персидскую землю пропустить не смеет»[5]. После такой неудачи Петр I в 1719 г. через Иран в Бухару направил послом упомянутого итальянца Флорио Беневени[6].

В конце апреля — начале мая 1717 г. князь А. Бекович-Черкасский начал готовиться к третьему — последнему этапу экспедиции. Из Астрахани в Гурьев были отправлены войска и казачьи отряды, где они в течение 4 недель вели последние приготовления к походу в Хиву. Численность отряда достигала 3 тыс. человек[7]. Князь А. Бекович-Черкасский прибыл в Гурьев морем в июне 1717 г.[8]

---

[1] Дол здесь означает русло, ложе.

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 53.

[3] Там же, с. 52.

[4] Там же, с. 47—48.

[5] Там же, с. 41.

[6] *Попов А. Н.* Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом. — ЗИРГО, 1853, кн. 9, с. 303.

[7] ЦГИА ГрузССР, ф. 1037, д. 612, л. 4—7.

[8] В день выхода из Астрахани князя А. Бековича-Черкасского постигло горе: утонули в море любимые жена и две дочери. Сильное потрясение в связи с неожиданной потерей близких, несомненно, сказывалось на поведении А. Бековича-Черкасского, подчас совершенно непонятном (Русско-туркменские отношения..., с. 53).

Не вдаваясь в подробности цифровых данных, характеризующих снаряженный в Хиву отряд, отметим, что экспедицию сопровождали князь Заманов, астраханский дворянин Кирейтов[1], майоры Франкенберг и Пальчиков, братья князя А. Бековича-Черкасского Суюнч и Ак-Мирза, а также Ходжанепес. Главным вожатым отряда был назначен калмык Манглай-Бакша[2] со своими единоземцами, посланными ханом Аюкой в качестве проводников. В отряде насчитывалось приблизительно 6 тыс. лошадей, много вьючного скота. В жаркое время года (20 июня — 15 августа 1717 г.) по безводной пустыне отряд совершил поход из Гурьева в Хиву и за 45 дней прошел 1350 верст. По дороге значительное число вьючных лошадей пало, было брошено много провианта, люди очень устали от жары и безводья. Воду добывали в колодцах, выкапываемых на каждом привале. Словом, это был очень трудный, изнурительный, по тем временам беспримерный поход.

Здесь следует отметить одно важное обстоятельство, решившее, быть может, судьбу экспедиции А. Бековича-Черкасского в Хиву. С привала у колодца Ялгызу А. Бекович-Черкасский отправил астраханского дворянина Кирейтова с сотней казаков в Хиву к хану с письмами и подарками для извещения, что он едет послом от Петра Великого[3]. Через некоторое время у колодца Чилдана, находившегося от Ялгызу в 300 верстах, исчез главный вожатый отряда Манглай-Бакша со своей свитой. Тайно сбежав из отряда на полпути и «обошед оной окольною степью», Бакша прибыл в Хиву несколько позже отряда Кирейтова, которого Ширгази-хан еще не успел принять, «но ему были отпущены от хана кормовые деньги», что говорит о благонамеренном отношении его к миссии Кирейтова[4]. Во всяком случае, когда прибыл в Хиву вожатый Бакша, хивинцы немедленно обезоружили отряд Кирейтова и находившихся при нем людей, тотчас же

---

[1] В других документах — Корейтов, Карейтов.
[2] В других документах — Кашка.
[3] Русско-туркменские отношения..., с. 49, 55.
[4] По другим сведениям, Кирейтов не был остановлен за городом, и хивинский хан устроил ему благосклонный прием (Русско-туркменские отношения..., с. 49).

рассадили их по тюрьмам. С этой минуты в Хиве все пришло в движение, хан начал собирать войско, достигавшее 15 тыс. всадников[1].

Вожатый Бакша по заданию хана Аюки предупредил хивинского хана Ширгази о том, что будто князь А. Бекович-Черкасский идет в Хиву не послом, а войной. Из документов архивов видно, что Аюка-хан сыграл предательскую, двуличную роль: с одной стороны, по его заданию вожатый Бакша тайком сбежал из отряда и предупредил Ширгази-хана о якобы надвигающейся опасности, а, с другой стороны, хан Аюка лицемерно сообщал русским властям о том, что «приехал его посыльщик», который «сказывал, что бухарцы, хивинцы, каракалпаки, кайсаки, балаки (?) соединились... и заставы стоят по местам, колодези засыпали, которым была ведомость чрез трухменцев о походе войска... а ваш де посыльщик в Хиве (имеется в виду князь А. Бекович-Черкасский. — *М. А.*) не в чести»[2].

Аюка-хан имел причину ненавидеть А. Бековича-Черкасского, отказавшего ему по неимении на то царского указа в содействии войсками, собранными для похода в Хиву, против кубанского хана. Поэтому он неоднократно предупреждал об опасности хивинской экспедиции, чтобы отвести от себя страшное подозрение и в угоду корысти хотел свалить всю тяжесть на туркмен, через которых будто бы «была ведомость о походе войска»[3]. Между тем бухарский посол, прибывший в это время в Астрахань, «сам видел письмо Аюки-хана к хану хивинскому, в котором первый предупреждал последнего, что под видом посольства идет русское войско для завоевания»[4]. О том, что Бакша предупредил хивинского хана и стал его близким человеком, свидетельствует то, что Ширгази-хан на следующий день после казни А. Бековича-Черкасского и Заманова «любезно» доложил ему об этом[5]. Все это говорит о том,

---

[1] По другим сведениям, до 24 тыс. всадников (Русско-туркменские отношения..., с. 55).

[2] Подробно об этом и экспедиции см.: Дело 1714—1718 гг. об отправлении лейб-гвардии Преображенского полка капитан-поручика князя А. Бековича-Черкасского на Каспийское море и в Хиву (документы). — Материалы ВУА Главного штаба, т. 1. Спб., 1871.

[3] Там же, с. 297.

[4] *Попов А. Н.* Указ. раб., с. 270.

[5] Русско-туркменские отношения..., с. 34.

что Аюка-хан предал А. Бековича-Черкасского, что привело к роковым последствиям.

Гибель экспедиции в Хиве и ее последствия. Выше была сделана попытка осветить причины организации и осуществление экспедиций к восточным берегам Каспийского моря и в Хиву, а также отношение прибрежных туркмен к этим экспедициям. В данном случае нет необходимости подробно писать о событиях, связанных с походом отряда князя А. Бековича-Черкасского в Хиву, о первых стычках с хивинскими войсками, о предварительных переговорах и встречах А. Бековича-Черкасского с Ширгази-ханом, о разногласиях среди командного состава русского отряда, о расчленении отряда на пять частей, об истреблении отряда и о том, как обезглавили А. Бековича-Черкасского и его приближенных и т. д. Все это детально изложено в показаниях случайно уцелевших Ходжанепеса, Алтына Усейнова, Федора Емельянова и Михаила Белотелкина[1].

Ширгази-хан встретил отряд А. Бековича-Черкасского враждебно. После 3-дневных стычек он убедился, что хивинская конница не одолеет отряд, вооруженный пушками. Поэтому он начал прибегать к обману, ухищрениям и нечестным приемам, не допускавшимся в практике военных столкновений и сражений. Князь А. Бекович-Черкасский проявил излишнюю, подчас непростительную доверчивость и поверил клятвенным заверениям хана о мире и дружбе, быстро согласился на его приглашение в лагерь под видом почетного приема посланнику великого государя и обмена подарками и попал в хитро расставленные сети Ширгази-хана.

Развязка наступила вскоре после того, как А. Бекович-Черкасский в результате переговоров, тянувшихся несколько дней, согласился расчленить свой отряд на пять частей будто бы для удобного его расквартирования по пяти главным городам ханства[2]. Части отряда по 400—600 человек хивинские войска повели по разным дорогам и, едва отведя на несколько верст, начали их уничтожать. Защищавшихся рубили, а не оказывавших сопротивления вязали. Вот как описывает этот роковой момент в своих показаниях Михаил

[1] Показания Ходжанепеса, Алтына Усейнова, Федора Емельянова, Михаила Белотелкина (ЗИРГО, 1853, кн. 9, с. 319—337).

[2] Ходжанепес называет Хиву, Ургенч, Хазарасп, Гурлян и Шагробат (Шахабат) (ЗИРГО, 1853, кн. 9, с. 328).

Белотелкин: «И отъехали де они из обозу (от лагерного расположения войск. — *М. А.*) верст с пять, и едучи, вдруг наехав на них, хивинцы учали их с лошадей брать и вязать и, перевязав, ружье и лошадей, и платье, и скарб, что при них было, все обрали, и их разобрали, трое одного человека развели неподалеку друг от друга и почали рубить»[1]. Эти трагические события происходили в середине августа 1717 г. в местечке Порсунгул[2] в двух днях езды от Хивы.

Часть отряда, составлявшая охрану князя А. Бековича-Черкасского, была уничтожена на следующий день. Убедившись в том, что войска А. Бековича-Черкасского полностью уничтожены, Ширгази-хан приказал казнить дворянина К. Экономова, затем князя Заманова, и, наконец, А. Бековича-Черкасского, упрекавшего хана в вероломстве. В показаниях денщика князя Заманова из астраханских юртовских татар Алтына Усейнова сцена казни описана следующим образом: «И как де тот хивинский хан из шатра своего вышел и из обозу господина князя Черкасского узбеки[3], взяв астраханца дворянина Кирьяка Экономова и против шатра хивинского хана расстоянием сажень с тридцать, учали его, Кирьяка, разболокать донага, и разболочи, отрубили ему саблею голову и брюхо распороли. А потом де как стали его рубить, пришед к ханскому шатру другие узбеки и князя Михаилу Заманова, взяв с лошади, повели, и он де, князь Заманов, лошадь свою отдал держать ему, Алтыну, и от шатра де ханского отвели его, князя Заманова, сажень с десять и платье, которое на нем было, сняли и разболокли донага, оставили в одних штанах и посадили на землю. И двое человек хивинцев учали его рубить и голову ему отсекли же. И те де их казни хивинский хан видел, а господин де князь Черкасский, сидя на лошади у шатра его, хивинского хана, ему, хану, и узбекам стал говорить: для чего они присланных с ним рубят, понеже он прислан от царского величества послом, а не войною, в чем де он, хан, и ханские его люди, что над ними зла

---

[1] ЗИРГО, 1853, кн. 9, с. 333.

[2] По другим сведениям, Порсу-Сунгул, что скорее надо читать как Порсу-Чунгул, где впоследствии човдуры воздвигли Порсу-Калу (Русско-туркменские отношения..., с. 50).

[3] Речь идет о пукерях хивинского хана, в составе которых наравне с узбеками были туркмены, казахи, каракалпаки и др.

никакого не чинить, целовали Куран»[1]. Также казнили и князя А. Бековича-Черкасского, «платье все с него сняли, оставили в одной рубашке и стоячего рубили саблею»[2]. Отрубленные у трех жертв головы были отосланы в Хиву, где с них сняли кожу, набили соломой и повесили у Айдарских ворот[3] на виселице[4]. Так печально закончилась известная экспедиция А. Бековича-Черкасского в Хиву, надолго сохранившаяся в памяти народа и оставившая пословицу: «Пропал, как Бекович».

Зверский поступок Ширгази-хана — один из многочисленных примеров трусости и подлости восточных деспотов, которые часто творили кровавые злодеяния, лицемерно используя религию, фарисейски целуя Коран и т. д.

Небезынтересна судьба Ходжанепеса[5], который уцелел и благополучно добрался до своего аула. Астраханский дворянин Званский рассказал Ходжанепесу о том, что при первом свидании с князем А. Бековичем-Черкасским Ширгази-хан просил его, чтобы «Нефеса отдал ему, хану, убить за то, что он, Нефес, им дорогу указывал и вождем был. И господин князь Черкасский его, Нефеса, не отдал, а велел спрятать тайно в телегу, чтобы другие не показали, и покрыли епанчею и приставили караул четырех человек. И был он в телеге трои сутки[6]. Князь А. Бекович-Черкасский и в дальнейшем проявлял заботу о Ходжанепесе, из ханского лагеря к своим войскам прислал специального человека с поручением, «чтобы его, Нефеса, как можно схоронили. И спрятали де его, Нефеса, по-прежнему в те-

---

[1] ЗИРГО, 1853, кн. 9, с. 331—332.

[2] Там же, с. 326.

[3] По другим сведениям, голова князя А. Бековича-Черкасского послана ханом Ширгази в подарок бухарскому хану, что удивило последнего, отправившего голову обратно с вопросом: «Не людоед ли Ширгази?» (Русско-туркменские отношения..., с. 56).

[4] Русско-туркменские отношения..., с. 34, 51.

[5] В своих показаниях говорил, что он туркмен, родом салыр (возможно, следует читать салыр), владения Сейдали-Салтана (в других документах — Сеид Ахмед-Султан, Сеид Мухаммед-Султан), «кочевье де они свое имеют улусами в кибитках близ Тюб-Карагана, в степях, по речкам Бегли да Емли...». Будучи предприимчивым купцом, неоднократно побывал в Астрахани и Хиве (ЗИРГО, 1853, кн. 9, с. 319).

[6] ЗИРГО, 1853, кн. 9, с. 326.

легу...»[1]. Тем временем наступила кровавая развязка, и телега со спрятанным Ходжанепесом досталась одному из ханских нукеров туркмену Агамамеду. Тот отвел Ходжанепеса «в палатку свою в обоз хивинский и велел ему голову по туркменскому их обыкновению обвить вместо чалмы платком, чтоб его узбеки не познали, а та де его палатка стояла близко шатра ханского и палатки господина князя Черкасского»[2]. Так Ходжанепес через некоторое время невольно стал очевидцем казни А. Бековича-Черкасского и его приближенных.

После того, как хозяин доставил его в Хиву, он с ним договорился о том, что «пришлет за себя к нему, туркменцу, ясырей калмык двух человек и в том дал ему по себе порукою прежних своих знакомцев — туточных хивинских жителей Аллаяра да Човдура»[3]. Хозяин его Агамамед отпустил Ходжанепеса, а один из знакомых дал ему лошадь, и ночью он выехал из Хивы в сторону Мангышлака. По прибытии (через 10 дней) в аул Ходжанепес со старшиной Сеид Ахмедом явился в Тюб-Караганскую крепость и обо всем происшедшем и увиденном подробно изложил полковнику Анненкову. Вскоре Ходжанепеса отправили в Астрахань, где его также подробно допрашивали, а из Астрахани отослали в Казань, где вместе с другими уцелевшими участниками экспедиции его допрашивал казанский губернатор боярин П. С. Салтыков. Протоколы этого допроса и показания Ходжанепеса — последние документы, в которых упоминается его имя. После казанского допроса имя Ходжанепеса исчезает и о его дальнейшей судьбе ничего не известно[4]. Но судьба этого человека была нелегкой. Будучи движим благородным стремлением повернуть Амударью по старому руслу в сторону Каспийского моря и тем самым обеспечить оросительной водой туркменские земли и открыть водный торговый путь в страны Востока, он выражал вековые чаяния своего народа.

Попытки калмыцкого Аюки-хана свалить вину за

---

[1] ЗИРГО, 1853, кн. 9, с. 326.

[2] Там же, с. 327.

[3] Там же, с. 328.

[4] По преданиям, Ходжанепес благополучно вернулся на Мангышлак и вскоре перебрался далеко на юг в пределы Ирана. В устье р. Гурген до сих пор существует населенный пункт под названием Ходжа-Нефес (записи автора, 1961 г.).

гибель экспедиции князя А. Бековича-Черкасского на туркмен не выдерживают никакой критики. Наоборот, как видно из сведений участников экспедиции астраханцев И. Воронина и А. Святого, после того, как в июле 1717 г. в Хиве появились слухи о том, что князь А. Бекович-Черкасский идет не посольством, а войною, хивинцы стали «негодовать на туркменцев, зачем дают русским вожатых... и кайсакам, узбекам и каракалпакам сделано от старшин воззвание, дабы встретить русское войско в безводных местах большими силами»[1]. Это показывает, что туркмены попали в немилость к хану и в ту пору общественное мнение было направлено против них как виновников появления отряда А. Бековича-Черкасского в пределах ханства.

Правда, после гибели экспедиции туркмены Прибалханья совершили нападение на крепость Красноводск. В архивных документах проходят имена двух предводителей прикаспийских туркмен — Арслан-бека[2] и Бутуз-бека. Первый из них дружественно относился к отряду в Красноводской крепости и находился в постоянных контактах с начальником крепости полковником фон дер Виденом. Второй в конце августа 1717 г. сообщил отряду, что «князя Черкасского и при нем будучее войско хивинцы побили, а остальных всех разобрали по рукам»[3], после чего отношение прибрежных туркмен к русской крепости постепенно изменилось. Арслан-бек предупредил фон дер Видена о том, что Бутуз-бек собирается напасть на крепость, «чтобы они оттого имели осторожность»[4]. И действительно, в сентябре — начале октября 1717 г. на рассвете 2 тыс. туркмен «текейи-юмутцы, огружинцы, куклуяны, юмутцы... татары-балханцы» сухим путем и морем на лодках, «с огненным и лучным ружьем» напали на крепость. Но нападение туркмен было отбито. 3 октября 1717 г. из-за недостатка пресной воды и дров, а также распространения болезней отряд вынужден был оставить крепость и эвакуироваться в Астрахань[5].

Факт нападения туркмен на крепость в Красноводске можно объяснить двумя причинами. Во-первых, в

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 54.
[2] В документах Розсланбек.
[3] Русско-туркменские отношения..., с. 42.
[4] Там же.
[5] Там же, с. 42—43.

связи с гибелью экспедиции князя А. Бековича-Черкасского, они, возможно, рассчитывали на добычу и с чисто грабительскими намерениями напали на крепость. На это есть прямое указание в документах, где говорится, что «туркмены в надежде добычи переменили дружбу свою к нам на ненависть»[1]. С другой стороны, трудно предположить, чтобы туркмены без вмешательства Хивы вдруг «переменили дружбу на ненависть». Нападение на крепость в Красноводске — дело рук Ширгази-хана, который, «не довольствуясь истреблением отряда князя Черкасского, подстрекал туркменцев атаковать эту крепость»[2]. О наличии организованного начала говорит и состав участников нападения. Наряду с островными и прибрежными туркменами, нападавшими на лодках с моря, упоминаются текинцы, йомуды, гоклены и балханцы, конные отряды которых нападали с суши. Если принять во внимание то, что прибалханские туркмены, текинцы, часть йомудов считались подданными Хивы и платили дань ханским властям, то становится несомненной подстрекательская роль Ширгази-хана в организации нападения на крепость в Красноводске.

Жестоко расправившись с отрядом А. Бековича-Черкасского, хан чувствовал угрызение совести перед Петром I и в дальнейшем всячески оправдывал свои действия. Принимая через несколько лет другого посланника Петра I Ф. Беневени, возвращавшегося из Бухары, Ширгази-хан говорил ему, что А. Бекович-Черкасский явился в Хиву не послом, а войною, «что государь ваш не знал намерений князя Бековича, который действовал для своей личной выгоды», и т. д. Ширгази-хан даже заискивал перед Ф. Беневени, приглашая его специальным письмом проехать через Хиву[3].

Так же, как Ширгази-хан, правители Ирана смертельно боялись Петра I. Поход А. Бековича-Черкасского в Хиву вызвал настоящую суматоху и панику не только в североиранских провинциях, но и в столице — Исфагане. Астрабадский губернатор посылал к шахскому двору тревожные вести, в которых уверял, что А. Бекович-Черкасский после покорения Хивы намерен повернуть на Иран и требовал от шаха срочной помо-

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 56.
[2] Там же, с. 51.
[3] Там же.

щи войсками для обороны Астрабада. При этом губернатор заведомо в 10—20 раз преувеличивал число русских войск, а в последних донесениях сообщал, что на море и на суше близ рубежей Астрабада «обретаются с 100 000 войск российских, а по крайней мере сказывают 50 000»[1]. Такие фантастические сведения повергли в ужас шахских чиновников. К этому следует добавить, что каким-то образом неосторожное письмо А. Бековича-Черкасского русскому посланнику в Иране А. Волынскому с информацией о походе на Хиву оказалось вскрытым и просочившиеся из него сведения дошли до шахских правителей, на что правительство Ирана реагировало очень остро. После всего этого А. Волынский попал в долгую изоляцию и его неоднократные запросы — «за что без причины мучают» — оставались без ответа[2].

Североиранские губернаторы и чиновники шахского двора зорко следили за ходом экспедиции А. Бековича-Черкасского в Хиву, поскольку иранские власти обычно считали среднеазиатские ханства вассалами шахской короны. Первые известия о гибели в Хиве экспедиции А. Бековича-Черкасского дошли до Ирана в начале 1718 г., что было встречено не без удовольствия. По другим сведениям, вскоре в Исфаган прибыл специальный хивинский курьер с вестью, что «оне князя Черкасского убили. Также и корпус, который при нем был, весь побили...»[3]. За это известие тому гонцу было выдано щедрое вознаграждение — 72 червонных, а шах Султан Хусейн лично «послал 2000 тюменов в подарок узбецкому хану... за то, что оне убили или хивинцы убили князя Черкасского»[4]. Вот так одарил последний сефевидский шах Ширгази-хана в Хиве за вероломное истребление отряда А. Бековича-Черкасского.

Однако на этом иранские власти не успокоились. Им все казалось, что Россия сосредотачивает огромное войско для нападения на Иран и все допытывались у

---

[1] *Бушев П. П.* Указ. раб., с. 102—104.

[2] Там же, с 162. Поведение североиранских губернаторов и шахских вельмож невольно напоминает героев известного романа английского дипломата первой половины XIX в. Дж. Морисра «Похождения Хаджи Бабы из Исфагана» (М., 1970).

[3] Там же, с. 203.

[4] Там же, с. 222.

А. Волынского о том, что Петр I не оставит безнаказанным преступление Ширгази-хана и что он уже прислал в Астрахань 80 тыс. войск и т. д. На эти доискивания шахских вельмож А. Волынский прямо ответил, что трудно будет русскому царю оставить это без последствий, когда «явная и наглая обида от них (хивинцев.—*М. А.*) учинена в том», потому что хивинцы, «сами призвав к себе князя Черкасского, дав ему с своей стороны некоторые присяги, а потом, обманув, ево убили»[1]. Поэтому, добавил он, «который бы государь мог (без) отплаты бездельников такую противность стерпеть наглую»[2]. А. Волынский не исключал возможности повторного похода России в Хиву после трагической гибели экспедиции А. Бековича-Черкасского.

Несмотря на печальный исход экспедиции А. Бековича-Черкасского, она явилась первым крупным политическим событием в русско-среднеазиатских отношениях, положила начало дальнейшему развитию торгово-экономических, политических и дипломатических отношений между Россией и Средней Азией. В связи с гибелью экспедиции А. Бековича-Черкасского тяготение среднеазиатских народов, особенно прибрежных казахов и туркмен, к России не только не уменьшалось, но, наоборот, они с еще большим усердием и постоянством искали подданства России, считая его единственным средством избавления от жестокостей и произвола ханского режима.

Русско-туркменские отношения после гибели экспедиции А. Бековича-Черкасского

Вероломная расправа с участниками экспедиции А. Бековича-Черкасского создала тягостную обстановку не только в Хиве, но и во всей Средней Азии. Ширгази-хан, по-видимому, постепенно начал понимать всю низость и мерзость содеянного, стал подозрительным, вел жизнь взаперти, боялся окружающих. Ф. Беневени сообщает, что из-за боязни хан никуда не выходил, «а ночью в башню запирается, в которой довольно провианту припас, а воду берет из колодца»[3]. Выше уже го-

[1] *Бушев П. П.* Указ. раб., с. 199.
[2] Там же, с. 222.
[3] *Попов А. Н.* Указ. раб., с. 372.

норилось, что Ширгази-хан обрадовался приезду Ф. Беневени, заискивал перед ним, клеветал на А. Бековича-Черкасского, чтобы снять свою вину.

Среди высших сановников ханства было много недовольных зверским поступком Ширгази-хана. Один из аталыков прямо заявил Ф. Беневени о своем намерении наказать хана за содеянное: «Ежели живого в руки получим, пошлем к Белому царю, дабы над ним то же учинили, что и оный над князем Бековичем, а не так, голову его пошлем»[1]. Не лучше обстояло дело в Бухаре, которая была крайне разорена, все дороги перекрыты шайками разбойников; народы, в частности таджики и гератцы, часто восставали против своих правителей. Разваливалась династия аштарханидов. Словом, в Средней Азии господствовали полный хаос и неразбериха. Недаром Ф. Беневени предлагал Петру I идти походом на Хиву и Бухару, говоря при этом, что «сила все резоны уничтожит», что в данной обстановке нет надобности опасаться со стороны Ирана или других государств, «ибо все генерально между собою драки имеют»[2].

Действительно, на рубеже 20-х гг. XVIII в. в Иране сефевидская династия доживала последние дни, страна была охвачена внутренними междоусобными войнами, а вскоре была захвачена афганцами. Торговля пришла в упадок, караванные пути между городами Мешхед, Герат, Исфаган всюду подвергались нападениям и грабежам. Ф. Беневени приписывает все грабежи туркменам и афганцам и пишет, что «на степи везде текеямуды и иные трухмены неотменно, так что и птице не пролететь... Дороги везде кругом залегли[3]. В такой сложной и запутанной обстановке не могло быть и речи о нормальных взаимоотношениях между Россией, Средней Азией и Ираном. Для возрождения и развития их потребовались годы и десятилетия.

Гибель экспедиции А. Бековича-Черкасского в Хиве осложнила дальнейшее развитие русско-среднеазиатских взаимоотношений. В послепетровскую эпоху в течение почти 20-летнего периода времени наступает затишье в русско-туркменских отношениях, хотя прикаспийские туркмены продолжали питать дружествен-

---

[1] *Попов А. Н.* Указ. раб., с. 374.
[2] Там же, с. 379.
[3] Там же, с. 380.

ные чувства к России. Время от времени к мангышлакским берегам приходили торговые суда из Астрахани и продавали туркменам хлеб.

Но торговля была отягощена задержкой представителей мангышлакских туркмен в пределах России, безвестным исчезновением некоторых из них, в том числе упомянутого Сеид Ахмед-султана, взаимными поисками пропавших туркмен в России и русских в Средней Азии. Об этом говорит письмо старшины древнего туркменского рода на Мангышлаке аджи Бегенча астраханскому дворянину К. И. Воронину от 3 марта 1721 г. Сообщая, что «двести лет худо от нас не бывало», он просил К. И. Воронина разыскать в Астрахани или Саратове выехавших туда их хана Сеид Ахмед-султана, его сына Кочкара и других людей[1], которые «безвинно страждут».

В свою очередь, он сообщил К. И. Воронину о том, что послали своих людей разыскать сына его — участника экспедиции А. Бековича-Черкасского — в Чарджоу, где, по сведениям дворянина, будто бы он находился, дали этим людям лошадей и верблюдов, муку, шкуры бобров, кожаные изделия для выкупа сына, поручили им следовать далее до Бухары и Балха, чтобы найти его. В конце письма Бегенч сообщал, что все это они делают «для милости великого государя и ради тебя» и просил К. И. Воронина сделать все, чтобы «наша работа не пропала»[2].

Все это убеждает в том, что гибель экспедиции А. Бековича-Черкасского не убила окончательно желания России и прибрежных туркмен развивать между собой добрые и взаимовыгодные отношения. Шла торговля, и «государевы суды к ним в Караган для торгу приезжали и добродетель делали»[3]. Но прежнего доверия с обеих сторон уже не наблюдалось. Туркмены стали меньше и реже ездить в Астрахань. Русские торговые суда рекомендовано было снабдить артиллерией и

---

[1] Возможно, речь идет и о Ходжанепесе, которого повезли в Казань и там допрашивали. Бегенч прямо пишет, что русские власти Сеид Ахмед-султана и его сына Кочкара «покинуля в Саратове, а двоих повезли вверх». Не исключено, что один из увезенных вверх был Ходжанепес. В 1717 г. Ходжанепес с Сеид Ахмед-султаном доложили русским о гибели экспедиции А. Бековича-Черкасского.

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 44—46.

[3] Там же, с. 45.

торговлю с туркменами «чинить с осторожностью и со взятием от них аманатов»[1], т. е. заложников.

О благородном стремлении прибрежных туркмен к сближению с Россией свидетельствовали их заботы по спасению русских матросов, солдат, офицеров и других лиц, потерпевших кораблекрушение и выброшенных к пустынным восточным берегам Каспийского моря. Об этом говорит донесение священника Семеновского полка Т. Н. Буслаева от 21 декабря 1722 г. По его сведениям, 9 октября 1722 г. плоскодонное грузовое судно с 250 больными солдатами Семеновского, Астраханского и Ингерманландского полков на борту штормовыми ветрами отнесло в море на восток, где оно утонуло. Часть спасшихся на лодках прибило к пустынным берегам Мангышлака. В горах к ним пришли местные жители и объявили про себя: «Мы — трухменцы, а то де место Тюб-Караган». До 26 октября потерпевшие укрывались в горной пещере, указанной туркменами, «ели у них бараны». Затем более здоровые степью ушли в Астрахань, а больные солдаты остались у туркмен. В последующие дни туркмены вывозили на верблюдах оставшихся в живых солдат и спасали их[2]. Такие спасательные работы проводились и в дальнейшем.

Большой интерес для истории русско-туркменских дружественных связей представляют события 40-х гг. XVIII в., связанные с завоеванием Надир-шахом Бухары и Хивы. В августе — сентябре 1740 г. огромная масса туркмен, живших на побережье Амударьи от Северного Афганистана до Хивы, спасаясь от преследований Надир-шаха, двинулась на Устюрт, Балханы и Мангышлак. Оставшиеся без крова, испытавшие голод и лишения люди обратились к России с просьбой оказать им помощь хлебом и другим продовольствием.

Здесь необходимо остановиться на одном весьма существенном факторе, приведшем к повсеместному отказу туркмен подчиниться воле Надир-шаха и вынужденному перемещению их в северные и северо-западные пустынные районы Туркмении. Надир-шах, как известно, происходил из родственного туркменам тюркского племени афшаров и родился в местах, граничащих между Туркменией и Ираном (оазис Атек). Некоторые историки даже называют Надир-шаха туркменом. С юношес-

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 45.
[2] Там же, с. 57—58.

ких лет он вступил во враждебные отношения с туркменскими племенами Атека, Ахала, Теджена, Мерва, Южной Туркмении и в начале XVIII в. вел с ними бесконечные войны. Он рано познал храбрость и воинские способности туркмен; однажды даже попал к ним в плен. Будучи шахом, Надир никогда не оставлял намерения иметь в авангарде своих многочисленных войск отряды из туркменских племен и при каждом удобном случае приглашал их на службу, предлагая выгодные условия, заигрывая, а подчас и заискивая перед ними. Эту тактику Надир-шаха в отношении туркмен подтверждают как архивные, так и восточные источники XVIII в.

Во время завоевания Бухары и Хивы Надир-шах также добивался службы туркменской конницы в своих войсках, проявлял царское «великодушие» по отношению к тем, кто воевал против него и попал в плен, посылал их в туркменские кочевья вместе со своими людьми для вербовки конных отрядов, давал туркменам щедрые обещания, тарханство в войсках и т. д. Придворный летописец Надир-шаха Мехди-хан Астрабади сообщает, что шах проявлял особый интерес к хивинским йомудам и отправил к ним царский указ, чтобы «они через назначенных вербовщиков прислали для шахской конницы 1000 молодых и способных к военному делу людей»[1]. Другой персидский хронист из Мерва Мухаммед Казим уточняет, что Надир-шах пригласил старшин йомудов к себе и «сказал им, что, в какой бы из стран Ирана или Турана не пожелали они поселиться, он предоставит им возможность это сделать с тем, чтобы они пребывали в верности и повиновении»[2]. Однако йомуды не поддались заигрываниям Надир-шаха и ответили: «Отстать на мгновенье от злонамеренного лучше, чем прожить семьдесят—восемьдесят лет»[3].

Этот дерзкий ответ туркмен Надир-шаху подтверждает и письмо калмыцкого хана Дондук Омбы кабинетному министру графу А. И. Остерману от 13 февраля 1741 г., который писал, что шах дважды обращался к туркменам. В первый раз он говорил, что, хотя туркмены и воевали против него и много войск его побили, но шах «на них гневу не имеет, и чтоб они и

[1] МИТТ, т. 2, с. 149.
[2] Там же, с. 161.
[3] Там же.

с улусами своими кочевали и где похотят, токмо бы войска своего дали и оные трухменцы, не послушав того, сюда покочевали»[1]. Другой раз присланные от шаха вербовщики объявили туркменам, что «шах позволяет им сверх обыкновенного жалования во всех его войсках иметь первенство и жалует им тарханство»[2]. Но никакие шахские обещания не смогли сбить туркмен с избранного пути, твердо решивших держаться подальше от «злонамеренного шаха», прибегавшего на каждом шагу к вероломству.

Дальнейшие действия Надир-шаха в Хиве, на Атреке, Гургене и в других районах Туркмении не оставили сомнения в его враждебных намерениях по отношению к туркменам. Отказ туркмен служить в шахских войсках он воспринял как оскорбление и под предлогом того, что они «создают о себе дурную славу, продолжают упорствовать во вражде и кровопролитии»[3], организовал серию карательных походов и жестоко расправился с ними повсюду, наложил запрет на торговлю.

В этой трудной обстановке, когда туркмены были лишены возможности посещения рынков Хорасана на юге, Хивинского ханства на севере для обмена продуктов скотоводства на хлеб, когда они всюду подвергались нападениям и безжалостному истреблению, они обратились к России за помощью. На север и северо-запад двинулись основные крупные туркменские племена—йомуды, теке, эрсары, салыры, човдуры, игдыры, абдалы, бурунджуки и др. Имеются указания, что туркмены сообщали о том, что около 300 тыс. кибиток пришло в движение, снялось с берегов Амударьи и устремилось в пустынную зону на северо-западе Туркмении[4].

Эти потрясающие события в жизни туркменского народа середины XVIII в. не получили еще надлежащего освещения в исторической литературе. В двухтомной

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 59, 72. Наместники Надир-шаха в Хиве также из года в год пытались убедить туркмен принять подданство шаха и выставить конницу на службу. Но туркмены заявили им, что «они люди вольные и при Хиве кочуют своею волею и чтоб им давать от себя кому в службу людей обыкновения у них нет».

[2] Там же, с. 59.

[3] МИТТ, т. 2, с. 161.

[4] Русско-туркменские отношения..., с. 59.

истории Туркменской ССР передвижение столь громадного количества туркмен берется под сомнение, а их просьба о посылке муки и продовольствия на 400—500 судах (что хотя, конечно, было невозможно практически осуществить в тогдашних условиях) дается ошибочно — на 4—5 судах. Речь идет о тревожном положении — массовом передвижении туркменских племен, снявшихся с насиженных мест по среднему и нижнему течению Амударьи, т. е. по тем районам, через которые прошли войска Надир-шаха. Об этом говорит и то, что кочевавшие туркмены в архивных данных фигурировали как оседлые, «...они люди не кочевые и обвыклые к хлебу, и где хлебных мест нет, тамо они жительство иметь не могут»[1]. Следовательно, произошло переливание огромной массы полуоседлых и оседлых земледельцев долины Амударьи в пустынную зону Северо-Западной Туркмении, и обращение к России за помощью было направлено от имени этих туркмен, еще почти незнакомых с ней.

Россия, естественно, не оставалась безучастной к просьбе туркменских племен. Весной 1741 г. по вскрытии льда из Астрахани в Мангышлак было отправлено специальное судно под руководством капитана Тебелева, нагруженное мукой и другими продуктами. Более того, царским указом было объявлено о том, что «к тем трухменцам ехать с торгом состоит в воле купечества». Астраханский губернатор князь М. Голицын довел царский указ до сведения всего купечества, «дабы из оных охочие люди с хлебом и другими товарами туда ехали»[2].

Наряду с этим указом, астраханскому губернатору и местным властям Царицына и Саратова были даны указания о выяснении причин передвижения туркмен, т. к. калмыцкий хан сообщал, что «передние уже дошли до урочища Мангышлака», а около 10 тыс. кибиток оказались у устья р. Эмбы[3]. Необходимо было выяснить достоверность этих сведений, куда они намерены

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 59.

[2] АВПР, ф. «Трухменские дела», 1741, оп. 133/1, д. 1, л. 3—3 об.

[3] По другим данным, в Мангышлак возвратились только ушедшие ранее в Хиву туркмены, которых «збирается в оное урочище до двадцати тысяч, а старшиною при них Союна» (АВПР, ф. «Трухменские дела», 1971, оп. 133/1, д. 1, л. 1—1 об.).

перекочевать, их количество и узнать, куда ушел Надир-шах после завоевания Хивы, оставил ли там войска и т. д.

Все сведения о туркменах шли через калмыков, кочевавших в степях низовьев Волги, Яика и Эмбы. Переводчик калмыцких дел Я. Самсонов в донесении от 17 марта 1741 г. сообщал, что прибывшие к калмыкам туркмены объявили, что «за взятием Хивы и Бухары персидскими войсками им, трухменцам, ныне в прежних их местах кочевать стало быть зело неспособно; того ради они, трухменцы, со всем кочевьем з домы и со скотом своим всего в десяти тысячах кибитках ныне из тех своих прежних мест вышли...»[1]. Они изъявили согласие кочевать по рекам Эмба и Яик. Небольшая группа туркмен во главе со старшиной Нобат прикочевала к яицким берегам и заявила, что туркмены не пожелали идти в подданство Надир-шаха, не признали его наместников в Хиве, «учинились им противны и убили одного хана», за что против них организовали карательный поход. Сражение произошло в местечке Кызылджельгын, и туркмены в количестве 10 тыс. кибиток вынуждены были откочевать из пределов Хивы. В результате долгих скитаний и лишений они «пришли в самое убожество, и все свои кибитки разбросали»[2].

Поскольку связи России с прикаспийскими туркменами вплоть до середины XVIII в. осуществлялись через калмыцких ханов, то последние, по-видимому, воспользовались этим и предложили туркменам селиться в этих районах с тем, чтобы они находились в их подчинении, а не в подданстве России, при котором туркмены пользовались бы одинаковыми правами с калмыками.

Правительство России предвидело, что калмыцкие ханы преследуют собственные интересы, что они могут повредить делу установления протекции России над туркменами, чего последние действительно добивались. Поэтому в предписания Коллегии иностранных дел астраханскому губернатору говорится, чтобы туркмены «мимо калмыцкого хана о всем к вам адресовались». Речь шла о том, чтобы туркмены вступали в прямые контакты с губернатором и если кто из их старшин

---

[1] АВПР, ф. «Трухменские дела», 1741, оп. 133/1, д. 1, л. 13.
[2] Русско-туркменские отношения..., с. 70—71.

изъявит желание приехать в Астрахань или ехать в Петербург, то князь М. Голицын должен был принять их надлежащим образом, обеспечить квартирой, кормовыми и подводами, отпускать обратно с лаской и подарками. Все это делалось для того, чтобы «удобовозможным образом разведать о множестве того народа», выяснить, в каком состоянии он находится, какое намерение имеет и где желает иметь свое пребывание[1]. В этих целях астраханскому губернатору предлагалось пригласить к себе несколько знатных туркмен и «с оными пространнее переговорить». Если он в их намерениях найдет пользу интересам России и «усмотрит пристойность», то должен обнадежить их милостью царя и обещанием принять в подданство России[2].

Судно капитана Тебелева было отправлено на Мангышлак «для пробы» с небольшим количеством муки и других хлебных продуктов. Тебелев обнаружил там небольшое количество постоянно живущих туркмен-абдалов, претерпевающих от соседних адаевских казахов «великие утеснения». Их старшины объявили Тебелеву, что после завоевания Бухары и Хивы персидским шахом «трухменцы пришли было к Мангышлаку многое число». Но после того, как Надир-шах возвратился в пределы Ирана, то многочисленные туркмены весной 1741 г. «отошли паки возвратно на прежние свои места»[3]. Так завершилось оживление в русско-туркменских отношениях 1740—1741 гг., вызванное вторжением шахских войск в пределы Средней Азии. Важный момент в этих событиях заключается в том, что туркменские племена, попавшие в беду, обратились за помощью к России, которая немедленно откликнулась на их просьбу.

Мангышлакские туркмены передали через Тебелева прошение астраханскому губернатору с просьбой возобновить торговлю и обещанием со своей стороны провожать русские караваны до Хивы и Бухары. Они писали: «Для того дадим свой конвой и подводы, а буде из Бухары и из Хивы прибудет караван, то по-

---

[1] По указу царя М. Голицын должен был разведать не только «о множестве того народа», но и проверить «военной ли оной и какое оружие имеет» (Русско-туркменские отношения..., с. 64).

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 62—63.

[3] Там же, с. 64—65.

тому ж отсюда отправляетца водою ж, а от нас никакой опасности тому каравану не будет»[1]. В ту пору на Мангышлаке жили шесть небольших родов абдальского племени (дели, огры, менгли-ходжа, курбан, буруншук и игдыр), занимавшиеся скотоводством, охотой, рыболовством, тюленьими промыслами и очаговым земледелием. При каждом удобном случае они не переставали просить астраханских губернаторов присылать к ним побольше торговых судов, поощрять купечество, привозить к ним более регулярно хлебные продукты и т. д. В мае 1745 г. они передали следовавшему в Петербург для поздравления Елизаветы Петровны с восшествием на престол хивинскому послу Мулла Хаджи Мухаммеду Турсунову прошение на имя императрицы о принятии их в подданство России. Устно просили посла передать ее величеству, чтобы она приказала построить «для охранения их, також и приезжаюсчих купцов для торгу... город», что для строительства такого города в их краях есть удобное место. Поскольку их прошение было написано без подписи и отправлено без печатей, то оно вызвало у астраханского губернатора подозрение. Он заявил послу, что в подлинности этого прошения «увериться сумнительно». Поэтому оно было оставлено без внимания, а посол хивинский заявил В. И. Татищеву, что так получилось потому, что туркмены «люди степные и российского обыкновения не знаюсчие»[2].

Однако вскоре вопрос о выяснении достоверности желания туркмен принять подданство России обсуждался вновь в мае 1745 г. В. И. Татищев решил послать на Мангышлак судно под руководством капитана местного гарнизона В. Копытовского с переводчиками из астраханских татар. На судне повезли 200 мешков ржаной муки для продажи и подарков туркменам. Вместе с В. Копытовским туда же выехали два хивинских посла.

Цель поездки В. Копытовского заключалась в том, чтобы окончательно выяснить «сущее имеют они, трухменцы, желание подданства ея императорского величества», и если имеют такое намерение, то написали бы прошение по всем правилам и отправили его в

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 66.

[2] Там же, с. 66—67.

Петербург через своих представителей. В письме туркменским старшинам В. И. Татищев объяснял им, что прошение на имя царя необходимо писать обстоятельно и его нельзя отправлять через хивинского посла, так как он является послом другого владения и послан от своего хана для собственных дел.

В. И. Татищев настаивал на том, чтобы туркмены прислали в Астрахань «из знатных людей несколько человек», которых он примет с честью и отправит в Петербург «со всяким удовольствием», что весьма угодно будет императрице Елизавете Петровне[1]. В результате проведения такой разумной дипломатии со стороны России туркмены, действительно, быстро ответили взаимностью, прислушались к советам капитана В. Копытовского послать в Петербург делегацию «из знатных умных старшин». Вскоре все главные старшины родов Кумбар-бек, Кара-батыр, Онбеги и Чапык Нияз батыр, у каждого из которых имелось по 600 кибиток подданных людей, отправились в Астрахань.

Интересно отметить, что во время пребывания В. Копытовского на Мангышлаке летом 1745 г. состоялись неоднократные встречи с туркменскими старшинами[2]. Туркмены рассказали капитану, что они «люди все оружейные», занимаются охотой, торговлей и немного скотоводством; просили его продавать привезенный хлеб и другие товары только им и «цену невелику держать». Цены на хлеб и товары просили согласовать с ними, так как у них есть «обыкновение прежде устанавливать цену», а по согласованию цены «всяк уже повинен так и купить бесспорно»[3]. В. Копытовский быстро нашел общий язык с мангышлакскими туркменами, и несколько дней шла бойкая торговля между туркменами и русскими.

Правда, не обошлось без инцидента. Один из старшин рода огры Мамед Берды-бек, получивший звание «бек» от хивинского хана, обвинял остальных в том, что они за мешок муки служат русским, угрожал разбить лодку русских купцов и т. д. Но туркмены быстро нашли на него управу и говорили ему: «ты де от кого

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 68—69.

[2] Журнал капитана В. Копытовского о поездке на Мангышлак опубликован в «Красном архиве» (1939, т. 2 (92), с. 220—237).

[3] Там же.

доволен... только тем хвастаешься, что тебя хивинский хан (сделал) беком, потому и становишься вроде и большим, не ты де больше, много де более тебя есть»[1].

Мамед Берды-бек был прав в том, что туркмены готовы служить русским. В письме астраханскому губернатору от 11 июля 1745 г. они, наряду с желанием принять подданство России, писали и о том, что готовы нести «службу нерушимо» и в верности к службе принять присягу через Коран. Речь шла о развитии взаимовыгодной торговли. Туркмены говорили В. Копытовскому, что в прежние времена у Тюб- Караганской пристани с русскими был «немалой торг» и просили почаще присылать к ним купеческие суда, на что тот ответил, что купцы, «не видя здесь к защищению их от неприятеля никакой крепости или оборонительного места, ездить ныне боятся, а когда оная построится, тогда многие охоту ездить к вам с торгом возымеют»[2]. В. Копытовский уверял их в том, что во время нападения неприятеля они также могли бы укрыться в крепости со своими семьями. Мангышлакские туркмены убедились в том, что русский капитан «говорит настоящую правду» и в том же письме просили астраханского губернатора построить при Тюб-Караганской пристани город и «во оном удостоить русского доброго командира»[3]. Таким образом, в результате поездки В. Копытовского на Мангышлак туркмены послали в Петербург депутацию из четырех человек, написали письмо астраханскому губернатору с просьбой принять их в подданство России и построить крепость (город) на их берегу для обеспечения безопасности купцов. Со своей стороны они давали обещания всемерно содействовать торговле.

Значение поездки В. Копытовского на этом не исчерпывается и выходит далеко за пределы Мангышлака. Во-первых, она создала хорошие предпосылки для развития торговли с Хивой и Бухарой. Во-вторых, у В. Копытовского на судне побывал и представитель йомудского племени по имени Таган, который говорил от имени откочевавших из Хивы и живущих к северу от Балханских гор йомудов. Более того, один из мангышлакских старшин послал вместе с ним своего сына

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 77.
[2] Там же, с. 74.
[3] Там же, с. 70.

«с тем, чтоб они все пришли к Мангышлаку». Во время беседы мангышлакские туркмены говорили В. Копытовскому, что туркмены «ни у кого еще в подданстве не бывали», и если они будут приняты в подданство России, то все прочие туркмены услышат об этом и «все тому рады будут и о принятии в подданство ея императорского величества просить не оставят»[1]. Мангышлакские туркмены были уверены, что «когда слух подастся» о том, что они приняты в подданство России, а при их пристани будет построен город для развития торговли, то все остальные туркмены также последуют их примеру. В рапорте Астраханской губернской канцелярии В. Копытовский подтверждает, что представитель ушедших от преследований персидских войск в сторону Балханских гор йомудов просил его ходатайствовать у астраханского губернатора о принятии их в подданство и присылке к ним на продажу муки[2].

Здесь еще раз хотелось бы привести известный отрывок из архивного документа, неоднократно цитировавшийся различными авторами в разное время, ибо этот документ, записанный из уст туркмен, с пророческой мудростью предсказал за 100 с лишним лет до присоединения к России подлинное желание туркменского народа. Туркмены, посещавшие судно капитана В. Копытовского, говорили как бы от имени всех туркменских племен и уверяли его в том, что «в подданстве ее императорского величества *все* быть желают, також и о построении крепости и, буде то по их прошению учинено будет, то от всех мест, *где б трухменский народ ни был, все придут и будут в подданстве для того де, что кроме России неоткуда пропитания ждать...*»[3] (мой — *М. А.*).

Принятие подданства России как наиболее сильного государства имело конкретную экономическую основу. Туркмены надеялись не только на политическую стабильность, но и на более обеспеченную социальную жизнь. Соседние феодальные государства Средней Азии и Ирана часто вели экономическую войну против туркмен, разрушая плотины и оросительную сеть, вы-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 74.

[2] АВПР, ф. «Трухменские дела», 1745, оп. 133/1, д. 2, л. 25—26.

[3] Русско-туркменские отношения..., с. 75.

тантывая посевы, угоняя скот, запрещая им посещать базары, вводя торговую блокаду и т. д. В этих условиях туркмены остро нуждались в рынках, в регулярном обмене товарами, в надежных торговых партнерах. Все эти возможности они находили в другом соседнем государстве — в России.

Во всех документах речь шла не только о немногочисленных мангышлакских туркменах, но и о «прочих дально живущих трухменцах», от имени которых просили принятия в подданство России[1]. Это говорит о том, что уже к середине XVIII в. идея принятия подданства России была присуща не только мангышлакским, но и другим прибрежным туркменам, населяющим восточное побережье Каспийского моря. Эти идеи постепенно переросли в стремление прикаспийских туркмен к принятию подданства России. Среди них были даже соперничающие группировки с целью получить приоритет в этом деле. Так, одновременно с упомянутыми выше старшинами мангышлакских туркмен другая группа старшин (Кутлымет-бек, Менгли Багы-бек, Пирназар батыр и др.) 11 октября 1745 г. также письменно обратилась к астраханскому губернатору с просьбой принять в русское подданство и позволить им отправиться в Петербург[2]. Но в столицу попали только Камбар-бек, Кара батыр, Онбеги и Чапык Нияз батыр с сопровождающими, а также конвоем из двух солдат во главе с подпрапорщиком. Это был второй известный в источниках случай посещения представителями туркмен Петербурга после Ходжанепеса.

Значительный интерес представляют дорога и маршрут поездки туркменских старшин в Петербург. Поездка длилась год и два месяца. Выехав в конце июля 1745 г. из Мангышлака на судне В. Копытовского, в начале августа старшины прибыли в Астрахань. 27 августа они были отправлены в Петербург из Астрахани до Царицына на судне по Волге. От Царицына до Москвы добирались на четырех черкесских колясках, на что было им выдано «на восемь уездных и ямских подвод прогонные деньги» и кормовые деньги на тридцать дней вперед. В Москву эти старшины прибыли 30 сентября 1745 г., и «по бытности некоторого

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 78.
[2] Там же, с. 80.

времени в Москве» 15 января 1746 г., наконец, прибыли в Петербург[1].

Дорога в один конец заняла шесть месяцев. В средние века туркмены, по-видимому, любили путешествовать. Ездили в Иран, Индию, Малую Азию, Закавказье. Но больше всего они путешествовали через эти страны в сторону Мекки и Медины, куда ездили с дорогими подарками (в основном коврами) на паломничество. У туркмен до сих пор очень популярны песни, воспевающие долгие путешествия с любовными приключениями, дорога в один конец длилась обычно несколько месяцев.

Но мангышлакские туркмены по этой «шестимесячной дороге» отправились в другую, противоположную и еще малоизведанную сторону, чтобы искать покровительства России. В Петербурге старшины находились 43 дня и отправились обратно 27 февраля 1746 г. В Астрахань они прибыли 14 апреля, где вынуждены были задержаться до сентября. К тому времени произошла смена губернатора в Астрахани, возникли затруднения с отправкой торгового судна на Мангышлак, и они коротали время в ожидании прибытия судов купца Лошкарева, на которых обещали отправить их домой. Как видно из донесения астраханского губернатора И. Брылкина от 15 сентября 1746 г., «трухмепцы докучно об отправлении их просили», и он вынужден был отправить их на казенном судне, прибывшем из Казани с тем, чтобы «им не было от долгого их задержания огорчения»[2]. Так, 1 октября 1746 г. туркменские старшины вернулись в Мангышлак после 14-месячной разлуки.

Хотя Государственная коллегия иностранных дел благосклонно отнеслась к поездке туркменских старшин в Петербург и того же требовала от всех губернаторов, уездных воевод, начальников застав и других должностных лиц с тем, чтобы туркменскую депута-

---

[1] АВПР, ф. «Трухменские дела», 1745, оп. 133/1, д. 3, л. 2—2 об., 10—11, 55—56. Иногда переезд по морю из Астрахани в Мангышлак или обратно из-за сильных ветров и штиля длился целый месяц (Русско-туркменские отношения..., с. 102—103).

[2] АВПР, ф. «Трухменские дела», 1745, оп. 133/1, д. 3, л. 101. Купец Лошкарев под разными предлогами отказывался отправить судно с мукой и товарами к Мангышлаку, и власти вынуждены были послать туда казенное судно «Гусь».

цию «пропускать везде свободно и чинить возможное вспоможение и давать пристойные квартиры и подводы», но результаты поездки оказались безуспешными. Помимо сведений о том, что в Петербурге старшин хорошо содержали и «учинили им награждение», никаких данных о принятии их в подданство России не имеется. В более поздних документах 60-х гг. XVIII в. есть даже прямые указания о том, что в 1746 г. туркменам в подданстве России отказано[1]. Появился лишь только указ Елизаветы Петровны из Государственной коллегии иностранных дел, обязывающий астраханского губернатора вежливо принимать приезжающих в Астрахань туркмен, а если они обратятся с прошением допустить их жить в пределах губернии, то приводить таковых к присяге и «приохочивать пристойным образом».

Наиболее важным моментом в этом указе были меры, содействующие развитию торговли с мангышлакскими туркменами. Отныне все астраханские купцы, которые будут приезжать в Мангышлак, должны «обо всем адресоваться к ним, четырем старшинам, а не к другим к кому» с тем, чтобы не допустить никаких обид купцам со стороны «трухменского, яко своевольного, народа». Астраханским купцам было рекомендовано также, чтобы они торговали с туркменами при условии, если они на время торговых операций давали одного знатного человека в заложники на судно.

Астраханским губернаторам вменялось в обязанность освобождать из туркменского плена российских подданных и особенно христиан, выдавая за каждого 5—10 руб. в виде выкупа. Мангышлакские туркмены держали в плену небольшое число российских подданных, и некоторые из них были выкуплены и вывезены в Астрахань[2].

На основании царского указа астраханский губернатор И. Брылкин написал специальное письмо мангышлакским туркменам о содействии торговле с русскими купцами, отпуске российских пленных людей и регулярном отправлении торговых судов на Мангышлак. В письме он указывал, что посланные в Петербург от имени мангышлакских туркмен четверо старшин

---

[1] ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 3, д. 5, л. 39—40.
[2] Русско-туркменские отношения..., с. 82—86.

«милость ея императорского величества видеть сподобились и с награждением отпущены обратно к вам», и требовал, чтобы туркмены службу свою несли с усердием. Служба эта заключалась в том, чтобы с приезжающими из Астрахани купцами туркмены «поступали ласково, не чиня им никаких нахальств, меньше же обид и непристойностей», а желающих ехать с товарами далее в Хиву, Бухару и другие районы Средней Азии «не токмо свободно пропускать, но и всякое им вспоможение чинить и по возможности препровождать сохранно». При этом губернатор еще раз напомнил туркменам, что подобные меры полностью отвечают их «собственной пользе»[1]. К сожалению, в условиях патриархальщины, межродового соперничества, ссор и дрязг между феодальными вождями туркмены часто забывали «собственную пользу», общие интересы и нарушали взятые на себя обязательства. Это приводило к утрате доверия к ним, к ослаблению или даже к прекращению торговых отношений, что в конечном итоге пагубно отражалось на их судьбе.

Астраханский губернатор просил туркмен также отыскать всех российских пленных и немедленно отпустить их в Астрахань или Гурьев, помочь всем тем, с кем случится несчастье в море (потерпевшим кораблекрушение). За оказание подобной услуги они, во первых, получат хорошее вознаграждение, во-вторых, докажут «сим верность свою и доброе усердие к службе ея императорского величества». В заключение И. Брылкин, обращаясь к туркменам, обещал от имени императрицы, что он чаще будет отправлять к Мангышлаку торговые и казенные суда «для лутчего вашего, трухменского народа, удовольствия»[2].

Особо следует остановиться на вопросе о российских пленных. Туркмены в отличие от адаевских казахов Младшего Жуза из-за своей малочисленности не нападали на русские заставы Оренбургской пограничной линии и не увозили пленных. К ним попадали в основном потерпевшие кораблекрушение матросы, беглые солдаты, крещеные татары и другие провинившиеся элементы. И когда встал вопрос об их возврате, то возникли непредвиденные затруднения. Во-первых,

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 84—85.
[2] Там же, с. 85.

часть пленных, в том числе и женщины, имевшие детей от мужа-туркмена, не хотели возвращаться в Россию. Во-вторых, туркмены требовали за них чрезмерно высокую цену, заведомо неприемлемый выкуп, мотивируя это тем, что они когда-то купили их по дорогой цене. Так, за одну русскую женщину хозяин якобы в свое время отдал 13 лошадей. В этих условиях никакая разъяснительная работа среди туркмен о целесообразности и гуманности возврата пленных на Родину не могла иметь успеха. Хотя отдельные, наиболее сознательные старшины туркмен, «показывая свою верность, ко всему трухменскому народу писали, чтобы, у кого есть русские полонники, возвратили б всех в Астрахань»[1], большинство осталось глухим к этим призывам.

В 40-х гг. XVIII в. не утихало движение основных туркменских племен, связанное с завоеванием Хивы и Бухары Надир-шахом. Как видно из записи Канцелярии астраханского губернатора от 21 февраля 1746 г., составленной для Коллегии иностранных дел, летом и осенью 1745 г. хивинские туркмены снова подняли восстание против тирании Надир-шаха и его ставленника в Хиве Абулгази-хана. Хиву снова охватило широкое и массовое движение туркменских племен, и Абулгази-хан вынужден был обратиться за помощью к Надир-шаху. О бессилии Абулгази-хана в борьбе с восставшими туркменами свидетельствует следующий отрывок из его письма астраханскому губернатору от 7 августа 1745 г.: «Живущие в нашем Хуразимском[2] ханстве трухменцы народу нашему учинили немалое беспокойство, чего ради принужден я, не стерпя от них того беспокойства, представить его шахову величеству персицкому, по которому моему представлению его величество, показывая ко мне высочайшую милость, на вспоможение для усмирения оных прислал конное войско под главною командою племянника своего, и из тех трухменцев некоторые побеждены, а другие ушли к Балханским горам, после чего нашего ханства подданные люди остались в покое»[3]. Этот отрывок из письма Абулгази-хана говорит о том, что он оказался

---

[1] АВПР, ф. «Трухменские дела», 1745, д. 2, л. 101—102.
[2] Хорезмском.
[3] Русско-туркменские отношения..., с. 80.

беспомощным и шлет гонцов к Надир-шаху, астраханскому губернатору и в другие концы света с просьбой о спасении. Формально он был провозглашен ханом, но власти никакой не имел.

Широкий размах восстания туркмен и решительный характер их действий против Хивы и хана подтвердил и прибывший в ноябре 1745 г. в Астрахань хивинец Ниязмед в разговоре с губернатором И. Брылкиным. Он говорил, что хотя Абулгази-хан и состоит «в шаховой протекции», но живущие в Хиве туркмены племен теке, йомуд, игдыр, човдур, арабачи и пеллечи взбунтовались против него, разоряли и сжигали деревни вокруг Хивы, «...Хива от них в осаде была 8 месяцев и никому из города Хивы выезду не было; однако ж хивинский хан Абулгазы тайно к персидскому шаху с прошением посылал нарочных людей, дабы его и город Хиву от них, противных трухменцев, оборонить...»[1]. Далее он сообщал, что в Хиву для карательных действий прибыл племянник Надир-шаха хорасанский губернатор Али Кули-хан с 30 тыс. войсками и восставших туркмен «до смерти побили»[2].

Факты массового восстания туркмен в 1744—1745 гг. против наместника Надир-шаха в Хиве и его жестоком подавлении карательным отрядом Али Кули-хана подтверждаются и в восточных источниках того времени, в частности в сочинениях иранских хронистов Мехди-хана Астрабади, Мухаммеда Казима и хивинских историков Мунис, Агахи, а позднее и Баяни[3]. Наиболее значительные отряды восставших ушли в сторону Балханских гор, к берегам Каспийского моря, и через мангышлакских туркмен обратились к России за помощью хлебом и другими товарами. Из журнала В. Копытовского также видно, что большое количество туркмен к 1745 г. не вернулось на прежнее местожительство и продолжало кочевать в пустынных районах между Мангышлаком, Балханами и Хивой.

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 81.

[2] Там же. Этот документ интересен еще и тем, что проливает свет на историю туркмен, живущих ныне в Чарджоуской области. Этнические группы човдуров, игдыры, арабачи и пеллечи были переселены туда («в принадлежащее к бухарии местечко, именуемое Даарджу») из Хивы в 1745 г. после подавления их восстания.

[3] МИТТ, т. 2, с. 270—293.

С середины XVIII в. Россия стала проявлять все большую заинтересованность к развитию торгово-экономических отношений со Средней Азией. Эта проблема все чаще становилась предметом обсуждения уже не на губернском уровне, а в общегосударственном масштабе. К этому времени вопрос о торговле со странами, лежащими к востоку от Каспийского моря, часто становился предметом острой конкурентной борьбы не только между астраханскими купцами, но и между купечеством России и Ирана. Поэтому эта проблема требовала государственного регулирования, и в 50-х гг. XVIII в. Правительствующий сенат издал несколько указов, касающихся развития торговли со Средней Азией. В интересах развития коммерческих связей эти указы требовали от местных и центральных властей привлекать к этому делу не только купцов-добровольцев, но и заставить купечество вести торговлю со Средней Азией в принудительном порядке, т. е. «сверх охотников и принуждение употреблять». Для установления более регулярных и тесных торговых контактов со среднеазиатскими ханствами в сенатских указах говорилось о необходимости посылать туда «нарочного, знающего и надежного человека» с тем, чтобы развивать эти отношения на договорной основе.

Первые шаги в этом направлении были сделаны в 1759 г., когда Правительствующий сенат издал указ Коллегии иностранных дел о том, что вся торговля через Астраханский порт с «живущими по левую сторону Каспийского моря народами: бухарцами, хивинцами и трухменцами» передается в монополию генерал-поручика, действительного камергера и кавалера Р. Л. Воронцова сроком на 30 лет. В просьбе об этом Р. Л. Воронцов дал правительству обязательства построить на свои средства потребное количество морских судов, обеспечить перевозку грузов из Астрахани в Среднюю Азию и обратно, «с прилежностью стараться оный торг не только самым действом производить, но и от времени до времени распространять», аккуратно платить «портовые и внутренние пошлины сполна, бездоимочно»[1] и т. д. В указе было отмечено единственное условие о том, чтобы монопольная торговля Р. Л. Воронцова с Бухарой, Хивой и туркменами не задевала

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 90—92.

персидскую торговлю, чтобы она не делала никакого «помешательства и обиды персидскому торгу». Кроме того, Р. Л. Воронцов обязан был не вывозить под любым предлогом запрещенные товары. Предоставляя Р. Л. Воронцову монопольное право на торговлю к востоку от Каспийского моря, правительство рассматривало это дело как новое и важное мероприятие, тем более, что Р. Л. Воронцов не требовал от казны кредитов. Оно считало, что торговля эта распространится на новые районы вплоть до персидских границ. В указе говорилось, что «между всеми коммерчествующими державами генеральным и непременным правилом есть, что всякой новой и недовольно обыкновениями утвержденной, а особливо в отдаленных местах, торг, во многие руки вручаемой, в самом начале истребляется и ожиданная от изобретения его польза погубляется навсегда бесповоротно»[1]. Потому и был издан данный указ о предоставлении монопольного права на торговлю к востоку от Каспийского моря в руки одного лица, учитывая, что в тех отдаленных местах хорошо налаженной торговли, «обыкновениями утвержденного торга», гарантированного от произвола властей и грабежа степняков, фактически не было.

На пути налаживания торгово-экономических связей между туркменами и Россией было много препятствий. Но уже к середине XVIII в. наметилась тенденция их развития. Неодолимая сила общения, обмена товарами и сближения народов упорно и последовательно пробивала себе дорогу. Поступательное развитие торгово-экономических отношений между туркменами и Россией выражалось не только в арифметическом увеличении взаимных посещений, привоза все большего количества хлеба и других товаров в Мангышлак, но и в качественном улучшении предлагаемых товаров, расширении их ассортимента, развитии транзитной торговли через Мангышлак и т. д. Уже в середине XVIII в. через Астрахань и Мангышлак в Среднюю Азию привозили разного рода мануфактурные изделия: холсты, сукна, стамеды (шерстяные ткани разных цветов), краски, деревянную посуду, блюда и чашки, котлы чугунные и таганы (железные треножники), юфтяные кожи, савры, иглы, наперстки, зеркала, семя разных куль-

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 90.

тур, а также ржаную и пшеничную муку в большом количестве. Из Средней Азии вывозились золото и серебро, бухарские шкурки (овчинки), парча, халаты, драгоценные камни — алмазы, яхонты, лаллы, изумруды, цитварное семя, а также индийские и персидские товары. Туркмены начали поставлять породистых коней для царской конюшни, для отвоза которых приезжали специальные суда, ловчих птиц, шкуры диких зверей и ковры. Были даже примеры, когда хивинские туркмены с женами и детьми ездили на русских судах в Астрахань для свидания с родственниками[1]. Все это говорит о расширении торговли, укреплении доверия между торгующими сторонами, что создавало условия для поддержания семейно-родственных уз между людьми — гуманистических функций мирных торгово-экономических отношений между народами.

В этой связи хотелось бы указать на огромную роль переводчиков. На протяжении многих веков каждый раз при посещении той или иной местности переводчики первыми вступали в контакты с людьми. В роли переводчиков выступали на ранних этапах в основном представители астраханских татар, а уже с начала XIX в. — армянские купцы и азербайджанцы. Переводчики должны были уметь не только говорить на языке восточных народов, но и писать, оформлять разные документы (прошения, ответы на них, торговые контракты, договоры, обязательства и др.), переводить с одного языка на другой по тексту и т. д. В качестве такого переводчика не раз приходилось работать и выдающемуся писателю и мыслителю Закавказья XIX в. Мирза Фатали Ахундову, который в 40-х гг. посетил туркменские берега Каспийского моря. Все эти люди — представители татарского, армянского и азербайджанского народов — всемерно способствовали сближению народов, живущих к востоку от Каспийского моря, с русским народом, с Россией.

Русско-туркменские взаимоотношения при Екатерине II (вторая половина XVIII в.)

Во второй половине XVIII в. Средняя Азия и Иран находились в условиях феодальной раздробленности

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 86—90.

после падения империи Надир-шаха и были охвачены междоусобными войнами. Междоусобица особенно долго тянулась в Хиве, где в 50—70-х гг. XVIII в. шла настоящая война за власть. В этой войне, наряду с узбекскими феодалами из династий мангытов и кунградов, непосредственное участие принимали туркменские племена, особенно йомуды, човдуры и салыры. Борьба за власть, за господство в ханстве была жестокой и разорительной. Хозяйство пришло в упадок, торговля почти прекратилась, города опустели, неоднократно отмечался массовый голод. Такое тяжелое положение народных масс нашло отражение и в русских архивных документах того времени. Осенью 1754 г. посланник астраханского губернатора, прибывший на Мангышлак для принятия у туркмен подаренных царской конюшне лошадей, услышал из уст туркмен, что в Хиве «за малоурожением хлеба великое оскудение»[1], что между хивинцами и туркменами происходит ныне война.

Примерно такое же положение наблюдалось и в североиранских провинциях, граничащих с туркменскими землями. Современник и очевидец этих событий русский резидент в Иране Братищев в одном из донесений в Коллегию иностранных дел писал, что народы, подпавшие под тиранию Надир-шаха, пришли в смятение только от того, что они отягощены и изнурены «бесчеловечными всегдашними сборами и грабежом денежной суммы, хлебных запасов в натуре, платья на войско, вооруженных надобностей, пушечных снарядов, подвод к поставке провианта и подъему артиллерии... содержание почтовых ямов и иных множайших требований, в чем порядочного уложения нет...»[2]. Насильственное объединение различных народов и стран в одну империю было связано с жестокой эксплуатацией и кровавым подавлением освободительной борьбы народов, вступавших в решительную схватку с Надир-шахом. Все это крайне отрицательно сказывалось на состоянии экономики и производительных сил покоренных стран, крестьянское хозяйство, особенно городское хозяйство и торговля, долго не могли оправиться. Братищев писал, что Иран «со своими поселянами опустошен и, куда не заглянуть, везде бедность, нищенство,

---

[1] АВПР, ф. «Трухменские дела», 1754, оп. 133/1, д. 1, л. 5—8.
[2] Там же, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 3, л. 137.

истощение»[1]. Словом, в середине XVIII в. в Средней Азии и Иране благоприятных условий для развития отношений с Россией не было.

Несмотря на это, Россия прилагала усилия к «заведению с азиатами порядочного торгу». Имелась в виду торговля как в Оренбурге и Троицкой крепости (торговали казахи, «ташкентцы и туркестанцы»), так и в Астрахани и на Мангышлаке (наряду с туркменами, приезжали хивинские и бухарские купцы).

Торговый путь через казахские степи в Оренбург был очень длинный и утомительный. К тому же часто караваны подвергались нападениям грабителей. Так, в 1767 г. в результате грабительских действий казахских феодалов Младшего Жуза во главе с Нурали-ханом был разбит караван в 600 верблюдов. После этого, по свидетельству мангышлакских туркмен, «как оренбургская, так и хивинская дорога кайсаками отсеклась»[2]. Поэтому оренбургский путь не совсем устраивал как русских, так и среднеазиатских купцов. Они предпочитали более удобный морской путь по Каспийскому морю, через Астрахань — Мангышлак. Во-первых, средства сообщения и перевозка товаров по морскому пути были более выгодны купцам, во-вторых, этот путь был более безопасен, чем дорога в Оренбург. К тому же торговля астраханских купцов с мангышлакскими туркменами «происходила с немалым успехом», а астраханским властям было известно, что «трухменцы немало способствовать могут ко устроению с Хивою, Бухариею и прочими народами, торгующими при Мангышлакской пристани, торга»[3].

Таким образом, все условия говорили за развитие торговли морским путем через Астрахань — Мангышлак. Не последнюю роль в этом отношении сыграло то, что хивинские и бухарские ханы через своих посланников в Астрахань и Петербург «усильно домогались» о развитии свободной от пошлины торговли среднеазиатских купцов в пределах России, а туркмены, в свою очередь, постоянно просили не только о налаживании регулярной торговли, но и о сооружении города — тор-

---

[1] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 3, л. 639.
[2] Русско-туркменские отношения..., с. 108.
[3] ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 2, д. 475, л. 5—6.

говой фактории в виде крепости в удобном месте на их берегу.

Все эти факторы способствовали тому, что в период правления Екатерины II Россия приступила к изучению вопроса о сооружении укрепленного торгового центра на восточном побережье Каспийского моря. К этому делу подключились центральные ведомства царского правительства — коллегии адмиралтейства и иностранных дел, сенат, а также более активно, чем прежде, астраханские губернские власти. В октябре 1763 г. сенат представил Екатерине II специальный доклад о путях развития торговли с туркменами, Хивой и Бухарой и посылке экспедиции на Мангышлак с целью выбрать место для сооружения крепости. С одобрения Екатерины II сенат поручил Адмиралтейств-коллегии и астраханскому губернатору организовать секретную военно-морскую экспедицию к восточным берегам Каспийского моря с конкретной целью выяснить, «где имянно крепость заведена быть может и во что строение оной стать может, також коликое число во оной гарнизона содержать и откуда его провиантом и протчим потребным довольствовать должно, чему подлежащие планы, профили и сметы прислать же»[1]. Экспедиция должна была произвести описание восточного побережья Каспийского моря до персидских границ и выяснить «обстоятельства, в каких находятся тамошние владетели», а также представить готовые чертежи и сметные данные для строительства укрепленной торговой фактории.

Как видно из указа Коллегии иностранных дел астраханскому губернатору Н. Бекетову от 18 декабря 1763 г., единственной целью экспедиции является «учреждение порядочной и беспрерывной с азиатскими областями, как то: с Бухарией и Хивою коммерции»[2]. При этом Коллегия иностранных дел предупреждала губернатора и будущего начальника экспедиции о том, что, хотя для уточнения карты Каспийского моря и необходимо осмотреть восточное побережье до Астрабадского залива, но место для строительства крепости не следует выбирать поблизости от персидской границы. Иначе могут «произойти затруднительства не только с персидскою стороною, но и с портою Отоман-

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 95—98.
[2] Там же, с. 98.

скою», т. е. место для крепости надо выбирать с оглядкой на реакцию Ирана и Турции, чтобы «напрасное подозрение не возыметь». Коллегия также рекомендовала экспедиции «сколько возможно стараться и с тамошними обывателями трухменцами обходиться ласково», объясняя им цели экспедиции, что они сами прежде просили о налаживании торговли. Экспедиция лишь частично должна была объявить туркменам о своей цели, т. е. о выборе удобного места для стоянки судов. Что же касается выбора места для строительства крепости, то об этом намерении туркмены не должны были знать, чтобы «не напамятовать им примера князя А. Бековича-Черкасского». На отправляемых в экспедицию судах были установлены даже пушки, имея в виду, что издавна «во всех кочевых азиатских народов вкоренен великий страх от пушек»[1]. Все это свидетельствует о том, что правительство России не забыло печальную судьбу экспедиции 1717 г. и приняло меры предосторожности не только в отношении туркмен, но и соседних Хивы и Бухары, Ирана и Турции.

Начиная с 1763 г. на разных инстанциях велась оживленная переписка по вопросам развития торговли со Средней Азией, об исследовании восточных берегов Каспийского моря для заложения крепостей со складскими помещениями и выбора удобных гаваней для пристанища торговых судов. В результате в мае 1764 г. по распоряжению Адмиралтейств-коллегии из Астрахани на трех морских судах была отправлена экспедиция под руководством инженера-майора М. Ладыженского, капитана И. В. Токмачева и штурмана Панина для обследования восточного побережья Каспийского моря. Астраханский губернатор Н. А. Бекетов обратился с письмом к туркменским старшинам по поводу отправления экспедиции. Он сообщил, что экспедиция будет заниматься «осмотром удобного места к пристани для лутчего и безопасного восстановления со всем трухменским народом и прочими азиатскими купцами торгу» и просил оказать ей «дружеское вспоможение» в общем и полезном для всех деле, за что они получат необходимое вознаграждение и поощрение[2].

Из-за штормовых ветров суда экспедиции очень

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 99.
[2] Там же, с. 100.

долго добирались до Мангышлака. Выехав из Астрахани 20 мая 1764 г., они находились в пути почти месяц. Экспедиции не повезло и во взаимоотношениях с мангышлакскими туркменами. Они встретили ее, собравшись «верхами с саблями и топорками»[1]. Не было ни одного случая, чтобы туркмены встречали приходившие суда с оружием в руках. По-видимому, все объясняется тем, что на судах экспедиции были пушки и вооруженные солдаты.

Перед отъездом экспедиции в некоторых документах, в частности в указе Коллегии иностранных дел астраханскому губернатору, содержалось несколько грубых и непристойных выражений в адрес туркменского и казахского народов, как «варварские и к воровству и грабительствам склонные», «неукротимые и легкомысленные» и т. д. Царские власти не исключали возможности применения силы против них в том случае, если они окажут «...супротивление и не допустят тамошние места осматривать»[2]. Весьма возможно, что в результате неумелого или грубого действия вопреки инструкции «обходиться ласково» участники экспедиции настроили против себя прибрежных туркмен. Иначе трудно объяснить, почему туркмены «аманатов головою давать не хотели» и взбунтовавшиеся люди не допустили осмотреть берега, дерзко заявили руководителям экспедиции о том, что не уважают своих старшин, что они все сами себе старшины «и ежели-де хотите в том увериться, что мы всех старшин в мелкие части при вас изрубим»[3]. Не исключена возможность и того, что эти события и резкая перемена в поведении туркмен кем-то были инспирированы.

Несмотря на стычки и инциденты, экспедиции все же удалось обследовать Киндерлинскую бухту, глубина которой позволяла заходу «судам не только купеческим, но и военным». Далее она отправилась на юг и описала Балханский залив с Нефтяным, Огурчинским и прочими малыми островками. Из-за цинги экспедиция не смогла плыть дальше на юг к Астрабадскому заливу и вернулась обратно.

Один из руководителей экспедиции М. Ладыжен-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 103.

[2] АВПР, ф. «Трухменские дела», 1763—1767, оп. 133/3, д. 2, л. 62—70.

[3] Русско-туркменские отношения..., с. 103.

ский под впечатлением первых неудач впал, по-видимому, в пессимизм и в докладе о результатах обследования восточного побережья Каспийского моря писал, что «в Мангышлаке поселенню быть не можно». Он отрицал возможность отыскания удобных мест для стоянки судов и строительства укрепления со складскими помещениями. По его словам, на Мангышлаке «дерну нет, земли нет, лесу и камыша на всем северном берегу оного места головою нет же, колодези от берегу весьма далеко и в тех солодковая вода»[1]. Словом, Мангышлак представляет кремнистую, голую и безводную пустыню и на нем нет никаких условий для стоянки судов, строительства торгового фактория и развития торговли. К этому времени Мангышлак был обследован в достаточной степени и русским было хорошо известно, что эти места «гористые, каменистые, малопожитные, а потому и к содержанию довольного числа скота неудобные»[2]. Здесь не было даже элементарных условий для жизни.

При всех своих неудачах и недостатках экспедиция М. Ладыженского, И. В. Токмачева и Панина возобновила интерес обеих сторон к дальнейшему развитию торговых отношений. После 1764 г. наблюдается заметное оживление в русско-туркменских взаимоотношениях, торговые суда с хлебом и другими товарами все чаще стали посещать Мангышлак. М. Ладыженский передал туркменским старшинам грамоту Екатерины II о необходимости развития торговли, что их «много порадовал». Со своей стороны, они просили присылать к Сарыташской пристани торговые суда в год 2 раза, за что обещали «чинить всякое вспомоществование» и прибывших из Хивы, Бухары, Индии и Туркмении купцов отправлять на российских судах в Астрахань[3]. В письме астраханскому губернатору они напоминали о том, что раньше за такие услуги их деды и отцы получали от российских государей жалование[4]. Другая прикаспийская группа туркмен, обитавшая поблизости от Красноводского залива, сообщила губернатору о том, что его письмо «приятно получили, которого приняли весьма за благо» и просили его, наряду

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 103.
[2] Там же, с. 110.
[3] Там же, с. 107.
[4] Там же, с. 104.

с Мангышлаком, торговые суда прислать и к Красным водам, т. е. «мангышлакских старшин впредь чем презентовать будете, тем и нас не оставлять»[1]. Они также обещали обеспечить безопасность торговых путей в Хиву и Бухару.

Экспедиция возбудила интерес к торговле с туркменами и у астраханских купцов. Вскоре после ее возвращения содержатель шелковых фабрик купец Л. Иванов в прошении в губернскую канцелярию ходатайствовал об отпуске своего судна, нагруженного разными товарами, в том числе по 600 мешков ржаной и пшеничной муки, к восточным берегам Каспийского моря[2]. Ранее у этого купца было нанято одно судно для экспедиции, и он, очевидно, имел коммерческую выгоду от первого посещения Мангышлака и других мест на восточном побережье.

Одновременно с экспедицией М. Ладыженского и его товарищей из Астрахани был отправлен послом к афганскому Ахмед-шаху Дурранн капитан Б. Асланов, который через Иран и Туркмению должен был попасть в Кандагар. Однако под Мешхедом на его караван напали туркменские аламанщики, и он едва спасся бегством. После этого он долго скитался по Северному Ирану и в Кандагар не попал. Из Мешхеда отправился в Бухару через Мерв, Чарджоу, Каракуль, куда прибыл в январе 1765 г., а в Астрахань возвратился в мае того же года через Хиву и Мангышлак[3]. Поездка Б. Асланова свидетельствует о стремлении России завязывать связи со всеми народами, живущими к югу и востоку от Каспийского моря. Он оставил ценные сведения о пребывании в Иране и Средней Азии на протяжении целого года.

В конце 60-х гг. феодалы адаевских казахов во главе с Нурали-ханом оказали сильное давление на мангышлакских туркмен, требуя от них грабить вместе с ними караваны, идущие из России и обратно. Они заявляли, что «с Россиею имеют ссору», требовали отдать им товары идущего из Астрахани в Хиву каравана в 500 верблюдов, угрожая в противном слу-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 106—107.

[2] Там же, с. 106.

[3] АВПР, ф. «Афганские дела», 1763—1766, оп. 378/1, д. 1, л. 29—42.

чае все юрты их изрубить. Туркмены, естественно, не согласились, «учинили баталию» и сумели оградить караван от грабежа. Они написали письмо Екатерине II о враждебных действиях Нурали-хана и срочно послали трех старшин в Астрахань от имени абдальского племени. В письме говорилось: «...ежели себя признаете нашим царем, а нас нарочным, то есть подданным, то поскорее для строения города пришлите людей»[1]. Просили также о принятии в подданство России и выразили пожелание, чтобы на Мангышлаке как можно скорее был построен город, подобно Оренбургу[2].

Начиная с 1767 г. Нурали-хан неоднократно посылал к туркменам казахских предводителей, в том числе своего брата Айчувака и сына Пирали-хана, добиваясь их подчинения. Самуил Готлиб Гмелин сообщает, что в 1767 г. Нурали-хан подчинил себе мангышлакских туркмен[3]. В условиях осложнившихся взаимоотношений с казахскими феодалами туркмены Мангышлака вновь обратились к России с просьбой о принятии в подданство и строительстве города-крепости для развития торговли. В июне 1767 г. представители туркмен приехали в Астрахань с письменным прошением о подданстве и строительстве крепости. Причем конкретно указали, что если будет согласие на их просьбу, то «в котором месте такую крепость строить похотите, то место отведено будет»[4]. Таким образом, они хотели избавиться от засилья казахских феодалов. Но целый год они прождали в Астрахани и никакого вразумительного ответа не получили. Более того, Коллегия иностранных дел, основываясь на мнении астраханского губернатора, докладывала Екатерине II о том, что «по разным неспособностям местности» и прежде всего из-за недостатка пресной воды невозможно там заложить крепость. А «пока не сыщется удобное место к заложению крепости, из принятия в подданство Вашего императорского величества трухменцев... никакой пользы быть не может». При этом имелись в виду не только

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 108.

[2] Красный архив, 1939, т. 2, с. 250—251.

[3] Путешествие Самуила Готлиба Гмелина по Каспийскому морю на восточный его берег в 1773 г. — Труды ТГО, 1958, вып. 1, с. 208.

[4] Русско-туркменские отношения..., с. 109.

мангышлакские, а все туркмены, живущие на восточном побережье Каспийского моря[1].

Но как бы ни складывалась обстановка, сколько бы ни доказывали бесполезность принятия туркмен в подданство России и ни говорили о неподручности мест на Мангышлаке для строительства торговой фактории, обоюдное желание развивать торговые взаимоотношения было неистребимо. Если туркменам необходимо было ежегодно получать от России потребное количество хлеба, то Россия добивалась «отворения свободного пути течению азиатской коммерции»[2]. И если на этот раз мангышлакские старшины после целого года пребывания в Астрахани возвратились на родину неудовлетворенные, то спустя несколько лет они вновь обратились к астраханскому губернатору с просьбами и нуждами.

Особый интерес в этом отношении вызывает письмо туркменского старшины Егенбека Аталыка астраханскому губернатору от 28 сентября 1772 г., в котором он несколько философствует, осмысливает русско-туркменские взаимоотношения и подчеркивает, что «на сем свете никто бессмертный не бывает, однако добродетельный поступок, как и худой, никогда из памяти человеческой не выходит»[3]. Этот старшина немного льстил Н. И. Бекетову, говоря: «доброе имя ваше во всех местах рассеяно».

Он настоятельно просил губернатора «всемилостивейшей государыне представить, чтобы соизволила повелеть построить в Мангышлаке город ...ежели на сем месте город построится, то доброе имя ваше наипаче разгласится, и тако ваше высокого превосходительства просим в скорости оное город строением начать и благополучно окончить»[4]. Егенбек Аталык ясно видел перспективу развития торговли после возведения торгового города и надеялся, что он будет лучше Оренбурга, его будут посещать купцы всех среднеазиатских и северо-иранских провинций, что люди, торгуя, будут дружить, а народы — брататься, выручать друг друга в беде и т. д.

Как бы в ответ на просьбу туркменского старшины

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 109—112.
[2] Там же, с. 111.
[3] Там же, с. 113—114.
[4] Там же.

была организована на восточный берег Каспийского моря в 1773 г. экспедиция Самуила Готлиба Гмелина[1], которая посетила все основные районы обитания туркмен, начиная от Мангышлака до Астрабадского залива на юге. С. Гмелин приводит интересные данные о торговле и торговых связях туркмен с соседями, хотя иногда допускает путаницу в описании быта мангышлакских туркмен, приписывая им все то, что видел накануне у казахов и калмыков. По его словам, туркмены ведут торговлю со всеми соседями (хивинцами, бухарцами, казахами, каракалпаками, астрабадцами и, конечно, с русскими). Наряду с продажей излишнего скота и продуктов скотоводства (масло, окрашенные войлочные изделия, ткани из верблюжьей шерсти и т. д.), на рынках Хивы и Бухары они сбывали и некоторые русские товары — муку, металлы, железные котлы, треножники, деревянную посуду, сукна, различные ножи, ножницы, зеркала, булавки, иголки и т. д. Муку продавали в основном казахам в обмен на скот и продукты скотоводства, которые туркмены перепродавали в Хиве и Бухаре[2]. Не меньший интерес представляют товары, покупаемые ими на рынках Хивы и Бухары. В обмен на традиционные товары скотоводства они покупали хлопчатобумажные, полушелковые и шелковые ткани, готовые халаты, одеяла, пояса, сырой и выпряденный хлопок, вывозили бухарские серебряные монеты, оружие и т. д.[3]

Не менее оживленными были торговые связи с Астрабадом и Мазандераном, куда вывозили на киржимах «нужные персам продукты» — нефть, соль, попоны, покрывала, мешки из шерстяных тканей, ковры, ткани из верблюжьей шерсти, бухарские материи, седла, серебряные изделия и др. Взамен они получали продовольствие и одежду — муку, рис, европейские сукна, шелковые и хлопчатобумажные ткани, персидские деньги, кинжалы, сабли и другое оружие. С. Гмелин обратил внимание на то, что у туркмен «имеется порядочный запас старого серебра», и серебро они охотно меняют

---

[1] Родился в 1745 г. в Тюбингене, где окончил университет и получил степень доктора. В 1766 г. переселился в Россию, был избран профессором Петербургской Академии наук кафедры ботаники.

[2] Путешествие Самуила Готлиба Гмелина..., с. 213.

[3] Там же, с. 217, 226.

на сталь и железо, а на рынках Хивы, Бухары и североиранских провинций приобретают серебряные монеты. Серебро весом в 1 русский фунт расценивают в 20 руб. и из этого расчета дают за 1 пуд стали 10 руб., а за 1 пуд железа — 5 руб., т. е. соответственно 0,5 и 0,25 фунта серебра[1]. С. Гмелин пытался собрать сведения о текинцах, йомудах и гокленах, живущих в отдаленных районах Туркмении, но они носят общий и отрывочный характер.

В 70-х гг. XVIII в. тенденция развития торгово-экономических связей России со Средней Азией в целом сохранилась, хотя и с небольшими перебоями. Туркмены не переставали ездить в Астрахань и просить о строительстве торгового центра. Астраханский губернатор признавался, что мангышлакские старшины «неоднократно об оном чинили просьбы и тем ко мне почти непрестанную имеют докуку»[2]. Купцы по-прежнему приезжали в Астрахань и «на российских же мореходных судах возвращались паки в свое отечество»; их каждый раз снабжали выездными визами и паспортами[3]. Более того, торговля стала развиваться на основе контрактов между российскими и среднеазиатскими купцами на поставку «разного звания российских и европейских товаров»[4]. Всех купцов по-прежнему обслуживали торговые астраханские суда. В архивных документах сохранились имена отдельных купцов из туркмен, постоянно ездивших в Астрахань и занимавшихся не только собственными торговыми операциями, но и выполнением поручения земляков по покупке или продаже различных товаров. Мангышлакские туркмены называли таких купцов «завсегда употребляемые во всех посылках»[5]. Словом, в 70-е гг. XVIII в. большое значение придавалось морскому торговому пути Астрахань — Мангышлак, поэтому сухопутный торговый тракт к Оренбургу постепенно был оттеснен на второй план.

Казахские феодалы реагировали на это по-своему и не оставляли попыток подчинить себе мангышлакский торговый путь. Они всячески препятствовали развитию

---

[1] Путешествие Самуила Готлиба Гмелина..., с. 213, 216, 226.
[2] Русско-туркменские отношения..., с. 114.
[3] Там же, с. 118.
[4] Там же, с. 116.
[5] АВПР, ф. «Трухменские дела», 1775—1778, д. б/н, л. 11—14.

торговли на Мангышлаке и взимали со среднеазиатских купцов «под именем пошлины великие сборы». В 1778 г. астраханский губернатор строго предупредил Пирали-хана, чтобы он с проезжающими через Мангышлак купцами «поступил с умеренностью» и не затруднял их приезд в Россию. В конце письма губернатор намекнул, что Пирали-хану, находившемуся в подданстве России, не пристало препятствовать торговле, ибо от ее успеха «зависимо сущее ваше благоденствие»[1]. К Пирали-хану был назначен специальный писарь, который, наряду с другими обязанностями, должен был следить и за развитием регулярной торговли между среднеазиатскими купцами и Россией[2].

Конец XVIII в. слабо освещен в архивных документах, что, однако, не свидетельствует об ослаблении русско-туркменских взаимоотношений к исходу этого столетия. Интересные материалы дала экспедиция капитана 2-го ранга графа М. И. Войновича, обследовавшая в 1781 г. восточные и юго-восточные берега Каспийского моря. По существу она была первой основательной экспедицией после поездки в эти районы английского капитана Вудруфа в 1741 г. по поручению Надир-шаха[3].

Экспедиция М. И. Войновича показывает, что Россия интересуется не только северо-восточным побережьем и мангышлакскими туркменами, но восточным и юго-восточным побережьем Каспийского моря, где обитали другие и довольно многочисленные группы туркмен. Свою работу экспедиция начала с изучения юго-восточных берегов Каспийского моря в районе крупного туркменского населенного пункта Серебряный бугор, ныне находящегося на территории Ирана, и постепенно стала двигаться на север. Были изучены острова Огурчинский, Нефтяной (Челекен), Дервиш, Дарджа и другие мелкие острова Балханского залива. Все эти острова «с самых древних уже времен обитаемы трух-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 116—117.

[2] АВПР, ф. «Трухменские дела», 1775—1778, д. б/н, л. 20—21.

[3] Еще ранее, вскоре после гибели экспедиции А. Бековича-Черкасского, английский капитан Брус исследовал восточное побережье Каспийского моря по заданию Петра I в 1723 г. Он написал воспоминания о поездке, которые были опубликованы в Лондоне в 1772 г. (The country of the Turkomans. London, 1977, p. 89). Этот факт в известных нам архивных и опубликованных источниках не отмечен и впервые упоминается в указанной книге.

женцами... кои так же, как и предки их, сверх скотоводства упражняются в собирании нефти и вышеупомянутой смолы, також и в ломании соли»[1]. Эти продукты островные туркмены отвозили на парусных судах (киржимах) в североиранские провинции и сухим путем в Хиву для обмена на зерно и другие товары. По свидетельству М. И. Войновича, прибрежные туркмены очень дружелюбно встретили экспедицию, каждый раз давали эскадре судов своих представителей в заложники, на судах побывали «все начальники балханских трухменцев, кои и оставались там для разных нужных переговоров до другого утра»[2]. Все это подтверждает, что туркмены отнеслись к экспедиции с полным доверием. Более того, ее успешной работе «много споспешествовали живущие на Нефтяном острове трухменцы (челекенские туркмены. — *М. А.*); ибо собранными от них известиями заменено было все то, чего эскадра... сама не могла исследовать». Речь идет о том, что экспедиция М. И. Войновича не только воспользовалась услугами туркмен, но и их информацией в отношении тех мест, куда она не смогла добраться. Это, по-видимому, прежде всего относится к Кара-Богазскому заливу, который требовал точного исследования, «ибо ни один мореплаватель не отважился еще до сего времени войти во внутренность оного по причине великих опасностей, с коими вход туда сопряжен». М. И. Войнович также это оставил «до другого удобнейшего случая»[3].

Материалы экспедиции содержат много интереснейших сведений о природных условиях и населении прикаспийских районов Туркмении, значительно обогатили представление России о восточном побережье Каспийского моря, что помогло уточнить его карту, составленную еще при Петре I. Это говорит о дальнейшей интенсификации русско-туркменских взаимоотношений не только в области торгового обмена, но и в области политического сближения двух народов. Об этом красноречиво свидетельствует грамота Екатерины II о пожаловании тарханства туркменскому старшине Б. Дур-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 122.

[2] Там же, с. 124. Все рапорты М. И. Войновича вице-президенту Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышеву хранятся в ЦГАВМФ (ф. 172, д. 89, л. 6—43; ф. 212, д. 44, л. 461, 605—606).

[3] Русско-туркменские отношения..., с. 122.

дыеву от 13 февраля 1794 г. Пока трудно указать конкретно, за какие заслуги он был удостоен титула тарханства среди всех туркмен, хотя в грамоте написано, что Б. Дурдыев по отношению к престолу «сохраняет должную подданническую верность и служит радетельно»[1]. Пожаловав его тарханом, Екатерина II повелевала туркменским старшинам и всему туркменскому народу только одного Б. Дурдыева «за его верность и достоинство пожалованного тарханом почитать и признавать, также во всяких письмах писать оным чином»[2]. В грамоте написано, что он объявляется тарханом между всеми туркменами и чтобы этой присяжной «должности верные свои службы и добрые поступки вечно продолжал»[3]. Остается только загадкой, за что он удостоился такого высокого титула на 32-м году царствования Екатерины II и как справлялся с этой должностью в дальнейшем. Но факт сам по себе очень примечательный.

В 1793—1794 гг. правители Хивы выписали из России врача для излечения глаз высшего сановника Фазил-бия. Однако к моменту приезда военного врача, майора Бланкеннагеля Фазил-бий окончательно ослеп. Раздраженный отказом врача лечить ослепшего, тот в невежестве своем потребовал от него, чтобы исцелил его непременно; в противном случае грозил поступить с ним не как с врачом, а как с лазутчиком. Русские пленные в Хиве сообщили Бланкеннагелю о том, что хивинцы решили убить его по возвращении в Россию. В этой ситуации Бланкеннагель «нашел случай преклонить тайно на свою сторону трухменцев, которые доставили его благополучно к Мангышлаку»[4]. Факт этот интересен тем, что туркмены не очень считались с хивинскими властями, действовали вопреки их воле на свой страх и риск, пытались воспользоваться любой возможностью, чтобы сотрудничать с русскими.

Проходили годы и десятилетия, астраханские губернаторы Татищев, Брылкин, Бекетов, Якоби и Арцыневский сменяли друг друга, кончилось долгое правле-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 126.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. 4, д. 18 250, л. 3—4; Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793—1794 гг. — ВИРГО, 1858, ч. 22, с. 87—116.

ние Екатерины II, но желание прикаспийских туркмен укреплять торгово-экономические связи с Россией с каждым годом росло. В конце XVIII в. они вновь обратились к астраханскому губернатору с просьбой ходатайствовать перед Павлом I о построении города в урочище Тюб-Караган «для обоюдной коммерции». В письме сообщали, что как верные подданные России еще со времен Петра I «открывают чистейшее свое желание», и если город будет построен, то туда будут направляться караваны из Ташкента, Самарканда, Бухарии, Ургенча, Астрахани и других мест. В представлении туркмен география торговых связей Средней Азии с Россией значительно расширилась, и они уверяли губернатора, что расходы казны на строительство города «с избытком вознаградятся от золотых и серебряных руд», лежащих в черных горах на их территории. Астраханский губернатор в рапорте Павлу I писал, что караваны из Средней Азии «идут с немалым сокровищем» и со строительством укрепленного города в Тюб-Карагане «коммерция совершенно может быть оживлена и обеспечена на противном берегу», т. к. туркмены гарантируют свободное и безопасное прохождение караванов[1].

Обращает внимание и то, что мангышлакские туркмены обычно подавали прошения астраханским губернаторам в весенние месяцы, когда они приезжали на российских судах по торговым делам. Очевидно, с последней просьбой туркменских старшин от 18 мая 1798 г. о строительстве города в Тюб-Карагане связан заезд в Астрахань российского генерального консула в Иране Скибиневского летом 1800 г. Он одобрительно отнесся к идее строительства укрепленного города в Тюб-Карагане, лично обследовал местность, составил карту Караганской пристани и отметил ее выгодное расположение. Складские помещения и кладовой амбар он рекомендовал «построить из камня, которым весь Караганский кряж покрыт. Камень сей к ломке удобен», а лесоматериалы доставлять из Астрахани на судах, используя при строительстве камыш, растущий по берегам моря[2].

Скибиневский предполагал, что издержки казны на

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 127.
[2] Там же, с. 129.

построение крепости и кладовых амбаров можно возместить сбором денег за хранение в них товаров и за пребывание купцов. При этом он сообщает любопытные данные о значении мангышлакской торговли к исходу XVIII в. и роли туркменских купцов в этом деле. По его данным, общая стоимость товаров, провозимых через Караганскую пристань в Астрахань и обратно в Среднюю Азию, достигает 15 млн. руб., «ибо одной бумаги пряденой и бязей на девятьсот тысяч рублей вывозится». Правда, он не уточнил, за какой срок, сколько товаров перевезено через Мангышлак, куда и откуда вывозятся готовая ткань и пряжа. Но по контексту можно понять, что торговые обороты достигли за год полуторамиллионного рубежа, а ткань и пряжа вывозились из Средней Азии в Россию, т. к. автор отмечает, что «чрез сию же пристань и хлопчатую бумагу вывозят»[1]. Очень интересна мысль Скибиневского о том, что туркмены и казахи, занимающиеся купечеством, преуспевают в этом деле и им мешают единоплеменники, «завидующие землякам своим в выгодах, из торговли почерпаемых»[2]. Он делит эти народы на мирных купцов и «хищных киргизцев и туркменцев», для безопасности от них и необходимо построить крепость и складские помещения.

Отмечая, что восточные берега Каспийского моря посещают не только торговые, но и промысловые суда предприимчивых армян из Астрахани для ловли тюленей и рыбы, Скибиневский приводит факты произвола промысловиков в отношении прибрежных туркмен. Последние требовали соответствующей платы только за соль и пресную воду и никакого вознаграждения за вылавливаемую у их берегов рыбу не требовали. Однако не все судовщики выменивали соль на муку и платили за пресную воду. На этой почве часто возникали разногласия и беспорядки[3].

Несмотря ни на что, к концу XVIII в. между Средней Азией и Россией торговля развивалась, обороты ее увеличивались, ассортимент товаров расширялся и становился все разнообразнее, больше стали вывозить из Средней Азии хлопка и тканей, начали быстро развиваться тюленьи и рыбные промыслы, а вопрос о

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 129.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 109.

строительстве укрепленного торгового центра на восточном побережье Каспийского моря — заветная мечта прибрежных туркмен — уже ставился конкретно.

Так завершился XVIII в., открывший дорогу между Россией и Средней Азией. Эту дорогу со времен Петра Великого проложили прибрежные туркмены, десятки раз побывавшие в Астрахани и неоднократно ездившие в Петербург. В этот период туркменское общество было разобщено внутренними межродовыми и межплеменными противоречиями, оно обнаружило полную неспособность к какому-либо организованному началу, когда «самого последнего ни к чему принудить не могут, а всякое дело зависит от общего соглашения»[1] и т. д. Тем не менее эта дорога, соединявшая Среднюю Азию с Россией и пролегавшая через туркменские земли, с каждым годом расширялась и выравнивалась.

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 109.

РУССКО-ТУРКМЕНСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЗАКАВКАЗЬЯ К РОССИИ

(ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX в.)

Развитие торговых отношений в конце XVIII—первой половине XIX в.

Во второй половине XVIII в., когда в Иране и среднеазиатских ханствах господствовали хаос и междоусобные войны, торговые отношения пришли в упадок. Это подтверждает и посланный в 1764 г. из Астрахани в Карадагар к Ахмед-шаху Дуррани капитан Б. Асланов[1], долго скитавшийся по Ирану, Афганистану и Средней Азии с целью изучения торговых путей в Индию. Он указывает, что «в тех местах приметил я о торгу, что оного в Персии никакого нет... да и в Бухаре торг весьма малой»[2]. Правители северопранских провинций и среднеазиатских ханств не способствовали развитию торговли, а, наоборот, чинили всякие препятствия. Так, в Хиве приезжающим из России купцам «чинится великое отягощение в сборе пошлин, которую они берут с привозных и покупных товаров»[3]. С товаров русскоподданных купцов-армян пошлину взимали в двойном размере за то, что они были немусульмане. Русских купцов не пропускали через Хиву в Бухару и далее и принуждали все товары продавать хивинцам.

---

[1] Осенью 1764 г. из Мешхеда отправился в Бухару через Мары и Чарджоу, а в феврале 1765 г. выехал из Бухары в Хиву. В Мары Байрамали-хан дал ему двух туркмен в качестве проводников.

[2] АВПР, ф. «Афганские дела», 1763—1766, оп. 378/1, д. 1, л. 42.

[3] Там же, л. 31.

Вдобавок ко всему этому какие-то группы мангышлакских туркмен не без подстрекательства хивинских ханов всячески притесняли приезжающих из России купцов, занимались беззастенчивым вымогательством, хотя сами были заинтересованы в нормальных торговых отношениях с Россией, просили об отправке к их берегам купеческих судов, о продаже им хлеба и других предметов первой необходимости. Б. Асланов, возвращавшийся в Астрахань через Мангышлак, пишет, что «тамошние трухменцы с приходящих к ним судов за пристань и с выгружающихся на их берег купцов с товарами для переезда до Хивы вымогают великие подарки»[1]. При взимании пошлины мангышлакские туркмены допускали произвол: если у кого-нибудь из купцов увидят хороший товар, начинали просить себе, и если кто отказывал, то обижались, старались мстить, грабить и даже покушались на жизнь, задерживая купцов месяцами и т. д.[2]

Архивные данные подтверждают, что мангышлакские туркмены старались обобрать приезжавших к ним российских купцов (грузин и армян) и имели с ними «дурное обхождение», превращая их фактически в заложников, задерживали до тех пор, пока не возвращались из Астрахани туркменские купцы. Один из российских купцов объясняет это тем, что из мангышлакских туркмен (абдалов, човдуров, бурунджуков и игдыров) только абдалы имели права взимать пошлину с торговых судов и купцов. Поэтому остальные, особенно човдуры, всегда старались притеснять, грабить или хотя бы получить провозные деньги от следовавших в Хиву купцов[3].

Развитию нормальных торговых взаимоотношений мешали не только крайняя ограниченность правителей среднеазиатских ханств и постоянные грабежи в казахских и туркменских степях, но и враждебная деятельность турецких агентов, время от времени заезжавших в Среднюю Азию. Посещая Хиву и Бухару в 80-х гг. XVIII в., так называемые турецкие посланники подогревали враждебные настроения, подбивали ханов идти

---

[1] АВПР, ф. «Афганские дела», 1763—1766, оп. 378/1, д. 1, л. 31 об.

[2] Там же.

[3] ЦГВИА СССР, ф. 52 (именной фонд Г. А. Потемкина-Таврического), оп. 1/194, д. 625, л. 36—37.

войной против России с турецким султаном. Эти агенты рыскали не только среди хивинцев и бухарцев, но и среди туркмен-теке, салыр, эрсары, игдыр, абдал, бозачи и других, каракалпаков и казахов (киргиз-кайсаков), агитировали беглых казанских татар, калмыков[1] и т. д. Все эти факты не содействовали укреплению торгово-экономических, политических и дипломатических взаимоотношений между Россией и Средней Азией.

Тем не менее Россия не переставала принимать меры к улучшению подобных взаимоотношений и искала новые пути и средства развития торговли к востоку от Каспийского моря. В начале 80-х гг. XVIII в. Россия пыталась открыть торговлю в Юго-Западной Туркмении, учреждая факторию в Астрабаде, что имело важное значение.

В инструкции командующего Каспийской флотилией графа М. И. Войновича капитану Н. И. Баскакову, отправившемуся к юго-восточным берегам Каспийского моря в 1782 г., дано указание «соблюсти доброго согласия со всеми трухменцами, не только с теми, кои близ Астрабада кочуют, но и с живущими около Балханского залива и Красных вод; понеже сии последние обязались споспешествовать к приходу туда из Хивы и Бухары караванов»[2]. Одновременно М. И. Войнович поручил Н. И. Баскакову завести знакомство с прибрежными ханами, написать мешхедскому правителю с целью установления торговых сообщений и «распространения коммерции до Восточной Индии», дал указание всем российским купеческим судам идти с товарами только в Астрабадский залив, а правителей двух иранских прибрежных провинций (Гилян и Мазандеран) уведомил письменно, чтобы их парусные суда (киржимы и сандали) «не делали подрыва купеческим нашим судам в перевозе товаров из одного места в другое»[3].

Россия проявляла особый интерес к богатейшим рыбным промыслам в устьях Атрека, Гургена и в Астрабадском заливе. Имея в виду рыбную ловлю в этом районе, М. И. Войнович приказал капитану Н. И. Баскакову «наблюдать наистрожайше, чтоб никто ни под

---

[1] ЦГВИА СССР, ф. 52, оп. 1/194, д. 625, л. 40—41.
[2] Там же, д. 268, л. 25.
[3] Там же.

каким видом не присвоил себе оную монополием, а чтоб все российские купцы невозбранно ею пользовались»[1]. При этом отдельным купцам-армянам, проявившим особое усердие в налаживании торговли и ловли рыбы в этом районе, представлялись временные льготы.

Если до сих пор торгово-экономические и политические связи России со Средней Азией осуществлялись преимущественно через Мангышлак и казахские степи, где купцы и послы постоянно подвергались опасности, то теперь Россия стремится установить эти связи через менее безопасный морской путь непосредственно с Юго-Западной Туркменией. Словом, Россия пытается передвинуть торговые пути далеко на юг, проникая в глубь восточного побережья Каспийского моря. Установление торгово-экономических взаимоотношений с Юго-Западной Туркменией, имеющей нефтяные, рыбные соляные промыслы было выгодно во всех отношениях. К тому же бассейны Атрека, Гургена и Карасу были житницей для Юго-Западной Туркмении и прибрежных районов, имели немалые потенциальные возможности в обмене продуктов земледелия, скотоводства и ремесленного производства на российские товары.

В этой связи большой интерес представляют названия товаров, которыми торговали российские купцы в Юго-Западной Туркмении в конце XVIII в. Больше всего привозили суконные и металлические изделия. В реестре суконных изделий названы кармазинное, полукармазинное, корповое и тонкое сукно, императорский и гарусный бархат, стамед разных сортов, всевозможные европейские парчи и шелковые материи, холсты. Кроме того, привозили сетки, золотые и серебряные позументы[2]. Купцы доставляли сюда почти все изделия российской ткацкой мануфактуры того периода.

Не менее разнообразен ассортимент металлических изделий, предназначенных для домашней утвари и повседневного обихода. Это — большие и средние перламутровые, зеленые, красные, черепаховые и медные

---

[1] ЦГВИА СССР, ф. 52, оп. 1/194, д. 268, л. 25—26.
[2] Там же, л. 27.

складные ножи, разного рода ножницы, кинжалы, сабли, ружья, иглы, подносы, котлы чугунные, медь, медные блюда, терези с коромыслами[1], сундуки, погребцы, а также листовые, четвертные, мелкие, бумажные под золотым лаком зеркала, цевочное золото и серебро, писчая бумага, краски разные, сандалии, сахар, леденец, кофе, так называемый калмыцкий чай и т. д.[2] Весь этот список показывает большие возможности российской торговли в обеспечении необходимыми товарами емкого рынка Средней Азии и Северного Ирана.

Торгово-экономические связи юго-западных туркмен с Россией и Ираном неразрывно связаны с историей добычи полезных ископаемых в прибрежной полосе и с развитием рыболовства. Эти вопросы в определенной степени нашли отражение в работах Б. А. Литвинского и А. Джикиева[3]. Остановимся вкратце на отдельных аспектах развития торговли до 70-х гг. XIX в.

В отличие от юго-западных мангышлакские туркмены в Астрахань ездили только на российских купеческих судах. Что же касается туркмен районов Красноводского полуострова, Челекена, низовьев Атрека, Гургена и Карасу, то они торговали с Ираном на собственных судах.

Первые сведения о торговле западных и юго-западных туркмен, о добыче полезных ископаемых и рыболовстве относятся к 40-м гг. XVIII в.

По данным Вудруфа, 36 семейств Челекена имели несколько нефтяных колодцев и 28 больших лодок, а жители Красноводского полуострова ловили рыбу не только для потребления, но и для продажи соседним туркменам и кочующим татарам[4]. Говоря о больших

---

[1] Терези с коромыслами туркмены пользовались искони и называли их «асма терези».

[2] ЦГВИА СССР, ф. 52, оп. 1/194, д. 268, л. 27. Английский путешественник А. Борнс отмечает, что он часто видел у туркмен большие русские котлы, в которых во время торжеств варили мясо (Путешествие в Бухару..., ч. 3, с. 89—90).

[3] *Литвинский Б. А.* К истории добычи полезных ископаемых на Челекене. — Материалы ЮТАКЭ, вып. I. Ашхабад, 1948; *Джикиев А.* Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад, 1961, с. 48—59; *Аннанепесов М.* Хозяйство туркмен в XVIII—XIX вв., с. 252—256.

[4] Hanwey I. An historical account of the British trade over the Caspian Sea. London, 1753, p. 333—336.

лодках, Вудруф, по-видимому, имел в виду туркменские киржимы.

Прибрежные туркмены издавна занимались не только скотоводством и рыболовством, но и добычей, сбытом полезных ископаемых. Как видно из данных журнала экспедиции графа М. И. Войновича (1781—1782 гг.), остров Нефтяной «с самых древних уже времен обитаем трухменцами, которые, как и предки их, сверх скотоводства, упражняются в собирании нефти и вышеупомянутой смолы (озокерита. — *М. А.*), а также и в ломании соли; а для отвоза сих продуктов в ближайшие персидские провинции, для обмена их там на сорочинское пшено[1] и другие нужные для них вещи они имеют у себя до 50-ти морских лодок, или так называемых киржимов. Перечищенную смолу, которая на их языке мум называется, они отвозят также и сухим путем в Хиву, где она так же, как и в Персии, будучи смешана с воском, для выделки свеч и факелов употребляется»[2].

Говоря о прибрежных туркменах, кочевавших близ Балханских гор, М. И. Войнович писал, что «все недостающие им вещи, как для одеяния, так и для прокормления они получают по большей части из Хивы, которая отстоит от них не более 10 дней езды верблюдами, и куда они свои продукты на продажу отвозят»[3].

Торгово-экономические отношения России с прибрежными туркменами, особенно с теми, которые жили к югу от Мангышлака, в XVIII в. носили нерегулярный, спорадический характер. Это отмечает и граф М. И. Войнович. Говоря о прибалханских туркменах, он писал, что российские суда пристают к ним иногда, которые приходят за тюленьим промыслом и «привозят к ним пшеничную муку, чугунные котлы, деревянную посуду и разные мелочи, которые на войлоки, масло, овчинки и другие меха меняются»[4]. Во время экспедиции на судно к М. И. Войновичу приезжали «все первостатейные старшины помянутых трухменцев... с разными предложениями, к пользе российской с Хи-

---

[1] Очищенный рис.

[2] Исторический журнал бывшей в 1781—1782 гг. на Каспийском море российской эскадры под командою флота капитана второго ранга графа М. И. Войновича. М., 1809, с. 13—14.

[3] Там же, с. 21.

[4] Там же.

кою и Бухарою торговли служащими»[1]. Туркмены, в частности, выразили готовность отправить нарочного с письмами от графа М. И. Войновича к владельцам Хивы и Бухары, пригоняли «довольное число баранов на продажу, и вся эскадренная команда довольствована была опыми»[2].

В первые десятилетия XIX в. в правительственных кругах России заметно усилился интерес к развитию торговых взаимоотношений со среднеазиатскими ханствами. Это стало возможным после присоединения кавказских народов к России и в связи с началом развития капиталистических отношений в России. Присоединив Грузию и Азербайджан, в начале XIX в. Россия прочно утвердилась на западном побережье Каспийского моря. Царское правительство стремилось в этот период завязать политические и экономические связи с народами, жившими к востоку от Каспийского моря. Инициатива в этом деле по праву принадлежит «кавказскому проконсулу» А. П. Ермолову, снаряжавшему экспедиции к туркменским берегам Каспийского моря.

По признанию А. П. Ермолова, мысль об отправке экспедиций исходила от видного государственного и общественного деятеля того времени адмирала Н. С. Мордвинова, занимавшего важные посты при Александре I. 19 июня 1816 г. Н. С. Мордвинов представил Комитету министров особую записку, в которой призывал действовать в отношении восточных народов мирными средствами, доброжелательной политикой привлекать их к экономическим выгодам и т. д. Он указывал, что к народам Азии «проложить должно дороги из внутренности России и соделать их отверстыми и безопасными»[3]. Автор придавал большое значение торгово-экономическим взаимоотношениям. «Чтобы покорить народы, кои ближе к дикому, нежели к образованному состоянию, — писал он, — должно приучить их к тому, что Россия производит и чем может их всегда снабжать... сблизить их к нам понятиями, вкусами, нуждами...»[4]. Н. С. Мордвинов предлагал соорудить

---

[1] Исторический журнал... М. И. Войновича, с. 21.
[2] Там же.
[3] *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии. М., Наука, 1974, с. 105—107.
[4] Там же.

крепость при Красноводском заливе и «из оного места владычествовать» над туркменами и Хивой.

Снаряжая экспедицию М. И. Пономарева и Н. Н. Муравьева, А. П. Ермолов руководствовался рекомендациями Н. С. Мордвинова и поручил им для «привлечения из Хивы торговли завести на трухменском берегу близ избранной нами пристани магазины для складки товаров, обеспеча их прикрытием устроенной для сего крепости»[1].

В одном из писем вице-канцлеру К. В. Нессельроде А. П. Ермолов упрекает своего предшественника генерала Ртищева за прекращение связей с прикаспийскими туркменами и рекомендует «не ослаблять приверженности к Российской державе храброго того народа»[2]. Экспедиции М. И. Пономарева и Н. Н. Муравьева положили начало всестороннему изучению Туркмении в политическом, экономическом и научном аспектах. После этих экспедиций связи России с Туркменией начали осуществляться по двум направлениям — через Астрахань и Кавказ. Торговый путь через Оренбург и казахские степи теперь был неудобен как для русских, так и для хивинских, бухарских купцов. Поэтому предпочтение отдавали морскому пути по Каспию из Мангышлака в Астрахань и из Красноводска на Кавказ. Перевозка товаров по морю была более выгодной, дешевой и наименее опасной. Прибрежные туркмены были заинтересованы в торговле с Россией и заботились о безопасности пролегавших через их земли караванных путей. М. И. Пономарев свидетельствовал, что влиятельные прибрежные туркмены подтвердили желание гургенских и атрекских старшин беспрекословно содействовать сближению с Россией. В дальнейшем, благодаря заботам А. П. Ермолова, центр торгово-экономических связей туркмен с Россией перемещается на Кавказ.

Кавказский наместник видел выгоды от установления прямых контактов с туркменами в развитии товарообмена, выбора места для удобной пристани, создания складских помещений, налаживания торговли с Хивой кратчайшим путем, считая, что со временем к этой

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 198—202.
[2] Там же, с. 196.

пристани «обратятся» и бухарские караваны, проходящие через Хиву.

Неудачную попытку в этом плане предпринял Н. Н. Муравьев. Он пытался уговорить хивинского хана Мухаммед Рахима впредь направлять торговые караваны не в Мангышлак, а в Красноводск с тем, чтобы обеспечить им кратчайший и безопасный путь. Мухаммед Рахим фактически отклонил предложение Н. Н. Муравьева и изменение торговых путей в дальнейшем ставил в зависимость от того, если юго-западные йомуды и гоклены поступят в подданство Хивы. Негативное отношение хивинского хана к развитию торгово-экономических связей с Россией не остановило А. П. Ермолова, человека незаурядного государственного ума, который хорошо понимал перспективы русской торговли на восточных берегах Каспийского моря. В письме к К. В. Нессельроде он пишет: «Торговля с Хивой, Бухарой и далее, как говорит г-н адмирал Мордвинов, с северной частью Индии есть беспрекословно главнейшая цель устроения заведения на восточном берегу Каспийского моря и для того почитаю необходимым в обеспечении привозимых нами товаров и хлеба устроить в Красноводском заливе крепостцу с достаточным гарнизоном и артиллерией»[1]. Этим планам А. П. Ермолова суждено было осуществиться лишь спустя 50 лет, в 1869 г. Тем не менее стремление России к расширению торгово-экономических связей со Средней Азией уже исходило от высших правительственных инстанций, что является новым в истории русско-среднеазиатских взаимоотношений.

Развитию русско-среднеазиатских торговых взаимоотношений в немалой степени мешала политика правителей Хивы, Бухары, местных туркменских ханов и старшин прибрежной полосы, куда обычно приезжали русские купеческие суда. Они чинили разные препятствия нормальному развитию торговли: произвольно увеличивали пошлину с привозимых и вывозимых товаров, запрещали продажу или покупку отдельных товаров, требовали продавать товары только в данной местности, накладывали двойную пошлину купцам-армянам и евреям, требовали дорогие подарки за проезд, грабили караваны и т. д.

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 226—227.

Со своей стороны астраханские местные власти также притесняли среднеазиатских купцов. В 1809 г. группа купцов, приехавших в Астрахань с товарами, обратилась к губернатору с просьбой установить определенную пошлину на привозимые ими товары. Жалуясь на произвол местных властей, туркменские купцы писали: «С давних времен предки наши и мы сами из мест, нами обитаемых, с Астраханским портом производили торговлю ввозимыми сюда собственными произведениями наших товаров, за кои, как равно и за вывозимые нами отсюда в свои отечественные земли, платили узаконенные здесь пошлинные деньги Астраханской портовой таможне до настоящего времени. Ныне неизвестно нам: какие и за что деньги требует от нас городовая дума, не объяснив ни повеления вновь изданного, ни причины, за что те деньги с нас, иностранных заезжих временно сюда купцов, следует дума»[1]. Бывали случаи, когда купцов «захватывали на базаре, задерживали под караулом», «причиняли им крайнюю обиду, оскорбления и посрамление, какового бесчестия они вовсе не заслуживали»[2]. Из этого документа явно видно, что при сборе пошлин портовая таможня и городская дума действовали врозь и часто чинили препятствия.

Несмотря на все это, торговые взаимоотношения неуклонно развивались. Каждый приезд русских купеческих судов на туркменских берегах встречали как настоящий праздник. Когда начинали выгружать товары на берег, из окрестных районов стекалась масса народа и завязывалась оживленная торговля в основном путем натурального обмена.

Более точные сведения о морской торговле туркмен, о ее значении в хозяйстве, о количестве киржимов, их грузоподъемности, о масштабах вывозимой нефти, соли и рыбы сообщают Н. Н. Муравьев, Г. С. Карелин, И. Ф. Бларамберг, М. Н. Галкин и др. Судя по их работам, морская торговля резко возросла в 30—40-е гг. XIX в. Так, если Н. Н. Муравьев, говоря о ежегодном вывозе нефти, писал, что «одни обывательские лодки вывозят оной 40 000 пудов, которую в Астрабаде продают», да еще персидские солдаты ежегодно приезжали из Мазандерана и вывозили до 20 000 пудов нефти, которую

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 179.
[2] Там же, с. 179—180.

вымешивали на хлеб, то Г. С. Карелин и И. Ф. Бларамберг приводили более внушительные цифры[1].

Общее представление о вывозе и продаже нефти туркменами Челекена в 1836 г. дают данные, составленные на основе материалов Г. С. Карелина[2]:

Местность	Число судов	Всего тулуков	Стоимость 1 тулука (риалы)	Всего риалов
Астрабадский залив	70 киржимов 50 лодок	21 000 3500	1—1,25	23,350
Мазандеран и другие районы	130 киржимов 60 лодок	39 000 4200	1—1,25	30,400

Туркмены вывозили ежегодно примерно 67 700 тулуков нефти, или 135 000 пудов на сумму 89 750 риалов, или на 107 000 руб. ассигнациями, т. е. около 80 коп. за пуд нефти. При этом Г. С. Карелин сообщает, что киржим поднимает 200—400 тулуков нефти, а лодки — 40—100. Это значит, что в среднем можно положить по 300 тулуков на киржим и по 70—на лодку. Сопоставление этих цифр с данными Н. Н. Муравьева показывает, что вывоз нефти за 15 лет более чем удвоился. И. Ф. Бларамберг подчеркивал, что «продажу нефти туркмены производят сами, развозя оную на киржимах по персидским берегам»[3].

Снабжение туркменами прикаспийских провинций Ирана нефтью и солью и их успешную конкуренцию с Баку Г. С. Карелин описывает следующим образом: «Почти вся Северная Персия, то есть провинции Астрабадская, Мазандеранская, Тункабинская и Гилянская

---

[1] Записки Н. Н. Муравьева-Карского. — Русский архив, 1888, № 2, с. 239—240. Н. Н. Муравьев вынужден был продать привезенный хлеб по низкой цене, потому что незадолго до его приезда «персидские суда привозили из Челекен хлеб из Мазандерана и продали его по дешевой цене» (Там же, с. 237).

[2] *Карелин Г. С.* Указ. раб., с. 233. Такие же цифры приводит и И. Ф. Бларамберг (*Бларамберг И. Ф.* Указ. раб., с. 71). Г. С. Карелин отмечал, что туркменами «нефть продается в кожаных мешках, называемых тулуками, в два пуда каждый, а соль—правильными четвероугольными кусками или кулонами в полтора пуда» (Там же, с. 232—233).

[3] *Бларамберг И. Ф.* Указ. раб., с. 70.

освещаются челекенскою нефтью и продовольствуются туркменскою солью, а как эти произведения продаются несравненно дешевле бакинских, то вывоз той и другой из Баку ежегодно уменьшается»[1]. Далее Г. С. Карелин отмечает «упадок соляного и нефтяного бакинского откупа», что происходило от «соперничества туркмен», у которых на о. Челекен находится более 3 тыс. нефтяных колодцев и в разных местах неистощимые пласты каменной соли отличного качества. В 1835 г. они продали в Северном Иране 135 000 пудов нефти и 186 000 пудов соли[2]. И. Ф. Бларамберг несколько уточняет данные сведения Г. С. Карелина и пишет, что соль туркмены добывают на о. Дарджа и ежегодно продают в Иране 150 000 пудов на 40 500 руб. При этом он отмечает, что персидскоподданный купец из Астрахани Мир-Багиров покупал у них 70 киржимов соли (более 40 тыс. пудов)[3]. Г. С. Карелин также указывал, что братья Мир-Багиров и Мир-Садык закупают «важнейшее количество» соли на Челекене и отвозят на свои рыбные промыслы в Гиляне и Тункабине[4]. Архивные источники сообщают, что туркмены нефть свою продавали в Иране за деньги, а соль выменивали на необходимые предметы потребления[5]. На Челекене добывали и сбывали красильные вещества[6].

Охарактеризуем вкратце о. Челекен, сыгравший в XIX в. заметную роль в судьбе прибрежных туркмен. Не вдаваясь в подробности этимологии названия о. Челекен[7], отметим, что он возник в Балханском заливе вначале как архипелаг, состоящий из трех небольших островов (Нефтяной, Дарджа и Нефтяной бугор) и множества маленьких безымянных островков. В результате дальнейшего понижения уровня Каспийского моря остров вскоре превратился в полуостров, что, по-видимому, произошло где-то на рубеже XVIII—XIX вв. Подробное описание местности будущего о. Челекен дано экспедицией М. И. Войновича (1781—1782 гг.).

---

[1] *Карелин Г. С.* Указ. раб., с. 232—233.
[2] Там же, с. 172.
[3] *Бларамберг И. Ф.* Указ. раб., с. 82.
[4] *Карелин Г. С.* Указ. раб., с. 235—236.
[5] АВПР, Спб. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1858—1860, д. 12, л. 88 об.
[6] ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 8, д. 521, л. 16—17.
[7] В основном известны два варианта этимологии топонима Челекен: 1) чар-и-кан (перс.) означает остров четырех сокровищ; 2) чөл экеи (туркм.) — пустынная местность.

«Прошедши Нефтяной остров, — писал М. И. Войнович, — глубина Балханского залива становится столь мелка, что только самые малые гребные суда во внутренность онаго проходить могут... Приближаясь к концу залива, находится величиною своею весьма знаменитый остров, который на карте капитана Вудруфа (1743 г.) под именем Даргана назначен; но настоящее его название, от трухменцев ему данное, Дарджа; и хотя он довольно высок, однако ж на нем также пресной годы нет, и он никем не обитаем, грунт же его состоит из одного сыпучего песку. В правую сторону от сего острова лежит к югу еще другой, по величине своей и другим свойствам примечания заслуживающий... Глубина воды тут столь мала, что кочующие около горы Балхана трухменцы переезжают туда на верблюдах; и они называют остров сей Нафть Тяпясы, т. е. Нефтяным бугром, потому что и на оном... найдены ключи черной нефти, которые, по их уверению, гораздо изобильнее тех, каковые находятся на вышеописанном Нефтяном острове»[1].

Помимо добычи и сбыта полезных ископаемых, прибрежные туркмены издавна занимались рыболовством и продажей рыбных продуктов. Рыбные промыслы туркмен широкое развитие получили в 20—30-х гг. XIX в., когда они начали сбывать рыбу русским рыбопромышленникам. «Торговля рыбою для туркмен прибрежных,— читаем в архивных документах, — есть, можно сказать, главный источник существования. Торговлю сию они ведут с русскими рыбопромышленниками и с жителями Астрабадской и Мазандеранской провинций»[2].

В начале XIX в. продажа рыбы носила случайный характер, т. е. продавали ее в связи с прибытием русских судов к туркменским берегам. Но постепенно торговля рыбой между Россией и туркменами юго-восточного побережья Каспийского моря стала налаживаться и принимать систематический характер.

Туркменские рыбаки, естественно, остро нуждались в торговле, в обмене своих рыбных продуктов на хлеб, ткани, другие предметы быта. Малейшее нарушение нормального обмена немедленно отражалось на их

---

[1] Исторический журнал... М. И. Войновича, с. 14—15.

[2] АВПР, ф. Сиб. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1858—1860, д. 12, л. 91.

благосостоянии: наловленная рыба и рыбные продукты пропадали, а рыбаки испытывали острую нужду в хлебе. Поэтому рыболовство могло удовлетворять жизненные потребности населения лишь при условии постоянного и систематического обмена. Недаром Махтумкули отмечал, что рыболовы не могут жить только рыбой, которая не заменит хлеб[1]. О первостепенном значении торговли для туркменских рыболовов М. Н. Галкин писал: «Занимаясь почти исключительно рыболовством и не имея своего хлеба, они получают его и некоторые другие домашние надобности в обмен на рыбу от армян Александровского порта. Рыбу эту туркмены никуда, кроме России, сбывать не могут, других же прибыльных занятий не имеют... Как ни злоупотребляют в торговле с ними означенные армяне, туркмены принуждены брать хлеб по какой бы то ни было цене, отдавая взамен рыбу по самой дешевой»[2].

Русские рыбопромышленники часто нарушали условия заключенного контракта, задерживали выплату стоимости закупленных рыбных товаров, накладывали секвестр на выловленную рыбу, брали заложников из числа рыбаков, навязывали им ненужные товары, произвольно устанавливая на них цены и в то же время умышленно отказывая им в доставке хлеба и т. д. Словом, рыболовные промыслы туркмен превратились для них в широкое поле для грабежа и безжалостной эксплуатации трудящихся. Но продажа рыбных продуктов и обмен их на съестные припасы были насущной необходимостью для туркмен. И русские рыбопромышленники, «сознавая, как выгодно закупать у них рыбу по отличному ее качеству и изобилию», часто заводили с туркменами торговлю и различные долговременные и единовременные сделки[3].

О масштабах привоза рыбных товаров в Астрахань в 1836—1843 гг. свидетельствуют данные, составленные на основе материалов счетного стола Астраханского порта, руб.[4]:

---

[1] Балыкчылар эйдар салдан доюм ёк (Магтымгулы, т. 2. Ашгабат, 1959, сах. 114).

[2] *Галкин М. Н.* Указ. раб., с. 22.

[3] Там же, с. 22—23; АВПР, ф. Спб. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1860, д. 12, л. 4—5.

[4] АВПР, ф. Спб. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1836—1843, д. 14, л. 26—28.

	1836 г.	1837 г.	1838 г.	1839 г.	1840 г.	1841 г.	1842 г.	1843 г.
Рыба (соленая и копченая)	6003	29709	69870	59872	23160	11678	6761	1937
Икра	—	17309	18660	21696	11307	6592	3555	1224
Клей (красной рыбы)	15135	7950	3600	13350	7267	3870	1168	844
Вязига	216	651	35	915	334	110	45	40
Всего	21654	55615	92165	95833	42068	22250	11539	4045

Привоз рыбных товаров в Астрахань достиг наивысшего уровня в 1838—1839 гг. и уже в 1843 г. резко снизился, что, по-видимому, объясняется карательными действиями Е. В. Путятина и других представителей царских властей против прибрежных туркмен-рыболовов. В 1840—1843 гг. привоз рыбных товаров исчислялся в пудах: так, в 1840 г. завезено рыбы 71 513 пудов, икры — 15 699, клея — 199 и вязиги — 313 пудов[1].

Говоря о том, что туркменам часто приходилось продавать рыбу за бесценок на месте, М. Н. Галкин сообщает о ценах на рыбные продукты. Так, на Ашур-аде они продавали икру в 1 руб. 70 коп. серебром за пуд, вязигу — 3—4 руб. Кроме того, туркмены продавали ковры, лебяжий пух, лисьи, шакаловые и карсаковые шкуры; покупали у русских хлеб, полосовое железо, из которого выделывали лопаты, сохи, кандалы, чугунные котлы, кумганы, рыболовные снасти, а также сахар, чай и т. д.[2].

В связи с развитием торговых отношений, с ростом добычи и продажи нефти и соли, с освоением богатейших рыболовных промыслов между туркменами и русскими рыбопромышленниками, с одной стороны, между российскими купцами, с другой, — часто возникали тяжбенные дела, которые затрагивали интересы не только туркмен, но и России, Ирана. Поэтому эти государства вскоре оказались вовлеченными в борьбу за овладение этими богатствами.

---

[1] АВПР, ф. Спб. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1836—1843, д. 14, л. 26—28.

[2] *Галкин М. Н.* Указ. раб., с. 48.

Царское правительство, идя навстречу требованиям рыбопромышленников и преследуя политические цели, по-разному пыталось прибрать к рукам все рыболовные промыслы южной части Каспийского моря и завладеть морской торговлей. В октябре 1836 г. Азиатский департамент МИД запросил посланника в Иране графа И. О. Симонича о том, может ли шахское правительство «прежде срока уничтожить заключенные уже контракты» на рыбные промыслы Южного Каспия. При этом выражалась готовность русских купцов «приложить старания и надбавить откупную сумму» с тем, чтобы уговорить правительство Ирана. В письме Родофиникина И. О. Симоничу имеются любопытные строки, раскрывающие подлинный смысл намерений царского правительства. «Цель наша, — говорится в нем, — о которой по секрету Вас предуведомляем, состоит в том, чтобы рыбные промыслы исхитить из рук хитрого и вредного персиянина (Мир-Багирова), которого все поступки клонятся к тому, чтобы всю каспийскую торговлю забрать в свои руки и вытеснить коренных русских от всякого в оной соучастия, в чем отчасти и успел уже своими происками и всякими незаконными средствами»[1]. И. О. Симонич в ответе Родофиникину сообщал, что все контракты, заключенные шахским правительством на рыбные промыслы, были заверены в свое время русской миссией в Тегеране, и поэтому они не могут быть расторгнуты[2].

Но этот вопрос не был снят с повестки дня и в дальнейшем. В марте 1841 г. российский полномочный министр в Иране А. Дюгамель предложил новый вариант его решения. По Туркменчайскому договору Иран все еще должен был выплатить России 430 тыс. туманов контрибуции. А. Дюгамель предложил «учинить с персидским правительством сделку, по коей взамен контрибуционных денег оно отдаст России на известное число лет рыбные откупы по персидским берегам Каспийского моря»[3]. Однако и данный проект был отклонен министром финансов Е. Ф. Канкриным.

Предлагался еще и другой вариант. В 1836 г. Г. С. Карелин сообщил Московскому товариществу купцов о результатах своей экспедиции и «подробности

[1] АВПР, ф. Сиб. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1836—1843, д. 14, л. 3.
[2] Там же, л. 4—5.
[3] Там же, л. 24—25.

рыбных промыслов в туркменских водах». Московские купцы согласились создать специальное товарищество по освоению туркменских рыбных промыслов, во главе которого предполагалось поставить Г. С. Карелина, который мог бы «доказать на опыте истину своих предположений»[1]. В феврале 1838 г. этот вопрос был рассмотрен на Азиатском комитете, который решил учредить «частное купеческое товарищество или торговый дом под какою-либо фирмою, с негласным участием казны и с пожертвованием от нее достаточной по усмотрению суммы»[2]. Причем было решено приложить старания к тому, чтобы все откупщики астрабадской рыбной ловли уступали откупы торговому дому, т. е. установить нераздельную монополию московских купцов и царского правительства[3].

Вопрос о рыбных промыслах, в том числе и туркменских, был окончательно решен в связи с учреждением морской станции на Ашур-аде с отрядом русских крейсеров в 1842 г. и российского консульства в Астрабаде. В результате карательных экспедиций Е. В. Путятина в 1842 г. и В. В. Дандевиля в 1859 г. большинство туркменских киржимов и других рыболовных лодок было сожжено либо истреблено[4]. Правда, не все представители царского правительства одобряли политику канонерок в отношении прибрежных туркмен и вместо уничтожения их лодок предлагали побольше создавать укрепленных торговых факторий с целью улучшения взаимоотношений с ними и укрепления торговли. М. И. Галкин, принимавший участие в экспедиции В. В. Дандевиля, писал по этому поводу: «Может быть скажут, что и без возведения укрепления... можно лишить туркмен морского значения, уничтожив безотлагательно все принадлежащие им лодки, но, мне кажется, что подобная мера недостойна сильной державы. Лодки для прибрежных туркмен составляют почти единственное их достояние... отнять лодку у берегового туркмена—значит разорить его вконец; а не так, думаю, обращаться с соседним народом»[5]. Так, царское правительство сумело покончить с «морским значением» туркмен,

---

[1] АВПР, ф. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1836, д. 2, л. 180—181.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Русско-туркменские отношения..., с. 365—367, 482—487.
[5] АВПР, ф. Спб. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1860, д. 12, л. 10—10 об.

что привело к заметному ослаблению торговых взаимоотношений.

Конечно, не все начальники Ашур-адинской морской станции старались держать туркмен в повиновении только силой оружия. Капитан Лихарев, например, старался больше воздействовать на них морально, «не стесняя свободы их мореплавания и торговли». Более того, он считал, что торговля с ними «могла бы сделаться для туркмен несравненно более прибыльною, если бы к ним являлись с требованием на рыбный товар покупщики более зажиточные и честные, которые привозили бы с собою более значительное количество наличного капитала и товаров»[1]. Капитан Свинкин в рапорте от 22 февраля 1853 г. также указывал, что туркмены «более и более сближаются с отрядом, и торговые дела их с русскими купцами по рыбной операции идут хорошо»[2].

О значении морской торговли туркмен, о количестве лодок многие авторы оставили разные высказывания и сведения. М. Н. Галкин, например, писал, что для прибрежной торговли, перевозки нефти, соли, для рыболовства и, наконец, для сообщения с прибрежными аулами «всякий почти из приморских туркмен имеет свою лодку». Больших морских лодок он здесь насчитал до 500, которые отличались «хорошей ходкостью и держатся в море безопасно». Помимо этих судов, туркмены имели еще значительное число небольших лодок и куласов[3]. И. Ф. Бларамберг в 1836 г. писал, что общее число всех судов, принадлежавших туркменам только Челекена и Гасан-Кули, «простирается до 150 киржимов и лодок, не считая куласов»[4]. О решающем значении киржимов и лодок в хозяйстве писали прибрежные туркмены в связи с карательными мерами Е. В. Путятина. Сообщая, что Е. В. Путятин истребил 39 лодок и киржимов, они указывали, что он «сожжением наших судов лишил нас единственного средства к существованию»[5].

---

[1] АВПР, ф. Спб. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1858—1860, д. 12, л. 88—89.

[2] Там же, 1851—1855, д. 7, л. 27.

[3] *Галкин М. Н.* Указ. раб., с. 48; АВПР, ф. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1843—1860, д. 12а, л. 112.

[4] *Бларамберг И. Ф.* Указ. раб., с. 72.

[5] АВПР, ф. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1842—1856, д. 12, л. 12; В. В. Дандевиль в 1859 г. сжег 50 лодок в Чекишляре (Русско-туркменские отношения..., с. 482).

В последующие годы морская торговля туркмен продолжала существовать, хотя, как явствует из сведений начала 70-х гг. XIX в., добыча и продажа ими нефти, соли и рыбы не сделала существенного прогресса по сравнению с 30-ми гг. и топталась почти на месте вплоть до присоединения к России. Масштабы вывоза этих продуктов накануне присоединения характеризуются следующими данными: нефти вывезено 125 000 пудов на 40 000 руб., соли — 170 000 пудов на 85 000 руб., рыбы — 450 000 пудов на 50 000 руб.[1] Данные по продаже нефти и соли даже несколько уменьшались по сравнению с приведенными данными Г. С. Карелина 1836 г.

Однако, несмотря на неоднократные карательные меры царских войск с целью уничтожения «морского значения» туркмен, торговля в прибрежной полосе по масштабам того времени достигла значительного уровня и охватила довольно обширный район бассейна Южного Каспия. Туркменские купцы, в частности Киятхан и его сыновья, часто ездили в Баку и Астрахань по коммерческим делам. Более того, вопрос о торговле с туркменами, о добыче полезных ископаемых и рыбных промыслах не раз становился предметом горячих обсуждений в высших инстанциях правительств России и Ирана. В отличие от остальных отраслей хозяйства рыбные промыслы Туркмении, а позднее и месторождения полезных ископаемых уже задолго до присоединения привлекли внимание представителей зарождавшегося торгового капитала России и со всей силой раскрыли хищнические нравы, жадность и алчность к наживе — все пороки беспощадной конкурентной борьбы. Это было своего рода проявлением неумолимого закона экспроприации непосредственных производителей материальных благ, который осуществлялся не только и не столько откупным содержанием на кабальных условиях, а подчас огнем и мечом, политикой канонерок в отношении соседних слабых народов.

Важнейшую статью в русско-среднеазиатской торговле составлял хлопок. Уже в начале XIX в. правление казенной Александровской мануфактуры в Петербурге заинтересовалось бухарским хлопком и через посредство оренбургских купцов выписало первую его

---

[1] Наши соседи в Средней Азии. Хива и Туркмения. Спб., 1873, с. 32—33.

партию. Качество «сей бумаги... оказалось столь хорошею», что в 1803 г. было закуплено уже значительное количество хлопка[1]. При этом уже тогда можно было обнаружить конкуренцию между бухарскими и хивинскими поставщиками хлопка. Хивинские купцы уверяли российских купцов в том, что «хивинская бумага гораздо более волокнистее и шелковистее, нежели бухарская, и продается всегда дороже сей последней», что в Хиве ежегодно можно купить ее до 100 тыс. пудов, и «сие количество весьма легко может быть утроено, лишь бы умножить требование на сей товар в Россию»[2].

В ту пору хлопчатобумажная мануфактура России получала сырье только морским путем, и российское ткацкое производство было заинтересовано в дешевом среднеазиатском хлопке. Поэтому торговцы собирали различные сведения о среднеазиатском хлопке, его свойствах и сортах, способах и масштабах выращивания. Они имели довольно точное представление о нем. Вот одно из описаний среднеазиатского хлопчатника начала XIX в.: «На кустарнике, дающем бумагу, образовываются орехи, содержащие сей материал. Те из сих орехов, которые дозревают прежде всех, содержат бумагу лучшую, шелковистую, остальные по мере дозревания — худшую»[3]. Российские купцы вскоре убедились, что столь важный для торговли хлопок в Средней Азии родится «в великом изобилии», и в случае участия в торговле хлопком «людей вместе и богатых и просвященных» можно ее довести до значительных размеров, а закупку осуществлять по сортам, что среднеазиатская хлопчатая бумага не только по количеству, но и по качеству «может заменить немалую часть привозимой морем»[4]. Так постепенно завязалась торговля среднеазиатским хлопком.

Хлопчатобумажная промышленность России начала XIX в. производила в основном белую ткань (миткаль), служившую основой для печатания ситцев. В этот период она развивалась быстрыми темпами и стала типичным примером утверждения капитализма в русской промышленности. Сначала крупные бумаготкацкие предприятия были мануфактурами с ручным тру-

---

[1] ЦГВИА СССР, ф. 414, оп. 1, д. 408, л. 7—7 об.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 7.
[4] Там же, л. 8.

дом и рассредоточенным производством. Постепенно на основе успехов отечественного хлопчатобумажного производства выросли новые промышленные центры, подобные селу Иваново, принадлежавшему помещику Шереметеву. К началу 20-х гг. стали преуспевать многие из крупных капиталистов-текстильщиков, фирмы которых пользовались известностью и в последующие годы. И если в начале XIX в. русское производство ситцев удовлетворяло не более $^1/_3$ внутренней потребности в нем, а остальное покрывалось за счет ввоза из Англии, то к концу 20-х гг. потребности в закупке ситца за рубежом уже не было[1].

В связи с мировым хлопковым кризисом 60-х гг. XIX в. резко меняется характер торговли между Россией и Средней Азией. Если в первой половине XIX в. вывоз хлопчатобумажных изделий из Средней Азии в Россию преобладал над вывозом хлопка-сырца, то с 60-х гг. доля хлопка-сырца резко увеличивалась, достигая за отдельные годы более 80% вывоза в Россию. С другой стороны, соответственно с каждым годом увеличивалась доля России в вывозе в Среднюю Азию хлопчатобумажных изделий, достигнув в 1857 г. почти 7 млн. руб., или 93% валового обмена. В то же время вывоз среднеазиатского хлопка в Россию с 1852 по 1867 г. увеличился в денежном исчислении в 10 раз, достигнув 5,5 млн. руб.[2]

В исторической литературе по-разному оценивали развитие торгово-экономических связей России с окраинными землями и сопредельными странами в первой половине XIX в. М. Н. Покровский выдвинул в свое время теорию о буржуазном характере политики Николая I и даже писал о «ситцевом империализме» в России в этот период[3]. Позднее М. К. Рожкова писала о том, что развитие торговли России со Средней Азией не было «прямой целью правительства», что покровительство торговле со стороны царизма имело в основном целью использовать ее для продвижения в Среднюю Азию[4]. На наш взгляд, политика России в Средней

---

[1] История СССР, т. 4. М., Наука, 1967, с. 35.

[2] Подробно об объеме ввоза и вывоза товаров см.: *Рожкова М. К.* Экономические связи России со Средней Азией, 40—60-е гг. XIX в. М., 1963, с. 66—69.

[3] Внешняя политика. Сборник статей. М., 1919, с. 154—158.

[4] *Рожкова М. К.* Указ. раб., с. 234.

Азии уже в первой половине XIX в. приобрела черты, которые нельзя характеризовать как политическую экспансию. Именно в этот период вместо традиционной политики налаживания дипломатических и политических связей с народами Средней Азии на повестку дня был поставлен вопрос об укреплении с ними торговых и экономических отношений. Это — существенный фактор при оценке всей совокупности взаимоотношений России со Средней Азией.

Расширение русско-туркменских связей в начале XIX в.

С присоединением Грузии и Северного Азербайджана к России на рубеже XVIII—XIX вв. появилось новое, наиболее перспективное направление развития русско-туркменских взаимоотношений. Александр I, главнокомандующие на Кавказе Кнорринг, Цицианов и другие высокопоставленные представители царского правительства с начала XIX в. уделяли большое внимание налаживанию связей с новыми, наиболее многочисленными группами туркмен—йомудами, гоклепами и текинцами, живущими к востоку от Каспийского моря с целью их использования в борьбе против Ирана.

Россия была хорошо осведомлена, что эти группы туркмен постоянно притеснялись каджарской династией, особенно со времени вступления на престол Фатх Али-шаха, что «в 1801—1802 гг. Баба-хан[1] посылал войска на кокленские и текинские сильные улусы», за что последние «пожелали бы отомстить персианам». Более того, в 1803 г. или 1804 г. на военном судне капитан-лейтенанта Генникина в Баку была доставлена группа туркменских старшин во главе с неким Азад-ханом для переговоров с графом Зубовым[2].

О чем шла речь на этой встрече пока остается загадкой. Важно то, что это была вторая упоминаемая в источниках поездка туркменских старшин в Закавказье, где они вступили в непосредственный контакт с рус-

---

[1] Распространенное на Востоке имя Фатх Али-шаха; его имя стало синонимом жестокости и произвола. Имя Баба-хана было использовано в дестане «Зохре и Тахир» туркменского классика XIX в. Молланепеса.

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 164—165. Российский консул в Иране Скибиневский писал, что старшины эти ему знакомы. Очевидно, они были приглашены в Баку не без его содействия.

скими властями. Первое упоминание об их поездке на Кавказ относится к 1796 г., когда Россия предпринимала военные действия против Ирана в связи с присоединением грузинских земель. Уже тогда «туркмены саинханова поколения находились в приязненных сношениях с российским начальством, присылали от себя депутатов и готовы были поднять оружие на Ага Мухаммед-хана со стороны хорасанских его владений»[1].

Хотя и неизвестно, кто именно ездил на Кавказ, с кем вели переговоры представители туркмен, этот отрывок является существенным фактом, проливающим свет на несколько принципиально важных вопросов. Прежде всего, речь идет о том, что представители наиболее многочисленных союнхановских туркмен (куда, без сомнения, входили йомуды, гоклены и текинцы) еще до присоединения Азербайджана к России, в момент военных действий в Грузии, где в 1796 г. погиб злейший враг туркмен и всех народов Среднего Востока Ага Мухаммед-хан, вступили в контакт с Россией. Они приехали не просто наблюдать события на Кавказе, а искали помощи у России в борьбе против Ага Мухаммед-хана, предлагали заключить союз в борьбе против каджарского шаха. Поездки пока не давали результата, но это было начало нового большого и тернистого пути, связывающего Туркмению с Россией.

На рубеже XVIII—XIX вв. туркмены враждовали с представителями каджарской династии в Иране. Они часто подвергались жестокому избиению и грабежу со стороны основателя династии каджаров Ага Мухаммед-хана и Фатх Али-шаха. Это видно и из знаменитого стихотворения «Фетдах» Махтумкули, посвященного злодеяниям Фатх Али-шаха:

Привел ты в страну мою казнь и грабеж,
Ты бьешь по глазам, совершая правеж,
По сорок бичей ты невинным даешь;
Мы тонем в кровавой пучине, Фетдах!
Слезами туркменский народ изошел,
Окрасился кровью мой горестный дол,
Подымутся головы — где твой престол?
Не будет его и в помине, Фетдах!
Народ мой воспрянет, исполненный сил,
А ты на крови свой престол утвердил,
Ты хлеб наш насущный с отравой смесил,
И сгинешь в тюрьме на чужбине, Фетдах![2]

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 168.
[2] *Махтумкули.* Избранное. М., 1960, с. 56—57.

Пламенные строки Махтумкули, наполненные гневным протестом против жестокого избиения народа, адресованы не только Фатх Али-шаху, но и правителям соседних иранских провинций — Хорасана, Астрабада, Мазандерана и т. д., действовавших по указке и от имени шаха.

С момента присоединения Закавказья к России прибрежные туркмены почувствовали близость России. Они чаще стали замечать у своих берегов русские военные суда. Российский консул в Иране Скибиневский даже рекомендовал подкрепить предполагаемые действия против Ирана влиянием на йомудов, издавна притесняемых владельцами Астрабадской и Мазандеранской провинций[1].

С другой стороны, Россия более подробно начала изучать «страну туркменов», выясняя при этом, что, помимо Мангышлакского кряжа, они занимают все пространство к востоку от Каспийского моря до персидских границ, Хивы, Бухары и владений афганских ханов. В начале XIX в. России уже было известно местопребывание таких крупнейших туркменских племен, как «знатнейшие в своем роде, известнейшие текинцы, которые между Персиею, Хивою и Бухариею со своим скотом проживают; йомудцы от Астрабадского залива к ...Хиве кочевой также пост свой занимают; гокленцы от Персии... по реке Гургенке непременное свое пребывание имеют»[2] и т. д. Было также известно, что туркмены торгуют с соседними народами, куда пригоняют много скота, а гоклены и йомуды были «несравненно больше прочих упражняющимися к торгу» племенами, ездившими в Персию, Хиву, Бухару и афганские владения, куда доставляли разнообразные товары, в том числе «для промена на товары довольное число прекраснейших лошадей, известных по превосходным качествам»[3]. Эти сведения были собраны Астраханской таможней в 1802 г. в ходе изучения состояния торговли России со Средней Азией.

Центральное правительство России проявляло повышенный интерес к тем туркменам, которые вступили в контакт с русскими на Кавказе. В 1805 г. к туркменам восточного побережья Каспийского моря был направ-

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 165.
[2] Там же, с. 138.
[3] Там же.

лен муфтий Мамед Джан Хусейн в качестве специального посланника. По инструкции князя А. А. Чарторыйского муфтий должен был собирать сведения о туркменах, вести агитацию за сближение с Россией и руководствоваться тем, что «туркменцы находятся во вражде с каджарами, от племени коих происходит сердар Баба-хан. Иомудский, текинский и гокленский роды всегда притесняемы от персидских владельцев, и два последние... в 1802 г. были разорены войсками, посланными от Баба-хана»[1]. Все это свидетельствует, что с присоединением Грузии и Азербайджана русско-туркменские взаимоотношения приняли иной характер. Свое стремление к сближению с Россией, симпатии к ней, надежды и чаяния туркменский народ выражал по-разному и хотел «общими с Россиею силами удержать все то в вечном и непоколебимом действии»[2]. Начало XIX в. ознаменовалось углублением русско-туркменских взаимоотношений.

По данным М. И. Иванина, собиравшего среди мангышлакских туркмен исторические сведения, в начале XIX в. полуостровом от Мертвого Култука до Карагайского залива и к югу до Александр-Бая владели туркмены в пяти отделениях: абдалы (самое сильное), бурунджуки, бузачи, човдуры и игдыры. Среди них жили туркмены рода ходжа, которых рыбопромышленники называли «поповичами» за их якобы духовное происхождение[3]. М. И. Иванин побывал в кибитках туркмен, которые, по его словам, отличаются чистотой, опрятностью и даже щеголеватостью (внутри увешаны коврами, на полу сверх войлоков — также ковры; постель аккуратно прибрана; мясо сырое и копченое не висит, как у казахов, снаружи, а обернуто чистым полотном и т. д.). Он проводит параллель между кибитками туркмен и казахов и пишет, что между ними «такая же разница, как между опрятным помещичьим домиком и грязной крестьянской избой»[4]. Особое место в работе уделено занятиям туркмен, ковроделию, торговле, скотоводству, земледелию, тому, как они ловят рыбу, ломают соль, вываривают патоку из арбузов и т. д.

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 168.

[2] Там же, с. 134.

[3] *Иванин М. И.* Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 г.— ЗИРГО, 1847, кн. 2, с. 278—279.

[4] Там же, с. 295—296.

В 1801 г. туркмены Мангышлака послали ко двору Александра I две депутации для подачи прошения о принятии их в подданство России. Первая из них была направлена через Оренбург от имени хана Младшего Жуза Пирали-султана, считавшегося правителем туркмен Мангышлака, а вторая — через Астрахань от имени старшин четырех родов туркмен-абдалов. Первая депутация отправилась в Оренбург по настоянию хана Младшего Жуза Пирали-султана в количестве 33 человек, вторую депутацию из четырех человек в Астрахань доставил приказчик Артем Аракелов[1], посланный на судне купца Скворцова на Мангышлак астраханской портовой таможней для «изыскания лучших и удобнейших средств к распространению в тамошнем краю российского торга»[2]. Посольство Пирали-султана отправилось в Петербург 23 декабря 1801 г., а депутация туркмен-абдалов — лишь в конце апреля 1802 г.

О чем все это говорит? Речь идет о соперничестве между мангышлакскими туркменами в налаживании торгово-экономических отношений с Россией. Какая-то группа туркмен, опираясь на казахского Пирали-султана, пыталась монополизировать взаимоотношения с Россией в своих руках. Другая группа туркмен-абдалов, которых астраханские власти называли «знаменитым древним племенем», не желала иметь своим правителем Пирали-султана и опосредствованные через него связи с Россией. Абдалы хотели поддерживать с Россией непосредственные, традиционно сложившиеся прямые связи только через своих старшин. Так возник вопрос о двух депутациях туркмен, отправившихся в Петербург почти одновременно через Астрахань и Оренбург.

Оренбургский военный губернатор Н. Бахметьев пытался отклонить просьбу туркмен об отправке депутации в Петербург, но «никакими средствами убедить не смог». Согласившись на поездку посольства в составе К. Таганниязова (от части абдалов), Дж. Егенмедова (от игдыров), М. Касыбаева (от бузачи), К. Сарыбекова (от човдуров) и К. Денгизбаева (от бурунчуков)[3], Н. Бахметьев в письме вице-канцлеру А. Б. Ку-

---

[1] По другим сведениям, Арутюн Аракелов.

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 133.

[3] АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801, д. 2, л. 21—23, 92—93, 154—155.

ракину от 12 декабря 1801 г. указывал, что от принятия названных пяти поколений туркмен в подданство России «польза быть может та, что они пред прочими азиатскими народами отлично вооружены и потому способны к препровождению следуемых отсель в Азию, а особенно в Хиву и оттоль сюда отправляющихся кулеческих караванов»[1]. Состав посольства, прибывшего в Петербург в конце января 1802 г., показывает его довольно представительный характер. 24 мая 1802 г. в Петербург прибыла вторая депутация в составе Довлетмурада Нияз Батырова, Бегенч Мурад-бая, Тогулга Карабатырова и Эралы Дурдымурадова — почетных старшин четырех абдальских родов[2]. В прошении на имя Александра I о принятии в подданство России посланники из второй депутации писали о том, что их родители еще в XVIII в. в период правления Елизаветы Петровны побывали в Петербурге и что они надеются «оных родителей в счастии превзойти». Таким образом, весной 1802 г. Александру I пришлось принимать две туркменские депутации из Мангышлака по вопросу принятия их в подданство России и строительства укрепления в Тюб-Карагане для развития торговли.

9 мая 1802 г. Александр I издал грамоту об утверждении Пирали-султана ханом туркмен Мангышлака и принятии их в подданство России. Как организация поездки этой депутации, так и содержание грамоты свидетельствуют о том, что основным заинтересованным лицом выступает только Пирали-султан, упорно добивавшийся установления своей власти над мангышлакскими туркменами, что, по-видимому, и настораживало оренбургского губернатора Н. Бахметьева. В грамоте Александра I превозносятся заслуги Пирали-султана, якобы управлявшего туркменами в течение 30 лет по примеру отца и деда, что все отделения эсенского рода[3] — абдалы, бурунчуки, човдуры, игдыры и бузачи «управлением его и правосудием довольны» и т. д. Далее в ней говорится, что «всемилостивейше приемля весь оный туркменский народ... в наше подданство и покровительство», управляющим ханом назначается

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 137.

[2] АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801, д. 4, л. 3—3 об.

[3] Такое название дается в архивных документах, что соответствует родо-племенному делению туркмен позднего средневековья— эсенханы и союнханы.

Пирали-султан, повелевая всем туркменам признавать его в таком достоинстве и «пристойное во всяких случаях отдавать почтение». Пирали-султану грамотой императора вменяется в обязанность стараться показать свою приверженность и верность престолу «и означенный подданный наш туркменский народ содержать в порядке и на благо правосудием по закону и обыкновением той земли довольствовать»[1]. Вот с такой царской грамотой возвратилась в Оренбург первая депутация мангышлакских туркмен.

Церемония утверждения Пирали-султана в должности туркменского хана состоялась в Оренбурге 4—14 декабря 1802 г. В проекте так называемой «обвестительной грамоты» от 9 мая 1802 г. бекам, биям, батырам пяти названных выше туркменских родов сказано что они должны оказывать Пирали-хану «надлежащее почтение и послушание во всем, что к благу и пользе туркменского народа, к долгу нашего императорского служения относиться может»[2]. Сохранилась также присяга туркменских старшин названных выше эсенхановских племен и родов, где они обязуются «верными, добрыми и послушными подданными быть и служить его величеству верно, как-то верным подданным надлежит и никакой противности ни явно, ни тайно не чинить, и во всем поступать и исполнение чинить по его, императорского величества, указу, не жалея живота своего, и нам вообще с туркменским народом быть в повиновении и спокойствии и от всяких предприятий противу интересов его императорского величества удержаться и также народу пользу соблюдать, а ежели мы собой сего учинить не можем, о том заблаговременно через поставленного над нами хана давать знать российским пограничным командирам»[3].

Церемония провозглашения Пирали-султана ханом мангышлакских туркмен, его присяга на верность России[4], присяга туркменских старшин и другие клятвенные обещания с обеих сторон не могли закрепить того, чего не было в действительности. Дело в том, что большинство туркмен, от имени которых он пытался действовать, в начале XIX в. жили не на Мангышлаке,

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 142—143.
[2] АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1800, д. 2, л. 52—53.
[3] Там же, л. 121—122.
[4] Там же, л. 177.

и в окрестностях Хивинского ханства. Пирали-султан в угоду своего корыстолюбия прибегнул к обману — сколотил и подкупил каких-то людей и отправил их в Петербург под видом туркменских старшин для прошения о назначении его ханом мангышлакских туркмен. Все эти действия Пирали-султана были осуществлены вопреки воле оренбургского губернатора Н. Бахметьева.

Отсутствие перечисленных в прошении на имя царя туркменских племен на Мангышлаке, не в меру ретивые действия Пирали-султана, по-видимому, толкнули астраханские власти составить в 1802 г. специальную справку для Азиатского департамента о туркменах и состоянии торговли России с ними. В разделе «Нынешнее состояние Туркмении» отмечается, что именно в результате беспрестанных нападений казахских феодалов човдуры, игдыры, бурунчуки и бузачи в количестве до 6 тыс. кибиток переселились в степи около Хивы, и на Мангышлаке остались только четыре подразделения племени абдалов, которые «военною рукою» защищают караваны хивинских, бухарских и российских купцов, проезжающих через их земли. Далее в нем указывается, что «в доказательство ревностного и сильного сей торговле благоприятствия часто ведут те туркменцы с сими кайсаками кровопролитные и стоящие им жизни брани... и при всей природной их храбрости и неустрашимости принуждены бывают часто уступать»[1]. Таким образом, астраханские власти своими сведениями поставили под сомнение действия Пирали-султана.

Амбициозные претензии Пирали-султана стать ханом мангышлакских туркмен потерпели полный крах после получения письма туркменских старшин Мангышлака в Министерство иностранных дел в ноябре 1802 г. об их отказе подчиняться Пирали-султану. Они писали, что депутация Пирали-султана не представляет мангышлакских туркмен и составлена из его родственников, каракалпаков и беглых игдыров, которые «престолу донесли ложно», что «сии люди суть вредные государству», что их «речи и обещания вздорны и несправедливы» и т. д. Поэтому они просили их арестовать, если они «дерзнут явиться в столице». Свой отказ от Пирали-султана туркменские старшины мотивировали тем, что он вместо того, чтобы «управлять народом порядочно»,

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 138—139.

натравливает казахов на туркмен. Они писали: «Мы ныне находимся в крайнем расстройстве, неприязненность киргиз-кайсак явно обнаружилась, и они чинят нам великие разорения»[1]. Письмо это подписали от имени купцов и духовенства Худай Шукур-караванбаши, Баба-караванбаши, Худай Назар-караванбаши, Бегназар-казы Тангрыбердиев и др. Они в категорической форме утверждали, что Пирали-султан, «хотя и именует себя владетелем сих двух народов (казахов и туркмен.— *М. А.*), по сему быть никак невозможно», ибо он и своим народом управлять не может и «вместо приязненности и ласки взбунтовал противу нас народ и чинит многие нам разорения, убивая людей наших и грабя принадлежащее нам имение... мы совершенно ныне погибаем»[2]. Это письмо было составлено в отсутствие четырех мангышлакских старшин, отправившихся в качестве депутации в Петербург, и оно помогло царским властям разобраться в махинациях Пирали-султана и окончательно развенчать его как туркменского хана.

Вернемся к деятельности депутации туркмен-абдалов, прибывшей в Петербург вслед за депутацией Пирали-султана 24 мая 1802 г. 4 июня 1802 г. они подали прошение в Министерство иностранных дел о принятии их в подданство России. Названные выше четыре старшины представляли в общей сложности немногим более 4 тыс. кибиток туркмен-абдалов. Эти туркмены издавна занимались рыбным и тюленьим промыслами, добычей соли, и основную часть этих продуктов продавали русским рыбопромышленникам. Рыбу ловили примитивным образом, сидя в лодках с 3-зубчатыми острогами в руках. Поскольку рыбы было много, то таким способом за 1 час могли наловить до 60 шт. Туркмены не умели приготовить ни икры, ни вязиги, ни клея, а употребляли рыбу в свежем виде, иногда соленую[3]. В прошении они сообщали, что в течение 13 лет они торгуют с астраханским купцом-армянином А. И. Ягуловым, который ежегодно приезжал на Мангышлак по промысловым и торговым делам. В частности, его представитель А. Аракелов посещал Мангышлак в 1798 и 1800 гг. Далее они пишут, что, видя терпимые нами от окружающих

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 151.
[2] Там же, с. 150—151.
[3] *Иванин М. И.* Указ. раб., с. 289.

неприятелей беспокойства и притеснения, А. И. Ягулов «подавал нам всякий раз совет в отвращение того вступить в высокое его императорское величество покровительство и подданство и обнадеживал неограниченными его милостями, когда с прошением о том к августейшему его величества престолу мы предстанем»[1]. Это говорит о том, что инициатива исходила от купца-посредника А. И. Ягулов, и он прислал за депутацией А. Аракелова на специальном судне, «который, не имев с собою никаких товаров, также не нагрузя ничего и на обратном пути, привез депутацию в Астрахань без всякой платы»[2].

Возможно, А. И. Ягулов руководствовался личными выгодами, что видно и из его письма от 16 апреля 1803 г. Содействуя депутации туркмен Мангышлака, он рассчитывал на то, что царские власти поручат ему дела «по предмету познания промышленности туркменского народа, по ту сторону Каспийского моря обитающего»[3]. В то же время он объективно содействовал сближению туркмен с Россией, укреплению их политических и торгово-экономических связей. Нельзя отрицать того факта, что А. И. Ягулов доставил депутацию в Астрахань, содержал всех за свой счет в течение двух месяцев, оказывал им всевозможные услуги и, оставя свои торговые дела, сопровождал депутацию в Петербург. Указывая все эти факты, туркменские старшины выразили ему благодарность и писали, что «таковыми поступками его мы крайне довольны и останемся вечно ему обязанными»[4]. Благодаря содействию предприимчивого купца из Астрахани А. И. Ягулова туркменские старшины попали в Петербург. Он фактически повторил действия другого астраханского купца князя Заманова, свозившего в начале XVIII в. Ходжанепеса в Петербург к Петру I.

Связи мангышлакских туркмен с купцом А. И. Ягуловым по делам торговли и промыслов говорят о том, что в конце XVIII в., особенно на рубеже XVIII—XIX вв., эти отношения даже несколько стабилизировались. Хотя мы не располагаем подробными сведениями о состоянии торговли в период после экспеди-

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 144.
[2] Там же, с. 144—145.
[3] АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801, д. 4, л. 130—131.
[4] Русско-туркменские отношения..., с. 145.

ции графа М. И. Войновича, можно с уверенностью сказать, что в 80—90-е гг. XVIII в. торговля мангышлакских туркмен с Астраханью не уменьшилась.

В Астрахани знали, что торговля на Мангышлаке занимает важное место в общей системе торговых отношений России с азиатскими народами. В 1802 г. директор портовой таможни[1] не без оснований утверждал, что «Мангышлакскую пристань все торгующие здесь сопредельно с Каспийским морем и в окрестности оного обитающие народы почитают средоточием и важным центром их с Россиею торговли»[2]. Для этого были серьезные основания. Во-первых, Мангышлакская пристань для российских купцов, торгующих через Астрахань, «изо всех чужестранных портов есть ближайшая». Во-вторых, к этой пристани стекаются не только хивинские и бухарские купцы, но и «союзные с ними узбекцы, иомудцы, текинцы, афганцы и другие многочисленные народы»[3]. Таким образом, морской торговый путь через Мангышлак — Астрахань уже в начале XIX в. стал доминирующим и начал вытеснять на второй план пути, идущие через казахские степи в Оренбург, Троицк и Палантинную крепость.

В Астраханской таможне состоялась обстоятельная беседа с прибывшей из Мангышлака депутацией туркмен-абдалов. С обеих сторон было подчеркнуто, что нормальному развитию торгово-экономических отношений препятствует отсутствие охраны караванов и защиты купцов. У Караганской пристани, окруженной «к торгам не приобыкшими жителями», купеческие суда месяцами не могли выгружаться и принимать груз из-за разногласий между кочевниками и «купечествующими людьми». Иногда судам давали возможность выгружать российские товары на берег, но затем

---

[1] Небезынтересно, что директором Астраханской таможни в то время работал Филипп Ефремов, который в 1774 г. был уведен казахами и продан в Бухару. В Россию вернулся в конце XVIII в. через Индию и Англию. Его лично знал Павел I, наградил 1000 руб., поручил составить проект покорения Хивы и Бухары. Он хорошо владел языками среднеазиатских народов, вел переговоры с хивинцами и бухарцами. В 1811 г. перебрался в Казань, где, вероятно, и умер. Оставил книгу под названием «Странствование Филиппа Ефремова» (Казань, 1811) (ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 18 244, л. 4—15).

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 139.

[3] Там же.

они, не дождавшись груза, возвращались порожняком. Словом, в организации торговли и обмена беспорядков было больше, чем порядка.

Правда, абдальские туркмены, немногочисленные по количеству и значительно уступавшие адаевским казахам в силе, прилагали много усилий для нормального развития русско-среднеазиатских торговых отношений. Они давно познали выгоду этого дела. И во время беседы в таможне они уверяли астраханские власти, что «желают споспешествовать ей (торговле. — *М. А.*) всеми мерами, для чего намерены просить именем их нации государя императора о принятии их в российское покровительство, а при том уверили, что если прописанные их пожелания благосклонно будут приняты, то они ко утверждению и сохранению оных на все вечные времена пожертвуют всею их собственностью и силами»[1]. Астраханские таможенные власти, со своей стороны, отмечали, что, если при Караганской пристани будут построены укрепленные складские помещения с гостиным двором для купцов, то торговля со среднеазиатскими народами принесет «превосходнейшие и несравненные с настоящими выгоды»[2]. По более поздним данным, в начале XIX в. торговля на Мангышлаке, действительно, была довольно значительной, особенно во время континентальной блокады и войн Наполеона, ослабивших морскую торговлю. По словам туркмен, в то время к Караганскому заливу приходило до 5 тыс. верблюдов для отправления грузов в Астрахань. Товары поступали из Средней Азии, Ирана и Индии[3].

Депутация туркмен-абдалов была принята в Астрахани и отправлена в Петербург вслед за депутацией Пирали-султана только потому, что «сие поколение туркмен-цев особо занимается коммерциею», что они оказывают торговле «должное благоприятство»[4]. Прибыв в Петербург 24 мая 1802 г., она пробыла там более 9 месяцев. В январе 1803 г. туркмены просили отправить их обратно на Мангышлак, мотивируя тем, что их «отчизну беспокоят кочующие в близости народы»[5].

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 135.
[2] Там же.
[3] *Иванин М. И.* Указ. раб., с. 279—280.
[4] Русско-туркменские отношения..., с. 140.
[5] АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801, д. 4, л. 183.

Касаясь задержки депутатов в Петербурге, чиновник Азиатского департамента С. А. Лошкарев в записке государственному канцлеру А. Воронцову от 21 февраля 1803 г. писал, что они не могут выехать на родину, так как «по сие время по делу их нет никакого решения»[1]. Вскоре после этого вопрос о просьбе туркмен-абдалов был рассмотрен, и 16 апреля 1803 г. им была вручена грамота Александра I о принятии в подданство России[2].

В прошении в Министерство иностранных дел от 4 июня 1802 г. о принятии в подданство России четыре старшины туркмен-абдалов, помимо своей главной просьбы, выделили еще пять отдельных пунктов, в которых ходатайствовали:

1. Построить на Мангышлаке небольшую крепость «с определением в оную российского начальника с потребным числом служителей».

2. Позволить им производить ловлю тюленей в местечке Гедик в Караганской пристани, так как граф Кутайсов, промышлявший поблизости, «сей промысел заградил», т. е. отобрал у туркмен тюленьи промыслы.

3. Возвратить 1170 руб., взысканные с них в качестве пошлины за доставленные из Мангышлака 58 тюков тонкой хлопчатобумажной ткани (миткаль) и пряденой бумаги[3].

4. Позволить при возвращении обратно купить до тысячи пудов металла и вывозить его беспрепятственно в Мангышлак[4].

5. Удостоить их и оставшихся на Мангышлаке еще 16 старшин, а также купца А. И. Ягулова приличными чинами и другими знаками «высокомонаршего к нам благоснисхождения, дабы сим могли мы пред прочими хвалиться»[5].

Эти пункты показывают не только насущные нужды

---

[1] АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801, д. 4, л. 68—71.

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 159—160.

[3] Размер пошлины и количество привезенных в Астрахань тканей и пряжи показывают значительные масштабы торговых оборотов туркмен, хотя в документе есть примечание о том, что 58 тюков «вывезены ими не для коммерции, но единственно по выручке из него денег для употребления на свои надобности» (Русско-туркменские отношения..., с. 145).

[4] В конце XVIII в. в России был запрещен вывоз стали за границу.

[5] Русско-туркменские отношения..., с. 145, 148.

мангышлакских туркмен в ту пору, масштабы их торговых оборотов, характер промыслов, но и желание укрепить торговлю строительством крепости и постоянным присутствием контингента русских войск в ней, а также как-то отличиться перед другими пожалованными царским двором чинами и знаками. В другом прошении от 3 октября 1802 г. туркмены просили Александра I построить на Мангышлаке еще и мечеть для того, чтобы купцы, приезжающие из России, Хивы и Бухары, могли ее посещать[1].

Изучением прошений прибывших в Петербург туркмен-абдалов занимался С. Г. Лошкарев, а также специальный Комитет, учрежденный для развития торговли по Каспийскому морю. Все основные просьбы туркмен были удовлетворены. Положительное решение их просьб по всем названным пунктам сопровождалось хорошими отзывами о коммерческой деятельности туркмен на восточных берегах Каспийского моря. В протоколе Комитета отмечалось, что принятие в подданство России «доставит защиту народу сему мирному, промышленному и к земледелию прилежащему»[2].

С. Г. Лошкарев также рекомендовал принять туркмен в подданство, характеризуя их следующим образом: «Народ сей к воровству[3] не склонен, более привязан к торговле, скотоводству и ремеслу... добродушен, верен, ревностен, ищет обресть высочайшее покровительство и подданство»[4]. Он особо указывает на то, что туркмены стараются отыскать и выкупить тех российских подданных, которые были уведены в плен и проданы на невольничьих рынках Хивы и Бухары[5]. С. Г. Лошкарев отмечает и заслуги А. И. Ягулова в налаживании добрых отношений с туркменами и предлагает пожаловать его советником коммерции или асессором, дать ему «преимущество в произведении торговли»[6]. Было также предложено наградить при-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 150.

[2] Там же, с. 149.

[3] Имеется в виду грабеж караванов.

[4] Русско-туркменские отношения..., с. 146.

[5] Имеются сведения о том, что в 1799 г. мангышлакские туркмены выкупили 11 русских пленных из Хивы и доставили их в Астрахань. Астраханское казначейство, однако, не выплатило им полностью денег, израсходованных при выкупе пленных (АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801, д. 4, л. 215—216).

[6] Русско-туркменские отношения..., с. 147.

бывших старшин золотой медалью на голубой ленте, а оставшихся на Мангышлаке 16 старшин — на красной ленте[1].

По представлении государственного канцлера А. Воронцова весной 1803 г. Александр I подписал несколько документов, касающихся пребывания туркменской депутации в Петербурге и их прошений на имя царя. В докладной записке на имя Александра I А. Воронцов высказывается за то, чтобы пожаловать туркменских старшин чином титулярных советников по примеру казахских старшин, предупредить Пирали-султана о том, что туркмены приняты в подданство России и потребовать от него не только «оставить сие особое абдальских туркмен отделение в покое, но и сам не имел бы отнюдь никаких к ним притязаний»[2]. Кроме того, он советовал царю назначить четырем старшинам — членам депутации жалованье по 100 руб. серебром в год из доходов Астраханской губернии взамен потери ими права взимать с приходящих купеческих судов определенное количество муки в виде подати за посещение их берегов. Что же касается А. И. Ягулова, к тому времени он уже был пожалован каким-то чином, и канцлер предлагал наградить его еще и золотой медалью за услуги и усердие[3].

В апреле 1803 г. Александр I подписал грамоту туркменам-абдалам о принятии их в подданство России, указ оренбургскому военному губернатору об обеспечении безопасности туркмен-абдалов, предписывая ему «иметь всевозможное наблюдение, чтобы туркменцам помянутого отделения никаких обид ни от кого чинимо не было», письмо главнокомандующему Цицианову[4] о том, что старшины принятых в подданство туркмен отправлены к нему для принятия дальнейших мер по этому вопросу и рескрипт Пирали-султану о прекраще-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 148.

[2] Там же, с. 154—156.

[3] Там же. Указом от 16 апреля 1803 г. Александр I назначил названным четырем старшинам жалованье в размере 100 руб. в год (АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801, д. 4, л. 127—127 об.).

[4] В начале XIX в. Цицианов был наделен огромной властью. Он одновременно был главнокомандующим и главноуправляющим на Кавказе, а также астраханским военным губернатором. В Астрахани за Д. В. Тенишевым были оставлены лишь обязанности гражданского губернатора.

ний враждебных действий по отношению к туркменам Мангышлака[1]. Все эти документы имеют большое значение в укреплении русско-туркменских политических и торгово-экономических взаимоотношений в начале XIX в.

Еще до подписания этих документов туркменам было разрешено закупить до 1000 пудов стали в России, четверо старшин были награждены золотыми медалями и 16 золотых медалей было выслано на имя Цицианова для награждения остальных туркменских старшин, оставшихся на родине для управления народом[2], в подарок старшинам было выделено в общей сложности более 300 аршин сукна, парчи, тафты, атласа и других тканей. Были удовлетворены и все другие просьбы туркмен[3]. Все это показывает, что Александр I благосклонно отнесся к просьбам туркменской депутации, которая была удостоена его личного приема, и проявил по отношению к ней «царскую щедрость».

В грамоте Александра I о принятии туркмен-абдалов в подданство России говорится о том, что, учитывая усердие, преданность и всегдашнее тщание туркмен заслуживать высокое благоволение и покровительство России, а также «общее ваше, почтенные беки, бии, батыры и подвластный вам народ, прошение», он удостаивает их принятием в высокое покровительство России. Кроме того, сообщает, что генерал Цицианов назначается их попечителем и ходатаем, что строительство крепости на Мангышлаке поручает ему и по представлении чертежей и проекта она немедленно будет сооружена и снабжена потребным количеством людей для ее защиты. В конце грамоты, изъявляя «высокомонаршее благоволение» к туркменам-абдалам, царь уверял их в том, что «сверх покровительства нашего, по мере доброго и спокойного вашего пребывания и послушания помянутому генерал-лейтенанту, всегда в нас найдете особую императорскую к вам милость,

---

[1] В рескрипте царь пишет, что принятие туркмен в покровительство России — «право великого государя, к коему глас человечества призывает каждого» (Русско-туркменские отношения..., с. 160).

[2] Указом от 6 апреля 1803 г. Александр I распорядился наградить «четырех присланных от них депутатов и других 16 человек тамошних старшин туркмен золотыми медалями» (АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801, д. 4, л. 126—126 об.).

[3] Русско-туркменские отношения..., с. 152—160.

пребываем благосклонны»[1]. Благодаря этой грамоте туркмены Мангышлака избавились от неправомерных притязаний Пирали-султана и заручились прямым попечительством русских властей в лице всесильного в ту пору генерала Цицианова.

Правда, Пирали-султан и в дальнейшем пытался установить свое господство над мангышлакскими туркменами, сообщая в Петербург о том, что в туркменских владениях якобы имеются золотые, серебряные, медные и серные рудники, что будто бы верные ему туркмены «собственными своими глазами видели те рудники и людей, кои достают от них золото и серебро»[2]. Было даже решено послать на Мангышлак горного инженера для осмотра этих рудников и выяснения достоверности добычи золота и серебра[3]. Однако эти поиски не дали никаких результатов.

После почти 11-месячного пребывания в Петербурге туркменская депутация возвратилась на родину. Двое из четырех старшин — Бегенч Мурад-бей и Тогулга Карабатыров — уехали еще в феврале в связи с болезнью одного из них. В записке государственному канцлеру от 21 февраля 1803 г. С. Г. Лошкарев отмечал, что один из членов депутации около двух месяцев тяжело болел и поэтому просил «отправить его восвояси через Астрахань умереть на родине при семействе своем»[4]. Он просил ходатайствовать перед Александром I об отправлении этого туркменского депутата с одним из его сотоварищей в Астрахань. Остальные двое возвратились в Мангышлак летом 1803 г. в сопровождении чиновника Азиатского департамента, инженер-поручика С. Г. Лошкарева, который отправился туда с целью осмотра морского побережья для выбора места основания крепости. Цицианов решил воспользоваться для этой цели возвращением на родину абдальских депутатов, послав с ними С. Г. Лошкарева «для описания удобнейшего места, снятия чертежей и сделания примерной сметы предполагаемому в Мангышлаке укреплению»[5]. Данные экспедиции С. Г. Лошкарева со-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 159—160.
[2] Там же, с. 158.
[3] АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1802, д. 5, л. 108, 137—144.
[4] Там же, д. 4, л. 68—71.
[5] Там же, 1801, д. 4, л. 279 об.

держат главным образом гидрографическое и топографическое описание восточного побережья Каспийского моря и хранятся в центральных архивах[1].

Информируя о результатах поездки, С. Г. Лошкарев писал, что во время осмотра Караганской пристани его сопровождали до 50 старшин туркмен-абдалов и убедительно просили, чтобы город «был выстроен поскорее», иначе они вынуждены будут оставить это место и откочевать, так как их сильно притесняют адаевские казахи.

По словам М. И. Иванина, после поездки в Петербург туркмены-абдалы действительно подвергались преследованиям со стороны казахов и хивинцев за те выгоды, которые им предоставляла грамота Александра I. Они заявили ему, что «эти выгоды породили зависть хивинцев и возбудили алчность киргизов, которые, будучи подучаемы хивинцами, усилили свои набеги и грабежи». К тому же между туркменами также не было согласия, и «они терзали сами себя междоусобиями, а многие, предавшись торговле, вовсе потеряли воинственность»[2]. Затяжка со строительством крепости и фактическое оставление туркмен, принявших подданство России, на произвол судьбы привели к тому, что они не могли устоять против многочисленных и сильных противников и постепенно начали рассеиваться по разным направлениям: в сторону Карабогаза, в Хиву, а в 1813 г. — даже в пределы Астраханской губернии[3].

С. Г. Лошкарев также заметил, что какое-то небольшое число людей вносило дух разлада в общество и пыталось расколоть его путем враждебных высказываний в отношении съездившей в Петербург депутации. В рапорте на имя Цицианова от 2 октября 1803 г. он писал: «Замеченное мною несогласие в собрании народном происходило от того, что были в оном четыре человека, кои не желали иметь на своем берегу крепости»[4]. Далее он называет их по именам и особо выделяет сына какого-то ургенчского старшины, который агитировал против русских и даже обе-

---

[1] АВПР, ф. Гл. архив 1—8, 1801, д. 4, л. 281—282; ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, л. 60—61.

[2] *Иванин М. И.* Указ. раб., с. 280.

[3] Там же, с. 280—281.

[4] Русско-туркменские отношения..., с. 163—164.

щал денег за то, чтобы они не допускали С. Г. Лошкарева к своему берегу[1]. Это напоминает описанный выше инцидент с В. Копытовским в 1745 г., когда ему угрожал получивший звание бека от хивинского хана Мамед Берды-бек, и еще раз свидетельствует о том, что хивинские ханы после расправы с экспедицией А. Бековича-Черкасского на протяжении целого столетия как огня боялись появления русских на туркменском побережье Каспийского моря и всячески пытались помешать нормальному развитию русско-туркменских взаимоотношений. Впрочем, боязнь хивинских ханов часто проявлялась и в последующие десятилетия XIX в.

Между тем русско-туркменские взаимоотношения с каждым годом неуклонно укреплялись и в этом процессе принимали участие не только туркмены и русские, но и представители армян, татар, башкир, казахов, азербайджанцев и других народов. Выступая в роли купцов, посредников, проводников, переводчиков и т. д., они вносили определенный вклад в сближение России с прибрежными туркменами.

Процесс сближения России с Туркменией, постоянный поиск туркменами ее поддержки и покровительства является глубоко общественным событием не только по числу участников этого процесса, но и с точки зрения этнического состава его участников, активных деятелей двустороннего или даже многостороннего движения, пространственного фактора, охватившего огромный район вокруг Каспийского моря с многочисленными обитателями. Следует отметить значительное повышение интереса к туркменам и восточному побережью Каспийского моря со стороны России в начале XIX в. Этими вопросами непосредственно занимались не только астраханские и оренбургские власти или кавказский наместник, но и такие инстанции центрального правительства, как Азиатский департамент, Коллегия министерства иностранных дел, министерства коммерции, государственный канцлер и т. д. В переписку по этим вопросам активно включились канцлер А. Воронцов, графы В. Зубов, В. Кочубей, Н. Румян-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 163—164.

цев, князь А. А. Чарторыйский, неоднократно Александр I.

Стремление мангышлакских туркмен к упрочению торговых связей с Россией, их многочисленные просьбы об основании на Мангышлаке русских торговых факторий совпадали с экономическими и политическими интересами России на восточном побережье Каспийского моря. Для успешного развития торговых отношений и распространения своего влияния в Средней Азии Россия нуждалась в опорных пунктах в восточной части Каспийского бассейна. В правительственных кругах серьезно обсуждался вопрос о необходимости покорения Хивы и Бухары, этих «обстованных областей», в недрах которых якобы заключены несметные сокровища драгоценных камней и металлов. В различные инстанции поступали рекомендации побывавших в Средней Азии людей о путях и способах покорения Хивы и Бухары. Многие считали, что это будет полезно не только для России, «но и для обитающих там народов, по невежеству и варварству или истреблявших, или угнетающих друг друга»[1]. Они предполагали, что в этом деле России будут помогать все народы Хивы, особенно туркмены, которые являются лучшими воинами в ханстве. По их словам, туркмены с нетерпением ждут появления русских войск в Хиве, чтобы «составить беспощадный его передовой отряд, который вымстит в один день за страдания многих лет и нескольких поколений»[2]. Это были не надуманные слова, а подлинное желание туркменских старшин, ненавидевших прогнивший ханский режим, основанный на насилии и произволе.

В результате обоюдного стремления к развитию торговли у берегов Мангышлака все чаще стали появляться русские экспедиционные суда. Вслед за экспедицией С. Г. Лошкарева осенью 1805 г. по заданию Александра I Мангышлак посетила экспедиция инженера генерал-майора фон Фелькерзама. Кавказский наместник князь Цицианов намеревался даже лично осмотреть Мангышлакский полуостров с тем, чтобы выбрать место для строительства торговых факторий. Но Александр I не хотел отвлекать его от тех важных

[1] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 18244, л. 10—11.
[2] Там же, д. 19, 225, л. 47.

обязанностей, возложенных на него по делам Закавказья[1].

Поездка фон Фелькерзама на Мангышлак дала важные результаты. Прибрежные туркмены встретили его очень дружелюбно, и, по признанию фон Фелькерзама, они «не только ни в чем не препятствовали, а еще в предпринимаемых мной обозрениях и изысканиях всякое доброхотство изъявляли»[2]. Он дает подробный анализ состоянию торговли на Мангышлаке и отмечает, что все выгоды торговли с Хивой, Бухарой и туркменами «совершенно условлены азиатцами, которые одни и всю пользу от нее себе присвоили»[3]. Речь идет о допускавшемся часто произволе со стороны туркмен, казахов и других азиатских купцов при обмене товарами. В частности, фон Фелькерзам справедливо отметил, что адаевские казахи-кочевники «низложили с себя уважение к России до такой степени, что со всех приходящих к сему берегу суден вынуждают всякого рода подати как деньгами и товарами, так и мукой, посудой и прочим и еще не в малом количестве»[4]. Иначе они не давали судам возможности пристать к берегу или не допускали отплыть от него. Подобный произвол часто допускали и туркмены, пользуясь так называемым береговым правом. Все это вызывало ссоры, сопровождавшиеся иногда грабежами и убийствами. В то же время фон Фелькерзам не скрывает проделки приказчиков русских купцов, которые, прибегая к обману и хитростям в расчетах, «теряют через то у тех народов к себе уважение, возбуждают в них недоверчивость и к своему же ущербу подрывают самую торговлю[5]. Произвол с одной стороны, обман — с другой затрудняли развитие нормальных торговых отношений.

Такое состояние торговли фон Фелькерзам объясняет отсутствием «твердого жилища для россиян под оградой надежной крепости» и предлагает соорудить там важное укрепление, прочность которого соответствовала бы всем требованиям местности и условий. Он подготовил подробные планы и чертежи всех крепост-

---

[1] АВПР, ф. Гл. архив 1—10, 1798, д. 1, л. 11.
[2] Русско-туркменские отношения..., с. 169.
[3] Там же, с. 170.
[4] Там же.
[5] Там же.

ных и складских сооружений на шести листах, составил сметы строительства, согласно которым казна должна израсходовать примерно 1 млн. 100 тыс. руб. Наряду с использованием мастеровых, рабочих и военнослужащих, фон Фелькерзам предлагает привлечь на строительные работы и местных туркмен путем их найма и производства платы только хлебом. Он сообщает, что туркмены «охотно согласятся вступить в работы», если на время строительных работ прекратить продажу им хлеба. По расчетам фон Фелькерзама сооружение крепости можно осуществить в 3-летний срок, а расходы казны возместить за счет отдачи на откуп богатых тюленями и красной рыбой вод Тюб-Караганского залива, продажи промысловикам местной соли, взимания пошлины с приходящих караванов и за счет «откупа с винной продажи» как для российских промышленников, так и для азиатских купцов, которые «оное под видом лекарства употребляют». Ежегодные доходы от строительства крепости первоначально составят 68 тыс. руб.[1], и издержки казны могли бы окупиться за 10—12 лет.

Однако надежды туркмен на скорое начало строительства крепости не оправдались. Один из четырех старшин, входивших в депутацию абдалов в Петербург, Эрали-бек Дурды Мурадов в феврале 1809 г. приехал по этому вопросу в Астрахань и хотел повидаться с кавказским наместником генерал-фельдмаршалом И. В. Гудовичем. Граф И. В. Гудович в своем распоряжении астраханскому гражданскому губернатору требовал «обласкать его, под благовидным предлогом отклонить его от намерения ехать ко мне в Тифлис»[2]. Между тем Эрали-бек в письмах[3] с сожалением отмечает, что прибывший в свое время к ним фон Фелькерзам собрал народ, расспрашивал его обо всем, мерил места и обнадежил их. Но после его отъезда, пишет он, «никакого известия не имеем о нашем деле»[4].

Кроме того, он сообщил, что их поездка в Петер-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 171—172.

[2] ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, л. 16.

[3] Одно из писем в 1960 г. нами датировано неправильно. Хотя письмо написано не ранее февраля 1809 г., в сборнике архивных документов оно помещено под датой «не позднее 1802 г.» (см.: Русско-туркменские отношения..., с. 141).

[4] Русско-туркменские отношения..., с. 142.

обязанностей, возложенных на него по делам Закавказья[1].

Поездка фон Фелькерзама на Мангышлак дала важные результаты. Прибрежные туркмены встретили его очень дружелюбно, и, по признанию фон Фелькерзама, они «не только ни в чем не препятствовали, а еще в предпринимаемых мной обозрениях и изысканиях всякое доброхотство изъявляли»[2]. Он дает подробный анализ состоянию торговли на Мангышлаке и отмечает, что все выгоды торговли с Хивой, Бухарой и туркменами «совершенно условлены азиатцами, которые одни и всю пользу от нее себе присвоили»[3]. Речь идет о допускавшемся часто произволе со стороны туркмен, казахов и других азиатских купцов при обмене товарами. В частности, фон Фелькерзам справедливо отметил, что адаевские казахи-кочевники «низложили с себя уважение к России до такой степени, что со всех приходящих к сему берегу суден вынуждают всякого рода подати как деньгами и товарами, так и мукой, посудой и прочим и еще не в малом количестве»[4]. Иначе они не давали судам возможности пристать к берегу или не допускали отплыть от него. Подобный произвол часто допускали и туркмены, пользуясь так называемым береговым правом. Все это вызывало ссоры, сопровождавшиеся иногда грабежами и убийствами. В то же время фон Фелькерзам не скрывает проделки приказчиков русских купцов, которые, прибегая к обману и хитростям в расчетах, «теряют через то у тех народов к себе уважение, возбуждают в них недоверчивость и к своему же ущербу подрывают самую торговлю[5]. Произвол с одной стороны, обман — с другой затрудняли развитие нормальных торговых отношений.

Такое состояние торговли фон Фелькерзам объясняет отсутствием «твердого жилища для россиян под оградой надежной крепости» и предлагает соорудить там важное укрепление, прочность которого соответствовала бы всем требованиям местности и условий. Он подготовил подробные планы и чертежи всех крепост-

---

[1] АВПР, ф. Гл. архив 1—10, 1798, д. 1, л. 11.
[2] Русско-туркменские отношения..., с. 169.
[3] Там же, с. 170.
[4] Там же.
[5] Там же.

ных и складских сооружений на шести листах, составил сметы строительства, согласно которым казна должна израсходовать примерно 1 млн. 100 тыс. руб. Наряду с использованием мастеровых, рабочих и военнослужащих, фон Фелькерзам предлагает привлечь на строительные работы и местных туркмен путем их найма и производства платы только хлебом. Он сообщает, что туркмены «охотно согласятся вступить в работы», если на время строительных работ прекратить продажу им хлеба. По расчетам фон Фелькерзама сооружение крепости можно осуществить в 3-летний срок, а расходы казны возместить за счет отдачи на откуп богатых тюленями и красной рыбой вод Тюб-Караганского залива, продажи промысловикам местной соли, взимания пошлины с приходящих караванов и за счет «откупа с винной продажи» как для российских промышленников, так и для азиатских купцов, которые «оное под видом лекарства употребляют». Ежегодные доходы от строительства крепости первоначально составят 68 тыс. руб.[1], и издержки казны могли бы окупиться за 10—12 лет.

Однако надежды туркмен на скорое начало строительства крепости не оправдались. Один из четырех старшин, входивших в депутацию абдалов в Петербург, Эрали-бек Дурды Мурадов в феврале 1809 г. приехал по этому вопросу в Астрахань и хотел повидаться с кавказским наместником генерал-фельдмаршалом И. В. Гудовичем. Граф И. В. Гудович в своем распоряжении астраханскому гражданскому губернатору требовал «обласкать его, под благовидным предлогом отклонить его от намерения ехать ко мне в Тифлис»[2]. Между тем Эрали-бек в письмах[3] с сожалением отмечает, что прибывший в свое время к ним фон Фелькерзам собрал народ, расспрашивал его обо всем, мерил места и обнадежил их. Но после его отъезда, пишет он, «никакого известия не имеем о нашем деле»[4].

Кроме того, он сообщил, что их поездка в Петер-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 171—172.

[2] ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, л. 16.

[3] Одно из писем в 1960 г. нами датировано неправильно. Хотя письмо написано не ранее февраля 1809 г., в сборнике архивных документов оно помещено под датой «не позднее 1802 г.» (см.: Русско-туркменские отношения..., с. 141).

[4] Русско-туркменские отношения..., с. 142.

бург была встречена Хивой и Бухарой враждебно. Говоря о последствиях поездки депутации в Петербург, он писал: «...напоследок, услыша о сем, бухарские и хивинские главные начальники возымели немалую ненависть и в прошлом году за сие самое убили из наших туркменцев лучших людей семнадцать человек и начали взымать со всякого нашего товара и верблюдов неносную пошлину, чего искони никогда не бывало»[1]. Эрали-бек далее пишет, что хивинские и бухарские власти продолжают причинять им «тягчайшую обиду» за то, что они отправили депутацию в Петербург, приняли подданство России и просили построить крепость на берегах Мангышлака, а в заключение просит «в сих столь весьма отяготительных и изнурительных обстоятельствах подать руку помощи»[2]. Он находился в Астрахани 9—10 месяцев и уехал, не дождавшись ответа на свои письма. Убедившись, что крепость будет построена не скоро, просил астраханские власти отпустить им пороха и свинца, а также 10 тыс. руб. медных денег для торговли с бухарскими купцами[3]. Все эти факты еще раз показывают, насколько тернист был путь к налаживанию нормальных торгово-экономических связей между Россией и Средней Азией, как многолетние труды и старания поколений часто терпели фиаско и все начиналось сызнова.

Вопрос о строительстве крепости на Мангышлаке затягивался, хотя туркмены не переставали напоминать об обещании Александра I удовлетворить их просьбу. В 1810 г. он снова был поднят в письме старшины Ших Али-бека, который также обратил внимание властей на то, что туркмены претерпевают крайнее разорение как от казахов, так от хивинцев и бухарцев, узнавших о том, что туркменское общество вступило под покровительство всероссийского престола, за что им всячески мстили. Главнокомандующий на Кавказе генерал Тормасов летом 1810 г. сообщал астраханскому губернатору, что по вопросу строительства крепости он ведет переписку с государственным канцлером. Царские власти считали, что строить крепость в отдаленном месте, в чужих краях, дело важное,

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 177.
[2] Там же, с. 178.
[3] Там же, с. 142.

требует времени и сопряжено с большими издержками для казны. В то же время они опасались, что туркмены, не находя себе защиты со стороны России, могут удалиться в поисках убежища в Хиву, Бухару, к Астрабаду и даже в сторону Мары. Поэтому обсуждались разные варианты строительства крепости. Предлагалось использовать естественные ограды в горах, поставить к ним деревянные ворота, а в качестве охраны пригласить 1000 туркмен за определенную мзду[1]. Генерал Тормасов находил возможным поощрять переселение мангышлакских туркмен в пределы России и обещал, что в случае переселения они «получат все выгоды и пособия»[2]. Однако ни один из предложенных вариантов не нашел практического воплощения, и туркмены довольствовались одними только обещаниями царских властей разных инстанций.

Начало XIX в. характеризуется неустойчивым положением в Хиве. Шли войны за овладение ханским престолом. За время кратковременного правления Ильтузер-хан вел войны не только против Бухары, но и кунградских, мангытских феодалов-сепаратистов и особенно жестокие против хивинских туркмен. Он добивался полного и окончательного вытеснения всех туркмен, в первую очередь йомудов из пределов ханства. В 1804 г., когда Ильтузер-хан пытался насильно изгнать их за пределы ханства, требовал покинуть насиженные места, туркмены ответили: «Мы не можем оставлять родину своих предков и ....жить в чужой стране»[3].

Обо всем этом были осведомлены русские власти в Астрахани и на Кавказе. Они знали, что жестокая политика Ильтузер-хана восстановила против него всех туркмен, которые были «готовы вживе кровь его опивать»[4]. Травля туркмен в Хиве продолжалась и после гибели Ильтузер-хана. Об этом свидетельствует уход човдуров в сторону Мангышлака осенью 1811 г.

Один из старшин човдуров Ниязберды Сопы Оденязов накануне посетил Астрахань, побывал у родственников и, вернувшись на родину, рассказал о том, что живущие в Астраханской губернии «единоверцы их пользуются неописанным милосердием... всероссий-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 172—176.
[2] Там же, с. 180.
[3] МИТТ, т. 2, с. 203.
[4] Русско-туркменские отношения..., с. 174.

ского государя»[1]. Вскоре после этого 6 старшин ушедших из Хивы човдуров поехали в Астрахань просить от имени 2300 семей разрешения переселиться в Астраханскую губернию и осмотреть те места, которые им будут отведены под кочевья. Во время пребывания в Астрахани им оказывали содействие мулла казанской слободы Ахмед Муртазин и знающий «российский разговор» Юсуп Мурза Шакулов. Всем им были выданы деньги на содержание и квартиру, а весной 1812 г. они в сопровождении особого чиновника отправились на кавказскую линию для осмотра степей, где кочевали калмыки, туркмены и ногайцы. В результате переписки между астраханским гражданским губернатором С. Андреевским, главнокомандующим на Кавказе генералом Н. Ф. Ртищевым, министром военно-морского флота И. И. Траверсе, государственным канцлером графом Н. П. Румянцевым и Александром I было разрешено човдурским старшинам возвратиться на Мангышлак на военном судне для доставки полномочных представителей племени в Астрахань с целью отправки их в Петербург ко двору[2].

Каждое посещение туркменскими старшинами Астрахани было сопряжено с большими хлопотами. Не следует забывать, что туркмены обычно обращались к России в трудный момент и всегда за помощью. Месяцами их надо было содержать на казенные деньги, обеспечивать квартирой, дровами, подводами и т. д. Казна тратила тысячи рублей на экипировку, т. е. покупала им одежду и обувь, так как депутаты и сопровождающие их лица были одеты «несоответственно их званию»[3]. И на этот раз они просили наградить их мукой и позволить ежегодно покупать в Астрахани до 5000 тыс. четвертей муки, что и было им разрешено.

В архивных источниках нет сведений о том, что старшины туркмен-човдуров побывали в Петербурге, хотя 1 декабря 1812 г. они (в количестве 8 человек) прибыли на казенном судне в Астрахань для поездки в Петербург и сообщили астраханским властям, что к ним присоединились туркмены других родов — игдыры, колыдаглы и эрсары (всего 3600 семей). Таким

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 181.
[2] ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 210, л. 83—104.
[3] Русско-туркменские отношения..., с. 181—185.

образом, общее количество туркмен, ушедших из Хивы и изъявивших желание принять подданство России, достигло 5900 семей, что составляет примерно 30 тыс. человек. Но вскоре выяснилось, что у туркмен имеется около 1 млн. голов скота, и вопрос об их переселении в северокавказские степи просто не реален[1]. К тому же туркмены заявили, что они «отнюдь не ищут общего переселения, а только покровительства России»[2]. Так завершился очередной порыв туркмен к принятию подданства России, что свидетельствует о неизменности их желания опереться на своего могучего соседа.

Из анализа приведенных выше фактов видно, что русско-туркменские взаимоотношения к началу XIX в. приобрели характер необратимого процесса. Несмотря на противодействие хивинских ханов, на грабительские набеги адаевских казахов, на внутренний разлад среди прибрежных туркмен, на бюрократизм, волокиту и произвол астраханских властей, Россия и Туркмения в прибрежной ее части неизменно искали пути и способы сближения, интенсификации торгово-экономических и политических связей. И первое десятилетие XIX в. было ознаменовано значительными достижениями в этой области: чаще стали взаимные посещения, усилился торговый обмен, состоялись визиты туркменских депутаций в Петербург, их прием в царских дворцах, впервые они получили официальную государственную грамоту о том, что приняты в подданство России. Все это подготовило условия для более широкого развития русско-туркменских взаимоотношений во втором десятилетии XIX в.

Восстание юго-западных туркмен 1813 г.

С начала XIX в. в русско-туркменских взаимоотношениях постепенно доминирующими становятся связи через Кавказ. В начале XIX в. обостряются отношения между Россией и Ираном, которые привели к первой русско-иранской войне 1804—1813 гг. В этой обстановке царское правительство проявляет повышенный

---

[1] Астраханский гражданский губернатор в своих расчетах доходил до смешного. Он считал, что для перевоза на 5 судах только 2300 семей чондуров с их скотом потребуется 1730 лет и 7 млн. руб. (Русско-туркменские отношения..., с. 194—195).

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 195.

интерес к туркменам, живущим в Закаспии на северных границах Ирана.

Туркмены постоянно враждовали с представителями династии каджаров в Иране. Основатель династии Ага Мухаммед-хан (1741—1797 гг.), сын Мухаммед Хасан-хана, долгие годы жил среди астрабадских туркмен. Мухаммед Хасан-хан, наряду с туркменскими предводителями Бегенч Али-беком и Мухаммед Али-ушаком, возглавлял восстание юго-западных и хивинских туркмен в 40-х гг. XVIII в. против тирании Надир-шаха, который ранее казнил его отца Фатх Али-хана. Мать Мухаммед Хасан-хана была туркменкой — родной сестрой Бегенч Али-бека, видного йомудского предводителя XVIII в. После того, как Надир-шах казнил Фатх Али-хана, Бегенч-Али-бек взял на воспитание племянника Мухаммед Хасана, которому было 5—6 лет от роду[1]. Большую часть своей жизни Мухаммед Хасан-хан провел на Гургене среди йомудов. Его сын Ага Мухаммед-хан также вырос (1748—1762 гг.) в туркменской степи, принимал участие в походах отца против зендов[2]. Таким образом, туркмены имели прямые родственные отношения с каджарами, и основатель династии каджаров Ага Мухаммед-хан и его отец фактически выросли и воспитались в туркменской среде.

Советник российского посланника в Тегеране барон К. Боде в 30-х гг. XIX в. также указывал, что «туркмены имеют право на признательность ныне царствующей каджарской династии» и подтверждает, что Мухаммед Хасан-хан, дед Фатх Али-шаха (1771—1834 гг.), обязан своим спасением туркменам, когда Надир-шах умертвил его отца и преследовал его самого.

Вскоре после гибели Надир-шаха в 1747 г. Ага Мухаммед-хан по приказу племянника Надир-шаха Али Кули-хана был оскоплен и попал к йомудам на Гургене, среди которых провел около 14 лет. Впоследствии, когда он стал правителем всего Ирана, несмотря на кровожадность и жестокость, уважительно относился к отдельным йомудским старшинам, на первых порах держал в своей гвардии по 250 йомудских и гокленских всадников, которым исправно выплачивал жалованье.

---

[1] МИТТ, т. 2, с. 172—173.

[2] Очерк новой истории Ирана (XIX — начало XX в.). М., Наука, 1978, с. 6—7.

что является исключением в политике иранских шахов. К. Боде даже отмечает, что «йомудские старшины заседали в совете, где председательствовал сам государь»[1], т. е. Ага Мухаммед-хан.

В 80—90-х гг. XVIII в. Ага Мухаммед-хан устраивал жестокую расправу в тех краях, которые отказывались признать его власть (Керман, Азербайджан, Грузия и др.). В знак победы над зендами только в Кермане он уничтожил большую часть населения, женщин и детей отдал в рабство, 20 тыс. мужчин приказал ослепить, 600 пленников обезглавил и сложил пирамиду из отрубленных голов[2]. Его путь к власти «был обозначен пирамидами убитых, повсеместным уничтожением, массами ослепленных»[3].

Подобную жестокость Ага Мухаммед-хан осуществлял и на туркменской земле. Он дважды обрушился на туркменские земли. В 1790 г. были убиты или взяты в рабство ханы туркмен-йомудов, отказавшиеся признать власть Ага Мухаммед-хана, подчинившего к тому времени почти весь Иран. Из отрубленных голов восставших йомудов была построена пирамида[4]. Туркмены ничего не замечали и продолжали нападать на каджаров Астрабада в то время, когда в стране была установлена каджарская династия. В 1796—1797 гг. по пути в Хорасан Ага Мухаммед-хан вторично совершил грабительский поход в Туркменсахру, «прошел с мечом по туркменским землям, показав свою власть и способность наказать за неповиновение и набеги на иранские города и селения»[5]. Молва о жестокости Ага Мухаммед-хана распространилась по всему Среднему Востоку. Он был убит в июне 1797 г. в г. Шуше на пути в Грузию, куда направлялся для очередных кровавых деяний[6].

В жестокости и кровожадности не уступал своему дяде и Фатх Али-шах, носивший до коронования (весной 1798 г.) свое подлинное имя — Баба-хан. Даже в русских источниках первой половины XIX в. имя Баба-хан встречается не реже, чем Фатх Али-шах.

---

[1] *Боде К.* Очерки туркменской земли..., с. 103—104.
[2] *Очерки* новой истории Ирана, с. 9.
[3] *Averi P.* Modern Iran. London, 1963, p. 23.
[4] Очерки новой истории Ирана, с. 8.
[5] Там же, с. 13—14.
[6] Там же, с. 14.

Едва получив грозное имя своего прадеда, Фатх[1] Али-шах ослепил родного брата, дядю и других соперников и претендентов на шахский престол. Фатх Али-шах имел вескую причину ненавидеть и туркмен. В 1774 г. во время какой-то стычки с туркменами-йомудами, признававшими власть зендов, был убит его отец Хусейн Кули-хан[2]. Конечно, по восшествии на престол Фатх Али-шах не преминул отомстить туркменам за убийство отца[3].

Долгие годы правления Фатх Али-шаха не принесли Ирану спокойствия, порядка и благополучия. Административно-управленческий аппарат каджаров был бичом для населения, национальным бедствием. Использовались все средства — военная сила, подкупы, предательство, разорение населения городов и деревень, физическое уничтожение, запугивание, массовые убийства, публичные казни, религиозный фанатизм и т. д. Для многочисленных представителей шахской администрации, состоящих, как правило, из детей и родственников Фатх Али-шаха, были свойственны хвастовство, пустозвонство, продажность, взяточничество, своекорыстие, предательство, невежество, жестокость и т. д. Государственные, национальные интересы страны они приносили в жертву личным выгодам.

Все это можно хорошо проследить в романе современника Фатх Али-шаха, тонкого наблюдателя, английского дипломата Дж. Мориера[4], в трудах русских дипломатов И. О. Симонича, К. Боде и др. Вот как описывает господство полнейшего произвола немецкий ученый начала XIX в. Г. Мартенс: «Сильнейший вельможа не может ручаться за себя и за свое имущество, подобно последнему поселянину; его могут сечь, изуродовать самым жестоким образом; жены его и дочери

---

[1] Фатх — победоносный. Авторы XIX в. отмечают три «достоинства» Фатх Али-шаха — длинную бороду, осиную талию и необыкновенную плодовитость. У него был гарем с 800 женами и наложницами, 158 из них родили шаху 57 сыновей, 46 дочерей. Он имел 296 внуков, 292 внучки, много правнуков — в общей сложности около 2 тыс. потомков (*Мориер Дж.* Похождения Хаджи Бабы из Исфагана. М., 1970; Очерки новой истории Ирана, с. 15—16).

[2] К. Боде сообщает, что Хусейн Кули-хана убил йомудский старшина Мурад-хан из аула Коджук-татар (*Боде К.* Очерки туркменской земли..., с. 104).

[3] *Боде К.* Очерки туркменской земли..., с. 104.

[4] *Мориер Дж.* Похождения Хаджи Бабы из Исфагана. М., 1970.

могут быть жертвою наглости конюхов персидского повелителя, и это не возбудит никакого соболезнования, и никто не скажет о том ни слова»[1]. Подобные сцены были типичным явлением в эпоху правления династии каджаров на протяжении 130 лет.

Отношения между представителями династии каджаров и юго-западными туркменами в конце XVIII — начале XIX в. обострились. Ага Мухаммед-хан и Фатх Али-шах не доверяли туркменам и брали у них заложников, чтобы держать их в повиновении. Обычно это были ближайшие родственники сильных ханов и родоплеменных вождей, их братья, сыновья, даже жены со взрослыми детьми[2] и т. д. У туркмен заложников называли «ак-ойли» («белокибиточники»), т. е. люди, живущие в юртах, покрытых белыми войлоками, при дворе или шахской резиденции и отвечающие за повиновение своего племени.

Такая система существовала на протяжении десятилетий и не менее 300 кибиток туркменских семей постоянно проживало под Тегераном. Русский дипломат К. Боде вспоминает, что в 1836 г. во время пребывания в Юго-Западной Туркмении его посетила группа туркменских женщин преклонного возраста и выразила признательность за оказание помощи голодавшим туркменам-заложникам в Тегеране. Он признается, что был глубоко тронут этим посещением женщин и рад «пожинать плоды своей благотворительности»[3].

Но во времена каджаров мир был устроен таким образом, что недоверие и подозрение со стороны шахов неизбежно порождали ответную реакцию у туркмен. Их заложниками нередко руководило чувство возмездия, и они приносили немалую пользу соотечественникам, живущим вдали от столицы, — передавали им сведения обо всем, что происходило при дворе. В результате туркмены в степях Туркменсахра постоянно получали от заложников в Тегеране известия о всех намерениях шахского правительства, о готовившихся походах на туркменские кочевья и заранее принимали

---

[1] Северный архив, 1827, № 15, с. 269.

[2] *Боде К.* Очерки туркменской земли..., с. 146. В русских источниках XIX в. заложников обычно называли восточным термином «аманаты».

[3] Там же, с. 49.

меры против внезапного нападения персидских войск[1]. Каджары, в свою очередь, распространяли ложные слухи о том, что собираются в поход в Хиву, Мерв и т. д., чтобы скрыть свои подлинные намерения и застать туркмен врасплох. Все это приводило к усилению недоверия к властям, к обострению взаимоотношений племен с центральным правительством Ирана. К. Боде прямо указывал, что «власть Фатх Али-шаха редко уважалась в Хорасане; даже Астрабад, заключив союз с туркменцами, поднял против него знамя бунта»[2]. Подобным бунтам, внезапным восстаниям, локальным войнам между туркменами и центральным правительством Ирана не было конца.

В силу конкретных исторических условий, географического расположения, постоянных межэтнических распрей юго-западные туркмены принимали активное участие в династийных интригах и переворотах, поддерживали то одну, то другую группировку претендентов на шахский престол или губернаторскую должность, приобретали (на короткое время) привилегированное положение в стране при перемене власти или, наоборот, подвергались жестоким избиениям со стороны соперничавшей феодальной группировки. Иногда в ходе борьбы происходила перегруппировка сил, объединение враждующих сторон, принудительное участие отдельных ханов и вождей в борьбе на стороне усилившейся группировки в ущерб своим интересам, переход некоторых из них в лагерь противника, подчас в самый критический момент — в ходе боя или во время похода. В отличие от курдов, луров, бахтияров, шахсевенов, арабов, каджаров и других племен, владевших землями на условиях охраны границ, туркмены беспрестанно совершали нападения на города Ирана, на тех же курдов, афшаров и особенно на Астрабад — колыбель каджаров. Такая неустойчивость в политической жизни губительно сказывалась на положении двух крупнейших племен — йомудов и гокленов, издавна живущих в Юго-Западной Туркмении.

Каджары старались сделать Иран «грозным и сильным» государством. Особенно усердствовал в этом отношении наследный принц Аббас Мирза (третий сын

---

[1] *Боде К.* Очерки туркменской земли..., с. 146.

[2] Там же, с. 21.

Фатх Али-шаха) — один из наиболее умных и деятельных представителей каджаров. Он был активным противником русской ориентации в Иране и с целью реорганизации армии пытался опираться на помощь западных стран. В иранской армии не было дисциплины, процветали подкуп и взятки. Чин офицера можно было купить за определенную сумму. Срок службы солдата доходил до 20 лет, но солдаты за взятки могли увольняться из армии и заниматься торговлей или ремеслом[1]. Такая «регулярная» армия постоянно обнаруживала свой небоеспособный характер.

В модернизации персидских войск каджары чаще всего прибегали к помощи англичан и французов, что особенно сильно проявилось во время первой русско-иранской войны 1804—1813 гг. Русским властям на Кавказе было известно об усилении происков англичан в Иране. Основной целью англичан в Иране было строительство для каджаров военных судов на Каспии. Говоря о прибытии в Иран 3 тыс. англичан (со 100 орудиями, 2 тыс. ружей), командир эскадры судов капитан-лейтенант Д. Д. Челеев в рапорте командующему Каспийской флотилией от 29 января 1810 г. сообщил «о прибытии на иранские берега Каспия английских мастеров для лития пушек и построения судов»[2]. Позднее он сообщил о прибытии в Иран английского генерала, который «намеревается осматривать берега Каспийского моря», а в Персидский залив пришла английская эскадра, состоящая из 16 судов, доставивших Фатх Али-шаху в подарок много оружия и военной амуниции[3].

В условиях усиления центральной власти каджаров в Иране и продолжавшейся войны между Ираном и Россией началось совместное восстание йомудов и гокленов против иранского гнета в 1813 г., которое вошло в русскую историческую литературу XIX в. как Гюлистанский эпизод 1813 г.[4] В данном случае мы не будем подробно освещать подготовку, ход и поражение восстания, его причины, движущие силы и т. д. Все это

---

[1] Очерки новой истории Ирана, с. 27.
[2] ЦГАВМФ, ф. 166, д. 1139, л. 2.
[3] Там же, д. 166, л. 4—5, 8, 12—16, 18 и т. д.
[4] *Веселовский Н.* Очерк историко-географических сведений..., с. 283.

можно читать в произведениях иранских хронистов того времени[1] и в статье Ф. К. Максимовича[2].

В истории Туркменской ССР этому восстанию не придали значения и посвятили всего несколько строк[3]. Нами будет сделана попытка осветить это восстание в основном на базе русских архивных источников и причастность к нему России в завершающей стадии.

Восстание началось весной 1813 г. стихийно среди гокленов и быстро охватило Юго-Западную Туркмению — междуречье Атрека, Гургена и Карасу. О причинах восстания восточные и русские источники говорят почти идентично. Иранские хронисты писали, что «астрабадские туркмены были выведены из терпения дурным обращением Мирзы Рази мазандеранского, везира принца Мухаммеда Кули-мирзы, и доведены до раздражения»[4]. В русских источниках, хотя и не названы конкретные имена представителей каджарских властей, произвол которых вынудил народ подняться на борьбу, причины восстания характеризуются следующим образом: «Чрезвычайные налоги и грабительства от персидских чиновников, также беспрерывные наборы из них войск и притеснение со стороны требования аманатов, коих обыкновенно персидское правительство содержало в Тегеране до трехсот почетнейших фамилий, с коими обращались всегда неприлично (в чем мы убедились выше. — *М. А.*), принудило, наконец, народы сии свергнуть с себя персидское иго и восстать против самого Баба-хана»[5]. Документы говорят о том, что народ восстал против порядков каджаров, неограниченного произвола правителей соседних провинций, непомерных поборов и системы отбора людей в заложники и набора в армию.

Поводом к восстанию послужило появление среди гокленов и йомудов обиженного на Фатх Али-шаха дервиша, возвращавшегося с паломничества в Мекку и получившего звание Хаджи по имени Сеид Мухаммед Юсуф-султан[6]. В сочинении иранского хрониста

[1] МИТТ, т. 2, с. 208—213.

[2] *Максимович Ф. К.* Восстание йомудов и гокленов под руководством Юсуфа Кашгарского в 1813 г. — Ученые записки ГГУ им. А. Горького, 1955, вып. 3.

[3] История Туркменской ССР, т. 1, кн. 2, с. 70.

[4] МИТТ, т. 2, с. 211.

[5] ЦГВИА СССР, ф. 488, коллекция ВУА, оп. 1, д. 247, л. 155—168.

[6] Имя его в таком виде изображено в именной печати, но в источниках встречается в других вариантах: Юсуф-ходжа, Сеид

Мирза Мухаммед Таги-хана «Насих-ут-таварих» («Тарих-и Каджарийе») подробно описана родословная этого Хаджи: выходец из Бадахшана, где его предки Куи-ходжа, Ай-ходжа и Мухаммед Эмин-ходжа управляли этой провинцией во времена Ахмед-шаха Дурранн; Хаджи был неудачником и стал скитальцем-дервишем. Побывал он в России (в Астрахани), Китае, Индии, Египте, Багдаде, где был арестован и передан английскому консулу, который переправил его как заключенного в Индию. В Бомбейском порту Хаджи сумел уйти от стражи и оказался в Ираке, в г. Басре, откуда поехал в Шираз и затем в Тегеран. У Хаджи были значительные средства и, вступив в контакт с йомудским ханом Курбан Клычем, жившим в Тегеране (очевидно, из числа заложников), «закупил разнообразные военные и боевые припасы» и уехал в Атреко-Гургенские степи. Русские источники также называют его «главной пружиной» восстания туркмен[1]. Но поведение и действия Хаджи невольно настораживают. Для подозрений и предположений имеются очень веские основания.

Проникнув в туркменские районы, он «занялся там обольщением простого народа». Туркмены наивно верили в магическую силу людей, побывавших в Мекке, Медине и получивших звание Хаджи. Когда Хаджи обнаружил крайнее недовольство гокленов и йомудов правлением каджаров, он воспользовался такой благоприятной обстановкой. И даже «возмечтал сделаться завоевателем царств», обещая туркменам несбыточное[2]. Он обворожил простых и наивных туркмен, выдавая себя за святого и пророка, которого и пуля не берет. Архивные источники характеризуют Хаджи, как «человека великого ума, предприимчивого и умевшего воинскими своими дарованиями приобрести любовь и слепую к себе доверенность... Умом своим и хитрым поведением, также разными чудесами, коими он ослепляет простой народ, живущий всегда в степях, и в особенности успехами своими в войне он приобрел те-

---

Ходжа-Мухаммед, Хаджи Сеид Ахмед, Хаджи Сеид Мухаммед и часто просто Хаджи.

[1] МИТТ, т. 2, с. 208—210; ЦГВИА СССР, ф. 483, коллекция ВУА, оп. 1, д. 147, л. 154—158.

[2] МИТТ, т. 2, с. 211.

перь имя пророка, от бога присланного, и наименование шахин-шахов, какой титул им ныне и присвоен себе»[1]. Таков в основном портрет новоявленного пророка, возглавившего народное движение.

Мы подробно остановились на характеристике Хаджи потому,что это, к сожалению, не единственный случай в истории атреко-гургенских туркмен. Подобные хаджи, ниспосланные якобы аллахом, появлялись там и в последующем. Так, вскоре после смерти Хаджи на поле брани в сентябре 1813 г. восстание возглавил другой святой по имени Султан-хан, один из сподвижников Хаджи. В момент восстания йомудов и гокленов в 1841 г. под руководством Махтумкули-хана против каджарских правителей появился еще один Хаджи, «претендуя на то, что он творит чудеса и должен быть причтенным к лику святых»[2].

Предводитель восставших Махтумкули-хан, повелевавший среди йомудов, теке и занимавший «заслуженное положение» в обществе поддался влиянию этого Хаджи, которого иранские хронисты называли злонамеренным человеком и авантюристом по имени Хазрат-и-ишан. О нем от йомудов услышал и К. Боде, который писал: «Этот святой человек или Хаджи, как его называют, уже раз или два водил своих приверженцев против войска астрабадских беглербеев. Он заключил союз с Махтумкули, старшиною одного семейства, почитаемого святым и имеющим влияние на умы»[3].

Циклическое появление среди астрабадских туркмен всякого рода авантюристов в звании Хаджи, Хазрат-и-ишан и т. д., в виде скитальцев-дервишей свидетельствует о том, что они надеялись на какую-то сверхъестественную силу, на чудеса в борьбе против своих заклятых врагов — правителей из династии каджаров.

Вернемся к восстанию 1813 г. Собрав большой отряд из гокленов, Хаджи Сеид Мухаммед Юсуф-султан вскоре завладел пограничной персидской крепостью Песерек. События разворачивались с молниеносной быстротой. Народ ждал этого момента. Посланные по приказу Фатх Али-шаха против повстанцев отряды намест-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 191.

[2] МИТТ, т. 2, с. 238—239.

[3] *Боде К.* О туркменских поколениях ямудах и гокленах. — ЗИРГО, 1849, кн. 1—2, с. 287.

ника Хорасана принца Мухаммеда Вели-мирза и Мухаммеда Кули-мирза действовали с востока и запада: первый отряд против гокленов — со стороны Мешхеда, второй против йомудов — со стороны Астрабада. Имеются сведения о том, что общее количество карательных войск достигало 25 тыс.[1] Первое сражение между восставшими и шахскими войсками произошло в мае — июне 1813 г. По-видимому, оно не дало ни одной из сторон явного перевеса, хотя русские источники сообщают, что восставшие одержали верх[2], а иранские приписывают победу шахским войскам — «туркменам собственная кожа стала тюрьмой»[3].

Восставшие туркмены летом 1813 г. почти беспрепятственно хозяйничали в округе Астрабада и разоряли окрестности города. Известие о начавшемся восстании туркмен быстро распространилось до противоположного берега Каспийского моря. Главнокомандующий на Кавказе генерал Н. Ф. Ртищев 26 июня 1813 г. дал распоряжение командующему эскадрой военных судов капитану флота 1-го ранга Веселому и другим должностным лицам подробно удостовериться в верности слухов о восстании туркмен и если они окажутся правдивыми, то «таковое расположение туркменцев против персидского правительства стараться всемерно поддержать, обещая со стороны нашей покровительство и всякую помощь»[4].

Вскоре более конкретное распоряжение получил генерал-лейтенант Ротгоф, командовавший другой эскадрой военных судов с десантными войсками у мангышлакских берегов, — немедленно послать два военных судна для крейсирования у туркменских берегов, поручив их начальникам «непременно наведаться обо всем происходящем между туркменским народом... постараться дойти до самых туркменских старшин, руководящих народом, поддержать их таковое расположение через благоразумные внушения и обнадежить во всякой им помощи со стороны российского правительства»[5]. Эти действия Н. Ф. Ртищева, командовавшего русскими войсками в войне против Ирана, свидетельствуют о

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 187.
[2] ЦГВИА СССР, ф. 483, коллекция ВУА, оп. 1, д. 147, л. 154—158.
[3] МИТТ, т. 2, с. 212.
[4] Русско-туркменские отношения..., с. 186—187.
[5] Там же.

глубокой заинтересованности России использовать восстание туркмен в своих интересах.

Большой интерес в этой связи представляет письмо генерала Ротгофа на имя Хаджи — «начальника народов юмутских и туркменских» от 11 августа 1813 г., которое гласит: «Есть воля главнокомандующего Грузиею, Дагестаном, Карабахом, Талышами и всею линиею уведомить вас, чтобы сбросить с себя иго персидского властелина, продолжайте беспокоить персидские владения, занимайте выгодные места для себя, когда же сами собою не можете устоять, уведомьте меня, я вам дам непременно помощь войсками... у меня готов во всякое время флот, с несколькими тысячами войск, и на берегу действовать, и пушки готовы. Об русских вас, кажется, уверять нечего, когда куда пойдут, то всегда возьмут. Вот вам мой совет». Далее он советует им вооружиться и совершать нападения на Астрабад и Мазандеран, говорит о мудрости русского государя, который будто бы печется обо всех народах, «как отцы о своих детях, чтобы соединить все семейства вместе и отдать все право» и т. д. В заключение Ротгоф пишет: «Если вы примете мои для вас полезные и твердые советы и соедините все силы вверенного вам юмутского народа с туркменским, то не только можете отомстить угнетающему вас несколько лет персидскому правителю, но и доказать ему, что соединенные силы ваши ему опасны...»[1]. Генерал Ротгоф написал несколько таких писем идентичного содержания и адресовал их туркменским старшинам и предводителям.

Следует указать, что письмо Ротгофа было доставлено до главного стана восставших переводчиком астраханским армянином И. Муратовым (Петровым) в конце августа — начале сентября 1813 г. в сопровождении двух туркменских старшин. Несмотря на несколько подстрекательский тон, письмо Ротгофа туркменским старшинам, несомненно, сыграло мобилизующую роль в их борьбе против произвола каджарских правителей. Оно верно указывало, что соединенные силы туркменских племен могут представлять значительную опасность для шахского правительства (именно об объединении сил, хотя бы гокленов и йомудов в борьбе

[1] ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 331, л. 142—143.

против тирании каджаров, мечтал великий Махтумкули). Помимо этого, письмо Ротгофа открыло восставшим туркменам возможность прямых контактов с командованием кавказских войск России, воюющих с Ираном, чем они незамедлительно и воспользовались.

Предводитель восставших Хаджи обрадовался приезду И. Муратова и составил два ответных письма на имя Александра I и генерала Ротгофа, снарядил депутацию от имени восставших, которых отправил вместе с переводчиком на прибывших двух военных судах[1]. В депутацию входили Кият-хан, Союн-хан и Ходжа-Клыч—представители восставших гокленов и йомудов. На берегу моря к ним присоединился Хаджи-хан—представитель челекенских туркмен. Если первые трое поехали на Кавказ для переговоров по оказанию восставшим военной помощи, то челекенский представитель ездил «для испрошения позволения торговли с купцами российского подданства»[2]. В данном случае нас интересует миссия представителей восставших, впервые обратившихся за помощью к России.

Командование кавказских войск выражало свое удовлетворение тем, что слухи о восстании туркмен подтвердились, и оно было не прочь оказать восставшим военную помощь: высадить военно-морской десант на туркменских берегах Каспийского моря и снабдить туркмен трофейной артиллерией английского производства и другими видами оружия. Более того, кавказские власти не исключали возможности заключения договора с восставшими для продолжения совместной борьбы против Ирана. Эту идею одобрил и Александр I, который придавал восстанию туркмен особое значение. Он разрешил Н. Ф. Ртищеву «оказывать сему народу возможное пособие в его предприятиях и даже заключить с ним договор»[3]. Туркменская депутация также намеревалась ходатайствовать перед русскими о предоставлении им «некоторых нужнейших припасов для продолжения войны против персов»[4]. В письме Хаджи Сеид Мухаммед Юсуф-султана на имя Александра I от 1 сентября 1813 г. содержится просьба об оказании

---

[1] К туркменским берегам прибыли корвет «Ариадна», бриг «Змей» и транспортное судно «Баки».

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 189.

[3] Там же, с. 192.

[4] Там же, с. 189.

ему помощи войсками с необходимым количеством артиллерии для взятия Астрабада[1]. Такая же просьба содержится в его письме на имя генерала Ротгофа, в котором он указывает конкретное место, где должны высадиться русские десантные войска, — г. Астрабад[2]. Таковы были первоначальные намерения обеих сторон.

Но история распорядилась по-иному. Туркменскую депутацию хорошо встретили на западном берегу Каспийского моря и в сопровождении небольшого отряда казаков во главе с лейтенантом флота Трубниковым проводили в Гюлистанский лагерь главнокомандующего в Карабахе, выделив им на содержание и оплату прогонов 65 голландских червонцев[3]. Туркменская делегация прибыла в местечко Гюлистан в один день с уполномоченным шахского правительства Мирзой Абдуль Хасан-ханом, который приехал для ведения мирных переговоров с генералом Н. Ф. Ртищевым.

Совпадение прибытия туркменской депутации с началом переговоров с Ираном о мире предопределило исход ее миссии в Гюлистан. Главнокомандующий оставил депутатов в лагере до окончания переговоров, оказывал им «всевозможные выгоды и удовольствия» и использовал их присутствие как средство дипломатического давления на Иран во время переговоров. В донесении государственному канцлеру Н. Ф. Ртищев откровенно писал: «Я надеюсь, что нынешняя депутация от туркменцев, так вовремя прибывшая ко мне в лагерь, и флот, находящийся у тальшинских берегов, всегда готовый двинуться к туркменским берегам с десантными войсками, немало могут мне способствовать в продолжающихся теперь переговорах моих о мире с персидским уполномоченным Мирзою Абдуль Хасан-ханом»[4].

Итак, туркменская депутация и флот с десантными войсками сыграли роль железного кулака, представители восставших туркмен незримо присутствовали за столом переговоров. Уполномоченный Ирана, по-видимому, понял, что срыв переговоров означает открытие второго фронта в закаспийских степях, и вынужден

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 187—188.

[2] ЦГВИА СССР, ф. 483, коллекция ВУА, оп. 1, д. 147, л. 158—159.

[3] Русско-туркменские отношения..., с. 190.

[4] ЦГВИА СССР, ф. 483, коллекция ВУА, оп. 1, д. 147, л. 158.

был согласиться на условия России. Мирза Абдуль Хасан-хан знал, «сколько туркмены, поддержанные Россией, могут быть опасны для его Отечества» и потребовал, чтобы правительство России «не входило с ними ни в какие сношения»[1]. Главнокомандующий согласился на это, и Гюлистанский мирный договор был подписан 12 октября 1813 г.

Еще до подписания мирного договора генерал Н. Ф. Ртищев «откровенно объяснился» с туркменскими депутатами и заявил им, что если с Ираном будет заключен мирный договор, то он не сможет оказать им помощи и отпустит на Родину с подарками. В ноябре 1813 г. после отъезда депутации он докладывал государственному канцлеру Н. П. Румянцеву о том, что обласкал депутатов наилучшим образом, одарил прилично каждого и снабдил письмом, подарками к их правителю, «простился с ними и отправил, кажется, весьма довольными мною, невзирая на то, что миссия их не была успешна»[2]. По-видимому, Н. Ф. Ртищеву было неловко перед прибывшими туркменами, они подарили ему прекрасного туркменского скакуна, оставленного на транспортном судне «Баки». Он отправил через них подарок Хаджи — серебряный конский убор, парчу и бархат[3].

Таким образом, миссия прикаспийских туркмен потерпела неудачу и вернулась с ничего не значившим письмом Н.Ф. Ртищева предводителю повстанцев Хаджи. В этом письме (от 19 октября 1813 г.) говорится, что «премудрый промысел, управляющий жребием войны и мира, даровал ныне по благости своей полезный мир и вечную дружбу» между Россией и Ираном. Поэтому в нарушение мирного трактата не может оказать им «какую-либо помощь в противность пользам Персии». Он даже советовал восставшим смириться с судьбой и покориться «законной власти»[4], т. е. Ирану.

Туркменская депутация уехала в Закавказье в разгар событий, и пока она находилась там, генеральное сражение с иранскими войсками произошло 11 сентября 1813 г. на правом берегу р. Гурген. Хаджи выставил 20 тыс. ратных людей стройными рядами перед

---

[1] ЦГИА ГрузССР, ф. 1087, оп. 1, д. 610, л. 3—4.
[2] Русско-туркменские отношения..., с. 193.
[3] Там же, с. 192—193.
[4] Там же.

войсками шах-заде Мухаммед Кули-мирза — правителя Астрабада. При этом он проявил героизм, первым ринулся в бой, «...бросался с копьем с юга и севера». Вслед за ним проявили героизм и отвагу туркменские повстанцы, которые «кинулись в атаку и так разгромили войско шах-заде, что многие из его воинов в ужасе и панике бросились в воду и погибли». В этом бою погиб и Хаджи Сеид Мухаммед Юсуф-султан[1].

Н. Ф. Ртищев также отмечает, что туркмены одержали две победы над шахскими войсками, которыми командовал правитель Астрабада Мухаммед Кули-мирза. Восставшие захватили 15 больших фальконетов, истребили войско, разорили окрестности Астрабада[2].

Это было кульминацией восстания. После сентябрьского сражения восставшие не сумели воспользоваться победой и даже не пытались развивать наступление на шахские войска. После гибели Хаджи восстанием пытался руководить его сподвижник Султан-хан. Но восстание пошло на убыль, среди его участников участились разногласия, особенно между йомудами и гоклена-ми, что обрекало движение на неизбежное поражение. Восстание было стихийным, неорганизованным; восставшие не имели конкретной программы, четких лозунгов, конечных целей. Оно еще раз показало, что крестьянство, руководимое феодальными вождями, не может быть ведущей силой в борьбе с господствующим строем.

Так безрезультатно завершилось восстание атрек-огургенских туркмен против каджарского ига Ирана. Тем не менее оно имело глубокий резонанс не только среди туркмен, но и в Иране и России. Восстание потрясло североиранские провинции, особенно Астрабад, Хорасан и Мазандеран. Несколько лет продолжалось сепаратистское движение в Астрабаде под руководством губернатора области Мухаммед Заман-хана и правителей Хорасана, опиравшихся в основном на туркмен. Курбан Клыч-хан из племени йомудов, встречавшийся в 1813 г. с Хаджи в Тегеране и направивший его к атрек-огургенским туркменам, обратился за помощью к хивинскому хану Мухаммед Рахиму, который, начиная с 1816 г., неоднократно совершал походы в Южную Туркмению[3].

---

[1] МИТТ, т. 2, с. 212.
[2] Русско-туркменские отношения..., с. 191.
[3] МИТТ, т. 2, с. 213—219.

Неудачная миссия туркменской депутации в Гюлистан также имела глубокие последствия. Эта неудача сильно огорчила туркмен[1]. Связи с Кавказом временно были прерваны. Они долго не могли забыть гюлистанскую поездку и напомнили об этом даже через 6 лет, когда у туркменских берегов появилась экспедиция М. И. Пономарева, Н. Н. Муравьева и заявили им, что после Гюлистана не желают иметь дело с русскими. Но это были огорчения и трудности начатого большого, можно сказать, жизненно важного дела в истории Туркмении.

Весь ход восстания юго-западных туркмен 1813 г. и его последствия показывают, что в начале XIX в. впервые традиционный племенной вопрос перестает быть чисто внутренней проблемой иранского государства, и племена становятся объектом политических происков соперничающих государств, которые используют их как в целях шантажа центрального правительства Ирана, так и во взаимной борьбе за сферы влияния, содействуя тем самым сепаратистским устремлениям феодальных вождей. Эту тенденцию легко можно проследить в поведении России, Ирана и Хивы, ставших причастными к событиям 1813 г.

Роль А. П. Ермолова в восстановлении связей юго-западных туркмен с Россией

После подписания Гюлистанского мирного договора в октябре 1813 г. и возвращения туркменской депутации русско-туркменские связи через Кавказ временно прекратились. Восставшие гоклены и йомуды частью подчинились, «не будучи более в силах противиться персиянам», дали заложников верности Ирану, частью удалялись в места, неприступные для иранских войск — к Балханским горам и в пределы Хивы. По расспросным сведениям Н. Н. Муравьева, к Балханам удалилось 8000 кибиток йомудов, откуда «были ими вытеснены трухменцы же поколения ата, кочевавшие при оном»[2]. Пытавшийся возглавить восстание после гибели Хаджи его сподвижник Султан-хан также удалился

---

[1] *Веселовский Н.* Очерк историко-географических сведений..., с. 283.

[2] ЦГВИА СССР, ф. 483, оп. 1, д. 3, л. 10—11.

в Хиву, откуда затем совершал походы в Южную Туркмению во главе хивинских войск.

Однако связи юго-западных туркмен с Россией после всего случившегося в 1813 г. не могли быть прерваны надолго. Близость Кавказа, усиление влияния России в бассейне Каспийского моря после успешного окончания русско-иранской войны создавали благоприятные предпосылки для возобновления русско-туркменских взаимоотношений в более широких масштабах. Нельзя не принимать во внимание и то обстоятельство, что юго-западные туркмены на деле доказали свою готовность к сотрудничеству с Россией в борьбе против Ирана в период первой русско-иранской войны 1804—1813 гг.

В 1816 г. наместником Кавказа становится видный русский военачальник, герой Отечественной войны 1812 г. генерал А. П. Ермолов (1777—1861 гг.). Он смолоду активно участвовал в политической жизни России, отличался свободомыслием, ненавистью к самодержавному деспотизму, презрением к аристократии и придворной челяди, за что в 1798 г. был заключен в Петропавловскую крепость. Многие в России считали, что А. П. Ермолов был назначен на Кавказ, считавшийся местом ссылки, из-за своих политических взглядов с тем, чтобы держать его подальше от столицы. Впоследствии он сочувственно относился к движению декабристов, за что вновь попал в немилость. В опальные годы А. П. Ермолов жил в родовом селе Лукьянчиково близ Орла и в Москве. А. П. Ермолов (человек незаурядных способностей) оставался в должности кавказского наместника до 1827 г.[1], добился значительного укрепления русской власти, развития торговли.

После приезда в Тифлис А. П. Ермолов заинтересовался бумагами своего предшественника генерала Н. Ф. Ртищева и обнаружил документы, связанные с пребыванием туркменской депутации в Гюлистане в сентябре—октябре 1813 г. 4 января 1817 г. он направил письмо вице-канцлеру К. В. Нессельроде о необходимости возобновления дружественных отношений с туркменами юго-восточного побережья Каспийского моря. В пись-

---

[1] Оставил «Записи», хранящиеся в ЦГВИА СССР в именном фонде А. П. Ермолова (ф. 217).

ме он упрекает Н. Ф. Ртищева за то, что подписание мирного договора с Ираном «послужило здешнему начальству поводом к тому, чтобы прекратить с ними (с туркменами. — *М. А.*) всякое сношение»[1] в предположении того, чтобы не навлечь на себя негодование Ирана какой-либо дружбой с туркменами. Генерал прямо указывает, что «по заключении мирного в Гюлистане трактата туркменцы были оставлены на произвол судьбы»[2]. Между тем дальновидный А. П. Ермолов считал «политической необходимостью ... не токмо не ослаблять приверженности к Российской державе храброго того народа, но, напротив, поддерживать оную теми ласками, которые всегда были со стороны России в обычае и в правиле в отношении к народам азиатским... быть в прямых сношениях коммерческих или пользоваться их к тому посредством»[3]. Таким образом, генерал А. П. Ермолов проявил характерное ему политическое мужество и решительно поставил вопрос о возобновлении начавшихся было хороших связей с юго-западными туркменами.

А. П. Ермолов ставил в известность К. В. Нессельроде о своем намерении отправить к туркменским берегам военное судно с избранным офицером во главе, которому «сверх обозрения берегов, о которых мы никаких точных сведений не имели», будет поручено «изведать главнейшие потребности народа и способы с нашей стороны удовлетворить им, дабы со временем, обладая доверенностью сих народов, можно обратить в пользу нашу выгоду торговли»[4]. Он выдвигал вопрос о снабжении туркмен хлебом путем доставки из Астрахани, постройки там склада для товаров и учреждения менового двора. Обращает внимание на то, что А. П. Ермолов на первый план ставил развитие торговли, коммерческие интересы России.

Не менее важно то, что он также предвидел перемену в политических отношениях России с Ираном. Напомнив о том, что во время последней войны с Ираном туркмены обратились к России за помощью, он прямо

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 195—196.
[2] Там же, с. 196.
[3] Там же.
[4] Там же.

пишет: «Я признаю необходимым дать им несколько орудий и способных офицеров, которые приготовили бы им артиллеристов»[1]. А. П. Ермолов предлагал выделить туркменам находящиеся в его распоряжении английские трофейные пушки. Его план сводился к тому, чтобы заранее готовить туркмен и использовать их в случае войны с Ираном. На все эти предложения он просил согласия Александра I.

Фактически А. П. Ермолов выставлял перед будущей экспедицией целый комплекс задач — обследование туркменского побережья, изучение населения, вопросы развития торговли, подготовки туркмен в военном отношении и т. д.

Генерал А. П. Ермолов с завидной энергией взялся за осуществление своих идей, обратился к другому вице-канцлеру А. А. Аракчееву с просьбой о разрешении использовать часть находящейся в его распоряжении эскадры для обследования берегов Каспийского моря. При этом он оперировал мнением адмирала Мордвинова о способах и выгодах развития российской торговли по Каспийскому морю, обсужденным накануне в Комитете министров, и предлагал основать торговую колонию на восточном побережье гораздо южнее Тюб-Карагайской гавани. По мнению кавказского наместника, при выборе места для торговой фактории необходимо считаться с соображением не только удобства пристани, а прежде всего учитывать «самую внутренность земли», т. е. густоту населения, плодородие земель, наличие пресной воды и других потенциальных возможностей для налаживания успешной торговли. Поэтому А. П. Ермолов считал, что «точное определение места зависеть будет от обстоятельного обозрения и сведения»[2]. В ответном письме от 12 февраля 1818 г. А. А. Аракчеев сообщил наместнику о том, что Александр I одобрил его предложение и распоряжением царя Каспийская флотилия — единственная на море — была передана под командование А. П. Ермолова[3], что предоставляло ему некоторую свободу действий.

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 196.
[2] Там же.
[3] ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 37, л. 17.

Следует отметить, что в первые годы своего правления на Кавказе А. П. Ермолов упорно вынашивал идею снабжения юго-западных туркмен артиллерией. Даже во время своего пребывания в Иране в 1817 г. и на переговорах с принцем Аббас-Мирзой[1] — одним из наиболее деятельных представителей каджаров, активным противником русской ориентации в Иране, начавшем реорганизацию армии с помощью английских и французских советников, кавказский наместник, говоря о пользе и выгодах артиллерии в бою, как бы невзначай заявил, что даже самый непросвещенный туркменский народ, «чувствуя ее пользу, просил завести у них оную». Это известие произвело сильное впечатление на Аббас-Мирзу, который, как ни старался скрыть свое равнодушие, задавал массу вопросов А. П. Ермолову: спрашивал, к кому обратились туркмены с просьбой о пушках, на что получил ответ, что они накануне приехали в Грузию и обратились лично к нему. Беседа с А. П. Ермоловым для Аббас-Мирзы была неприятной, «даже переменилось лицо его». Явно было заметно, что этот разговор сильно расстроил его; он терял хладнокровие, горячился и расстались они весьма сухо[2].

31 августа 1819 г. А. П. Ермолов информировал вице-канцлера К. В. Нессельроде о том, что он «приводит в исполнение» поручение Комитета министров о возобновлении с туркменами дружественных взаимоотношений и отправил туда два судна — одно военное, другое — купеческое. Начальником экспедиции был назначен майор М. И. Пономарев, на «благоразумие и осмотрительность» которого А. П. Ермолов надеялся, а для военного обозрения и поездки послом в Хиву — гвардии капитан генерального штаба Н. Н. Муравьев[3]. Так, два молодых русских офицера (участники Отечественной войны 1812 г., прошедшие всю Европу) отправились в малознакомые края для «утверждения прочных с туркменами связей... удовлетворения посредством

---

[1] Аббас-Мирза (третий сын Фатх Али-шаха) командовал иранскими войсками, в 1832 г. совершил карательные походы против туркмен, разрушил крепость Серахс, истребил население, дошел до низовьев Теджена и напал на текинцев.

[2] ЦГВИА СССР, ф. 217, оп. 1, д. 13, л. 11.

[3] Н. Н. Муравьев-Карский (1793—1867 гг.) генерал, стал впоследствии близким другом А. П. Ермолова, имел связи с декаб-

торговых сношений недостатка их в первых потребностях жизни»[1]. В качестве переводчика вновь отыскали астраханского купца-армянина И. Муратова, жившего в Дербенте, который в 1813 г., ездил к восставшим туркменам. Он долго и верно служил русским и туркменам в их сближении, укреплении дружественных отношений между ними.

К моменту отправления экспедиции М. И. Пономарева и Н. Н. Муравьева Россия имела довольно полное представление только о мангышлакских туркменах. Что же касается юго-западных туркмен, в частности йомудов, то А. П. Ермолов называет их «народом, почти совершенно нам неизвестным»[2]. Про йомудов и гокленов было известно только то, что они «усердствуют в торговле»[3] и «давно уже усиливаются свергнуть иго тяжкой зависимости» от каджарского Ирана[4]. Поэтому перед участниками экспедиции, особенно перед Н. Н. Муравьевым, владевшим тюркскими языками, была поставлена задача обстоятельно узнать, есть ли у туркмен свой государь, единовластие или состоит из множества независимых обществ, управляемых каждое своим начальником. Если есть у них государь, то его права являются ли наследственными или его выбирает народ, распространяется ли его власть на разные туркменские племена и роды, какую взаимную связь и соотношение имеют между собой главы независимых обществ в случаях принятия мер для общей пользы и безопасности всего народа и т. д. Экспедиция должна была иметь верные сведения о том, может ли Россия опереться на него, по крайней мере, на большинство независимых обществ, желающих сближения и

ристами, А. С. Грибоедовым, написал книгу «Путешествие в Туркмению и Хиву» в двух частях (М., 1822), а в 1854 г. стал наместником Кавказа. Туркмены всегда с уважением называли его Мурад-бей. Сведения о жизни и деятельности Н. Н. Муравьева см.: Записки А. П. Ермолова, ч. 2. М., 1868, с. 73—74, 121—125; «Русский архив» за 1885—1889, 1891—1894 гг.; *Берже А. П.* Н. Н. Муравьев во время его наместничества на Кавказе. — Русская старина, 1873, т. 8; *Бороздин К.* Воспоминания о Н. Н. Муравьеве. — Исторический вестник, 1890, № 1—2.

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 204—205.

[2] Там же, с. 203.

[3] Там же, с. 207.

[4] Там же, с. 204.

сотрудничества с ней, установить, «какой вообще в их земле существует порядок и образ управления»[1].

Кроме того, экспедиции поручалось разведать о количестве кибиток всех туркменских племен и родов, где бы они ни жили, по которому можно судить о силе народа, всякие сведения об окружающих туркмен соседних народах и в каких взаимоотношениях они находятся с Хивой и Ираном, «о богатстве произведений собственно туркменской земли и в чем именно оные состоят и, наконец, кроме хлеба, о котором известно уже, что туркмены по образу кочевой своей жизни всегда имеют нужду, в каких еще существенных необходимостях чувствуют они недостаток, дабы через снабжение их теми потребностями со стороны нашей можно было утвердить навсегда связь нашу с сим народом и сделаться для них необходимым»[2]. Помимо всего этого, Н. Н. Муравьев при изучении положения туркмен обязан был особо обратить внимание на два вопроса:

«1. Какие силы сего народа в военном отношении? Какого рода употребляемое ими оружие? Не имеют ли они недостатка в порохе? Имеют ли... понятие об артиллерии и в войнах против соседей желали бы употребить оную? Можно ли будет из них самих составить, по крайней мере, нужную прислугу для некоторого числа орудий?

2. Исследовать расположение их к персианам. Прошедшая с ними война дала многие случаи заключить о вражде, между ними существующей. Каковы отношения их к жителям Хорасана и нет ли вражды обыкновенной между соседями? Принимают ли участие в войне Хорасана против Персии и вспомоществуют ли первому освободиться от ига персиян? Какого рода пособие дают они хорасанцам и что служит им условием?»[3] При этом А. П. Ермолов поручил начальнику экспедиции дать туркменам понять, что в случае угрожающей им опасности со стороны соседних государств «они всегда могут надеяться на возможность доставить из России все нужные для них военные потребности»[4].

Все приведенные факты говорят об основательности начинаний А. П. Ермолова. Такой всесторонний, комп-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 199—200.
[2] Там же.
[3] Там же, 203.
[4] Там же, с. 201.

лексный подход к изучению Туркмении, к исследованию его народонаселения, этнического состава, общественно-политического строя, экономики, торговли, взаимоотношений с соседними народами и государствами, военного потенциала туркменского народа, отношение его к России и т. д. ставится впервые в истории русско-туркменских взаимоотношений. Это по существу является новым этапом в укреплении русско-туркменских отношений, когда Россия, наконец, всерьез приступила к изучению страны туркмен.

В подробнейших инструкциях А. П. Ермолова М. И. Пономареву и Н. Н. Муравьеву главное внимание уделяется развитию торговых отношений, изучению состояния торговли с туркменами, их возможностей и потребностей, распространению российской торговли далее на Хиву и Бухару. С этой целью Н. Н. Муравьев должен был выбрать удобное место на берегу моря для строительства небольшой крепости со складскими помещениями для товаров. Кавказский наместник предполагал, что в крепости постоянно должны жить люди[1], и место для нее должно быть выбрано не поблизости от персидских границ, а где-то в районах Огурчинска или Красноводского залива. Единственное условие, которое он ставил, — наличие пресной воды, ибо, по его мнению, «всякий другой порок в самом местоположении может при учреждении крепостцы быть исправлен искусством»[2]. Еще один серьезный вопрос заключался в том, чтобы склонить хивинского хана направлять купеческие караваны по кратчайшему и наиболее безопасному пути — «через земли приязненных нам туркменов к берегам Каспийского моря»[3]. А. П. Ермолов считал эту дорогу короче и наиболее безопасной, чем торговый путь из Хивы в Мангышлак и Астрахань.

Согласно инструкции, М. И. Пономарев и Н. Н. Муравьев свои действия должны были осуществлять от имени главнокомандующего на Кавказе А. П. Ермолова, «как российского генерала, командующего в Астрахани и всеми землями, лежащими от Черного до

---

[1] Был уже небольшой опыт на о. Кулалы против Мангышлака, где постоянно жили до 300 человек на рыбных и тюленьих промыслах графа Кутаисова.

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 202—203.

[3] Там же, с. 205.

пределов Каспийского моря»[1]. Это говорит о том, что А. П. Ермолов всю ответственность предпринимаемого смелого эксперимента хотел взять только на себя.

Первоначально торговые связи России со Средней Азией осуществлялись по путям из Оренбурга и через казахские степи, на преодоление которых уходили месяцы. С середины XVIII в. торговые пути переместились на юг и пролегли через Хиву — Мангышлак и Астрахань, т. е. впервые начали сочетать сухопутные караванные пути с морскими. Эта дорога выгодно отличалась от первоначальной. Теперь ставился вопрос о перемещении торговых путей южнее, направив их через Хиву в Красноводск (или Огурчинск) и Баку, что еще больше оживило бы торговлю по Каспийскому морю и могло бы принести больше выгод туркменскому населению. В этих целях Н. Н. Муравьев должен был изучить не только морское побережье, но и караванную дорогу в Хиву.

Рассмотрим вкратце воплощение в жизнь идей А. П. Ермолова, осуществление его замыслов экспедицией М. И. Пономарева и Н. Н. Муравьева, которую начальник экспедиции называл не иначе как «туркменской экспедицией»[2]. Нет надобности распространяться о всех сторонах деятельности экспедиции, поскольку данный вопрос в известной степени освещен в литературе[3].

На корвете «Казань» и шкоуте «Святой Поликарп» экспедиция 28 июля 1819 г. прибыла к пустынным туркменским берегам и в течение 4 дней искала какой-либо населенный пункт. Интересна сцена первой встречи экспедиции с туркменами. 1 августа 1819 г. с корвета заметили 10 киржимов[4], идущих вдоль берега в северном направлении к о. Нефтяному. Едва увидев русские корабли, туркмены повернули обратно. Никакими сигналами, даже 3-кратными пушечными выстрелами не могли их остановить. С корабля спустили вооружен-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 202.

[2] Там же, с. 212.

[3] *Дружинин Н. М.* В стране туркмен и узбеков. Л., 1927; XIX вв. Ашхабад, 1954, с. 351—353; История Туркменской ССР, т. 1, кн. 2. Ашхабад, 1957, с. 95—98; *Агаев Х.* Взаимоотношения прикаспийских туркмен с Россией в XIX в. Ашхабад, 1965.

[4] Киржим — одномачтовое плоскодонное мореходное судно, на котором туркмены перевозили людей, грузы, лошадей, верблюдов и т. д.

вое гребное судно для перехвата одного из киржимов, с трудом удалось это сделать. «Народ, находившийся на оном, — писал Н. Н. Муравьев, — в числе 5 мужчин и 3 женщин, разбежался в кусты; наши выбрались на берег; Петрович остановил одного туркменца и уверил его в дружеских наших расположениях; народ возвратился из кустов и просил помилования; их уверили, что им нечего опасаться и, отпустив прочих, взяли с собой одного...»[1]. Это был хозяин киржима 60-летний старшина Довлетали, которого доставили на борт корвета. Вначале он был сильно перепуган и не отвечал на вопросы русских. «Сколько мы ни старались, — писал Н. Н. Муравьев, — обласкать и угостить его, но он не доверял нам, полагая себя в плену, был грустен и ожидал несчастной участи»[2]. Постепенно Довлетали смирился со своим положением и рассказал, что Кият-ага его одноаулец и находится в Астрабаде по своим коммерческим делам. Эта сцена является типичной для того времени и показывает, насколько люди были чужды друг другу.

Переводчик И. Муратов точно не помнил места высадки туркменской депутации в 1813 г. и лишь после долгих поисков 6 августа 1819 г. нашли Кията, который сразу же прибыл на корвет. Между ним и руководителями экспедиции состоялся неприятный разговор. Когда М. И. Пономарев объяснил Кият-аге цели своего приезда, тот искренне заявил, что туркмены хорошо помнят первую подобную связь с русскими, и каких бы выгод они ни обещали, до сих пор, кроме разорения и бесконечных бедствий со стороны Ирана, туркмены ничего не выгадали. Кият-ага добавил, что любые благие пожелания, «если оставлены будут без точного навсегда утверждения оных», могут только навлечь подозрения мстительных соседей, т. е. Ирана и Хивы. Поэтому, заявил он руководителям экспедиции, туркмены «принуждены будут впредь принимать русских как за своих злодеев, завлекающих по видам своим лишь только в горестное для них положение, для того в третий раз не советовал уже появляться у их берегов, потому что они поступать будут, как со свои-

---

[1] *Муравьев Н. Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву, ч. 1—2. М., 1822, с. 19.

[2] Там же.

ми врагами»[1]. Такое откровенное заявление Кият-аги по существу совпадало с мнением А. П. Ермолова о том, что после подписания Гюлистанского мирного договора 1813 г. туркмены были оставлены на произвол судьбы с могущественными каджарами, что действительно привело к тяжелым последствиям.

Видя искренность заявления разочарованного от своей поездки на Кавказ в 1813 г. Кият-бека, М. И. Пономарев и Н. Н. Муравьев сумели успокоить его серьезностью своих намерений. Н. Н. Муравьев сообщает, что Кият-ага долго противился, но, наконец, сказал: «Если намерения ваши искренни, я опять готов служить вам»[2]. Кият-бек искренне содействовал затем успешной деятельности экспедиции. М. И. Пономарев писал, что Кият-бек «находился во все времена при мне безотлучно и посредством его отправление в Хиву господина Муравьева 4-го учинено»[3]. Туркмены всюду охотно встречали экспедицию, с интересом слушали объяснения о ее целях, а в Гасан-Кули «торжественно объявили, что на все согласны и в видах, предпринимаемых со стороны нашей, препятствия чинить не будут»[4].

В результате за 1,5 месяца (август — первая половина сентября 1819 г.) экспедиция успела обследовать побережье Каспийского моря от туркменского села Кюмиш-Тепе на юге до Красных вод на севере. 18 сентября с помощью Кият-бека капитан Н. Н. Муравьев в сопровождении И. Муратова, которого он называл Петрович, и небольшого туркменского каравана был отправлен в Хиву[5], и корвет «Казань» два месяца находился в томительном ожидании его возвращения.

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 214.

[2] *Муравьев Н. Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву..., с. 27.

[3] Русско-туркменские отношения..., с. 214. М. И. Пономарев еще до встречи с Кият-агой наводил о нем справки, расспрашивал у старшин и убедился в «хорошем о нем отзыве всего почти народа».

[4] Там же.

[5] В караване было до 40 человек и 200 верблюдов. Кият-ага провожал Н. Н. Муравьева до аула своего знакомого Сеида, северней Красных вод, которому и поручил сопровождать его в Хиву. Н. Н. Муравьев тепло отзывался о своем переводчике Петровиче, который был «человек очень усердный, преданный мне и веселого нрава, к сему имел довольно странную наружность и охоту забавлять других; шутливостью своею он нередко развеселял меня в самые грустные минуты» (*Муравьев Н. Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву..., с. 55).

Хивинский хан Мухаммед Рахим (1806—1825 гг.) хотел поступить с Н. Н. Муравьевым[1] примерно так же, как 100 лет тому назад поступил с А. Бековичем-Черкасским Ширгази-хан. Ни Ширгази-хан, ни последующие ханы Хивы не в состоянии были смыть того позора, который сотворили, ослепленные средневековой азиатской жестокостью и кровожадностью. Поэтому в этот раз хан не решился лишить жизни посланника России, хотя туркмены, доставившие Н. Н. Муравьева в Хиву, предупредили его о готовящейся расправе, что подтвердили русские и персидские невольники, с которыми он имел тайные свидания. Н. Н. Муравьева заточили в крепость Ильгельды на 48 дней под строгим надзором, разными путями пытались узнать причину его появления в пределах Хивы.

Хивинские чиновники полагали, что Н. Н. Муравьев мог приехать по трем причинам: а) «ходатайствовать за русских, страждущих в жесточайшей неволе»; б) «востребовать удовлетворения за два купеческих судна, сожженные несколько лет тому назад на туркменском берегу»; в) требовать «ответа за убиение князя Бековича»[2]. Сановники Хивы судили по себе и у них на уме не было ничего, кроме мысли о том, как бы отвести угрозу мести за собственные грехи, за те злодеяния и беззакония, которые они творили ежедневно.

Мухаммед Рахим-хан не составлял исключения в ряду этих поразительно близоруких людей. Н. Н. Муравьев отмечает, что все поступки хана определяют подозрения; «бесчисленные казни и даже убиение 11 своих братьев возвели его на престол. Он окружил себя людьми, не смеющими ему противоречить»[3]. Мухаммед Рахим-хан часто подвергал казни туркмен, а когда на совете у него решалась участь Н. Н. Муравьева, он говорил: «Туркмены, привезшие его, не должны были допустить его до моих владений, а убить и представить ко мне подарки, которые вез»[4]. В этой связи можно вспомнить, что примерно то же самое говорил и Ширгази-хан в 1717 г. по поводу прихода в Хиву А. Бековича-Черкасско-

---

[1] Подобно о поездке Н. Н. Муравьева в Хиву см.: *Муравьев Н. Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву, ч. 1—2. М., 1822; *Дружинин М. Н.* В страну туркмен и узбеков. Л., 1927.

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 208—209.

[3] *Муравьев Н. Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву..., с. 99.

[4] Там же.

го. Словом, в Хиве не могли даже допустить мысли о том, что Россия может направить туда своих посланников с добрыми намерениями развивать мирные отношения, торговлю и т. д.

Мухаммед Рахим-хан после долгих колебаний и раздумий дал Н.Н. Муравьеву короткое свидание, во время которого более чем холодно принял доброжелательное письмо и подарки А. П. Ермолова, отклонил все предложения посланника о развитии торговых отношений, направлении караванов к Красноводску и т. д. «Хан, приняв меня, — писал Н. Н. Муравьев, — старался как можно скорее расстаться со мной. Он немедленно приказал мне ехать из Хивы»[1]. Единственно на что он согласился — это отправление двух своих сановников Хакназар-юзбаши и Якуб-бека в качестве посланников к генералу А. П. Ермолову с ничего незначащим письмом, которое начинается словами «Отец победы»[2]. Этими словами хан, по-видимому, хотел компенсировать абсолютное отсутствие содержания в его письме. Это по достоинству оценили туркмены-йомуды в своем прошении к командующему отдельным Кавказским корпусом генерал-лейтенанту Вельяминову от 4 марта 1820 г. о принятии их в подданство России, которые отмечают, что в письме хивинский хан «извещает, что он ни в какие особенно дружественные связи с русскими входить не желает»[3]. 13 декабря 1819 г. Н. Н. Муравьев в сопровождении туркмен благополучно возвратился на корвет «Казань».

Так завершилась поездка Н. Н. Муравьева в Хиву, предпринятая в столь рискованных условиях, во время которой он проявил мужество и выдержку. Поездка эта не принесла желаемых результатов. Самое полезное в ней состоит, пожалуй, в том, что Н. Н. Муравьев оставил замечательную книгу об этой поездке, вызвавшую в то время сенсацию не только в России, но и в Европе[4].

Начальник экспедиции М. И. Пономарев также полностью оправдал надежды А. П. Ермолова. Он оказался весьма учтивым, в то же время очень наблюдательным человеком. Из его рапортов на имя А. П. Ер-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 209.

[2] Там же, с. 210—211.

[3] ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 31, л. 70.

[4] Книга сразу же была переведена на многие языки европейских стран.

молова видно, что сумел тонко подмечать настроения туркмен, их политическую ориентацию, привести массу новых сведений об этническом составе, о местах их обитания, об общественном строе и т. д. «Туркмены, — писал он, — будучи обижены природой... сверх того, еще раздроблены на столько частей, сколько есть аулов, и не образуя из себя никакого вида правления, то и не могут над соседями своими взять перевеса или заставить себя уважать»[1]. Кроме того, он заметил, что йомуды и гоклены «живут несогласно», что, очевидно, произошло после событий 1813 г. Действительно, в отношении государственности туркменское общество еще долго оставалось аморфной массой и только спустя 100 с лишним лет, благодаря победе Великого Октября и осуществлению ленинской национальной политики в нашей стране, всесторонней интернациональной помощи братских народов, туркмены впервые в истории приобрели свою национальную социалистическую государственность.

В своих рекомендациях М. И. Пономарев называет два пункта, наиболее подходящих для сооружения торговых центров: Кюмиш-Тепе и Красноводск. Он отмечает, что туркмены испытывают недостаток во всякого рода жизненных потребностях и «следовательно, посредством оного можно привязать с большей выгодой народ йомудский к видам правительства»[2]. Говоря о том, что развитие торговли с туркменами может принести взаимную выгоду, он конкретно называет товары, которые можно им поставлять: разные российские ткани, посуду, чугунные котлы, железо, сталь, ножи, ножницы и т. д. А из Туркмении можно вывозить продукты скотоводства, породистых лошадей, нефть, соль, рыбу и т. д.[3]

Особое внимание М. И. Пономарев уделил политическим взглядам туркмен и не без удовлетворения отметил, что они весьма дружелюбно относятся к России и очень враждебно настроены против каджаров; «готовы по первому зову восстать всеми силами своими на них». Для этого, по его мнению, необходимо подкрепить туркмен оружием, порохом, свинцом и привести их под одну власть. «На случай разрыва с Персией, — заклю-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 216.
[2] Там же.
[3] Там же.

ает он, — от них можно ожидать сугубого успеха»[1]. Мнение М. И. Пономарева о том, чтобы объединить туркмен под единую власть соответствует их собственной просьбе о принятии в подданство России.

Большое политическое значение имеет обращение приатрекских и прикаспийских туркмен, занимавших побережье от Серебряного бугра (Кюмиш-Тепе) до Балханских гор, к главноуправляющему на Кавказе генералу А. П. Ермолову о посылке в Тифлис депутатов во главе с Кият-агой с просьбой о принятии в подданство России. В обращении туркмены писали, что они благодарны судьбе за то, что «желание наше могло исполниться, и появление защитника весьма нас обрадовало, ибо мы находимся в соседстве с дурным поколением, которое, усилившись, увлекает через набеги как скот, так и жен, и детей наших. Слава богу, что теперь явился нам хозяин»[2].

Туркмены давно искали защитника в борьбе против произвола каджарского Ирана и обращали свои взоры только к России. Они знали, что Россия покровительствует многим народам, имеет «войска столько, сколько имел Соломон Мудрый» и просили А. П. Ермолова довести до сведения Александра I их желание, «дабы он солнечным щитом своим милосердно осенил головы наши»[3]. Защита России была для них желанной. В заключение они сообщили, что направляют к А. П. Ермолову делегацию во главе с Кият-агой, что «сей Кият-ага со стороны нашей имеет полную мочь и доверенность»[4] во всех делах, касающихся прибрежных туркмен. Приезд туркменской делегации в Тифлис также соответствовал намерениям А. П. Ермолова, который просил М. И. Пономарева иметь это в виду при возвращении экспедиции.

В конце декабря 1819 г. экспедиция возвратилась в Баку. А. П. Ермолов в то время находился в Дербенте, куда и повезли хивинских и туркменских послов в январе 1820 г. Стояла страшно холодная зима, и когда

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 217. Н. Н. Муравьев как-то спросил у туркмен: «Не желаете ли вы иметь орудия от нас?» На это туркмены очень обрадовались и, «смотря друг на друга, щелкали языком, изъявляя удовольствие» (*Муравьев Н. Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву..., с. 24—25).

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 211.

[3] Там же, с. 212.

[4] Там же, с. 211.

А. П. Ермолов спросил как-то Кият-хана: «Вы дрожите от персиян?», он с улыбкой ответил: «Нынче зима, все дрожат»[1]. Вскоре послов отправили в Тифлис, куда в марте возвратился и наместник Кавказа. Вплоть до середины мая послы находились в Тифлисе. А. П. Ермолов вначале сдержанно отнесся к Кият-аге, привезшему с собой старшего сына—16-летнего Якшимухаммеда, вся дальнейшая судьба которого до его смерти в воронежской тюрьме в 1849 г. была тесно связана с Россией[2].

Это был второй приезд Кият-аги на Кавказ. В своих дневниках Н. Н. Муравьев, сопровождавший туркменских послов во главе с Кият-агой в Дербент, с болью в сердце отмечает, что в свое время А. П. Ермолов ругал Н. Ф. Ртищева за плохой прием туркменской депутации в 1813 г., а сам 21 января 1820 г. тоже «обошелся с ними сухо, так что Кият, приехавший второй уже раз искать покровительства русских для единоплеменников своих и второй раз обманутый, между тем лишившийся большей части своего имущества, находящегося в Астрабаде, где он торговал, был в отчаянии. Мне жалко и стыдно было смотреть на него после тех уверений, которыми мы его склонили к нам ехать по приказанию главнокомандующего»[3]. После такого приема они вернулись сначала в Баку и оттуда поехали в Тифлис, где хивинцев скупо одарили, а туркменам ничего не дали, им не отводили еще квартиру, а «несколько дней провели они даже без пищи» и т. д. Когда А. П. Ермолов вернулся в Тифлис, Н. Н. Муравьев просил его принять туркменских посланников, на что тот снова сухо ответил, что ему недосуг[4].

Что же произошло? Чем объяснить такую резкую перемену в настроении генерала А. П. Ермолова? Это можно объяснить только политическими разногласиями между А. П. Ермоловым и царским правительством. Александр I и его министры не поддержали инициа-

---

[1] *Муравьев Н. Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву, ч. 1, с. 175—176.

[2] О жизни и деятельности Якшимухаммеда подробно см.: *Аннанепесов М.* Стихи, написанные в неволе. (Грустная история одной рукописи). Ашхабад, Ылым, 1977 (на туркм. яз.).

[3] Записки Н. Н. Муравьева-Карского. — Русский архив, 1888, № 11, с. 399—400.

[4] Там же, с. 400—403.

тиву кавказского наместника в отношении налаживания дружественных связей с туркменами. Император дал ясно понять А. П. Ермолову, что он «безусловно не променяет дружбу Персии на какой-то участок земли»[1]. А граф К. В. Нессельроде в одном из своих писем на имя А. П. Ермолова выразил желание Александра I «видеть в Персии... самодержавие и господственную власть на прочном основании... оказывать (ей) помощь в случае надобности, дабы помощью высочайшего российского двора персидский двор был бы подкрепляем»[2]. Вот так один самодержец поддерживал другого, один двор подкреплял другой. Именно на этой основе добрые начинания А. П. Ермолова натолкнулись на серьезные препятствия, этим можно объяснить причину его неровного поведения по отношению к туркменской депутации.

Вскоре позиция А. П. Ермолова значительно смягчилась. По-видимому, он пришел к выводу,что Кият-ага и туркменская депутация не должны страдать из-за двойственной и неопределенной политики царского правительства. В ответном письме старшинам туркмен-йомудов от 14 мая 1820 г. он сообщает об отправке Александру I их прошения о принятии в подданство России и осторожно замечает, что, хотя милосердие императора России «благодетельствует миллионам народов», принятие их в подданство «зависит единственно от высочайшей его воли». Поэтому, сообщает наместник, он не может «теперь же приступить ни к каким распоряжениям в пользу вашу». А. П. Ермолов ограничился только сообщением, что «сколь скоро получится мной высочайшее решение по вашему делу, то в то же время не оставлю известить вас через нарочно посланного чиновника»[3]. Так завершилась вторая поездка Кият-аги и его товарищей в Закавказье.

Совершенно изменилось отношение А. П. Ермолова и к Кият-аге. Дружелюбно приветствуя туркменский народ в указанном письме и заверяя старшин в том, что он лично с уважением относится к их благим желаниям, он писал: «Я истинно расположен быть вам полезным». В то же время он пытался как-то возвели-

---

[1] Внешняя политика России XIX — начала XX в., т. I (IX), М., 1974, с. 125.

[2] Там же, т. 2 (X). М., 1976, с. 226.

[3] Русско-туркменские отношения..., с. 229.

чить имя их посланника, говоря, что он целиком одобряет «самый выбор в уполномоченные по сему делу столь благоразумной особы, как Кият-бек, истинно преданный пользам вашим и радеющий о благе народа»[1]. Можно предположить, что все это происходило не без влияния Н. Н. Муравьева.

14 мая 1820 г. Кият-бек со своими людьми и хивинские послы выехали из Тифлиса в Баку, оттуда на транспорте «Пчела» 8 июня были доставлены в район Красноводска. Генерал А. П. Ермолов распорядился через русских властей в Баку об обеспечении закупок там хлеба для вывоза в Туркмению и т. д., издал специальное предписание, в котором требовал обходиться с туркменскими посланцами «со всем приличным уважением» не в пример тому грубому с ними обращению «при первом их следовании сюда»[2]. Транспорт «Пчела» возвратился в Баку 14 августа 1820 г. с 6 породистыми лошадьми, закупленными Кият-агой для А. П. Ермолова[3].

Одновременно с отправкой послов на родину А. П. Ермолов направил Н. Н. Муравьева в Петербург. В письме на имя К. В. Нессельроде от 21 апреля 1820 г. он просил его доставить Н. Н. Муравьеву «счастье быть представленным государю императору» за то, что тот совершил трудное и опасное путешествие, при котором проявил репительность и твердость и «для нужных по многим предметам объяснений»[4]. Но планы кавказского наместника не встретили поддержки Министерства иностранных дел, руководимого К. В. Нессельроде. Н. Н. Муравьев уезжал из Петербурга, возмущенный столичной волокитой и равнодушием сановной бюрократии[5], хотя ему был присвоен чин полковника.

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 228.

[2] ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 31, л. 153—154.

[3] Из-за недостатка провианта и болезни многих матросов транспорт «Пчела» вернулся в Баку, не дождавшись возвращения Кият-аги и не высадив на берег его сына Якшимухаммеда, оставленного, по-видимому, заложником. Поэтому А. П. Ермолов вторично выслал за Кият-агой военное судно, чтобы тот «не усомнился насчет своего сына», на котором доставили его домой. Генерал просил Кият-агу прибыть на этом же судне в Баку для дальнейших переговоров (Русско-туркменские отношения..., с. 232).

[4] Русско-туркменские отношения..., с. 226.

[5] *Дружинин Н. М.* Указ. раб., с. 11.

Несмотря на равнодушное отношение царского правительства к итогам экспедиции 1819 г., она оставила глубокий след в развитии русско-среднеазиатских торгово-экономических и политических взаимоотношений. Россия впервые вплотную приступила к более детальному изучению земель, расположенных к востоку от Каспийского моря и населяющих их народов. Теперь Россию интересовало все: из каких племен состоит туркменский народ[1], их численность и военный потенциал, хозяйство, торговые и политические отношения с соседними государствами, система управления, искренность расположения к русским и т. д. Это является новым этапом в развитии русско-туркменских взаимоотношений. Экспедиция дала массу новых сведений о туркменах, об их этнических компонентах — 11 главных подразделениях, о взаимоотношениях с Ираном и Хивой. Вековая вражда с Ираном и злоба на хивинского хана за наложение непомерной подати (0,5 тилля или по 2 руб. серебром с каждого верблюда) на приезжавшие туда за хлебом туркменские караваны[2] — «вот настоящие причины, понудившие туркменцев искать покровительства России»[3]. Следовательно, стремление туркмен к сближению с Россией, к переходу под ее покровительство базируется на глубоких политических и экономических причинах.

Во время пребывания туркменской делегации во главе с Кият-агой в Тифлисе из Астрахани было получено сообщение о том, что в ноябре 1819 г. туда прибыла другая депутация от атреко-гургенских туркмен с просьбой о принятии в подданство России. Причем под прошением значатся подписи Кият-бека, Мамед Таган-казы и других, скрепленные их именными печатями. Но содержание прошения насторожило А. П. Ермолова, который заметил: «Не суть ли это происки нескольких честолюбивых лиц, домогающихся власти посредством российского могущества?» и поручил узнать у Кият-

---

[1] Таблицы туркменских племен и родов с указанием их количества и места обитания, составленные Н. Н. Муравьевым, атлас к путешествию Н. Н. Муравьева в Туркмению и Хиву с портретами Кият-аги, И. Муратова (Петровича) и других хранятся в ЦГВИА СССР (ф. ВУА, д. 18 542; ф. 422, коллекция ВУА, оп. 1, д. 704; ф. 483, оп. 1, д. 153).

[2] Записки Н. Н. Муравьева-Карского. — Русский архив, 1888, № 11, с. 395.

[3] Русско-туркменские отношения..., с. 223.

аги о его достоверности[1]. Кият-ага подтвердил подозрения А. П. Ермолова и заявил, что это не что иное, как плутовские происки самозванца Данияра — брата погибшего в 1813 г. Хаджи, который давно добивается власти над юго-западными туркменами. Кият-ага вызвался немедленно выехать в Астрахань или просил выслать подавших прошение в Тифлис «для личного изобличения их в обмане», предложил сличить их печати со слепкой его печати или печати Мамед Таган-казы, «по искусству вырезки очень редкой»[2]. Таким образом, Кият-ага — подлинный представитель прибрежных туркмен — сумел оградить себя от вылазки скитающегося самозванца.

Глубоко убежденный в правоте своего дела, А. П. Ермолов продолжал доказывать высшим царским сановникам о необходимости развития торговых связей с туркменами и даже ставил вопрос о целесообразности присоединения к России восточного побережья Каспийского моря. В письме вице-канцлеру К. В. Нессельроде от 21 апреля 1820 г. он доказывал, что обитающие на том берегу моря туркмены-йомуды — сильное и независимое от Ирана и Хивы племя и для успешного развития торговли с Хивой, Бухарой и Северной Индией необходимо построить укрепленное торговое заведение где-то в районе Красноводска с гарнизоном в 1000 человек и сильной крепостной артиллерией. Кавказский наместник считал, что влияние Ирана на туркмен не распространяется далее р. Гурген, и сооружение торговой фактории не повлияет на отношения с Ираном, что ее можно построить, «не нарушая приязненного к Персии расположения, не уничтожая влияния ее на туркменцев, ни же разделяя с ней оное. Заведение наше устроится между народом, ни от кого совершенно не зависящим, свободным распоряжаться своей волей»[3]. Для налаживания непосредственных торговых связей с Северной Индией он рекомендовал уч-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 208, 217—221.

[2] Там же, с. 220—221. Н. Н. Муравьев отмечает, что Мамед Таган-казы, «хотя и молод», но всеми чтим, потому что звание его наследственное, и отец пользовался общею «доверенностью» (*Муравьев Н. Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву..., с. 38—39).

[3] АВПР, ф. Гл. архив 11—18, 1819—1869, оп. 8, д. 1, л. 52—54.

редить торговые конторы русского купечества и в Бухаре. И если все это будет осуществлено, то, по мнению А. П. Ермолова, «ничто не может воспрепятствовать иметь выгодную и непосредственную торговлю с Северной Индией»[1]. Он настоятельно просил правительство скорее рассмотреть и положительно решить данный вопрос.

В результате настойчивых усилий А. П. Ермолова на одном из заседаний недавно учрежденного Комитета по азиатским делам 29 июня 1820 г. был рассмотрен «проект относительно учреждения теснейших сношений между Россией и туркменцами». Комитет в составе графов Кочубея, Гурьева, К. В. Нессельроде, Каподистриаса, князей Чарторыйского и Волконского[2] после обсуждения всех соображений, в том числе записок К. В. Нессельроде, единогласно признал «удобным и полезным дать ход его (А. П. Ермолова. — *М. А.*) предначертанию» и представить свое заключение по этому вопросу на утверждение Александра I.

Это заключение состоит из 7 пунктов, согласно которым А. П. Ермолов будет уполномочен вести переговоры с туркменами-йомудами с целью установления с ними «твердых и постоянных сношений как дружественных, так и торговых»; чтобы обеспечить прочность этих отношений, придать им форму взаимных письменных актов, «составленных таким образом, дабы Россия ни в каком случае не имела надобности отречься от них»; поручить А. П. Ермолову подготовить средства для укрепления на восточном берегу моря; возложить на него отправление второй экспедиции для уточнения выбора места для сооружения укрепления; поручить ему доложить о результатах второй экспедиции, «составить смету как денежным суммам, так и воинским потребностям»; выделить 25 тыс. руб. в распоряжение А. П. Ермолова для закупки пшеницы и найма купеческого судна для доставки и продажи ее туркменам; ассигновать еще 10 тыс. руб. для покупки подарков для раздачи туркменским старшинам[3].

Как видно из содержания заключения, Комитет по азиатским делам не рассматривал вопрос о принятии прикаспийских туркмен в подданство России. Такая

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 228.
[2] АВПР, ф. Гл. архив 11—18, 1819—1869, оп. 8, д. 1, л. 52—54.
[3] Русско-туркменские отношения..., с. 229—231.

молчаливая позиция Комитета и его половинчатое решение полностью соответствовали позиции Александра I и особенно графа К. В. Нессельроде по данной просьбе туркмен. К. В. Нессельроде, долгие годы возглавлявший Министерство иностранных дел, принимал активное участие в туркменских делах и при последующих наместниках Кавказа.

Осенью 1820 г. по приглашению А. П. Ермолова вновь приехал в Баку уехавший летом на родину Киятбек в сопровождении переводчика И. Муратова (Петровича). Вместе с ним снова (уже в третий раз за последний год) приехал его сын Якшимухаммед. Можно сказать, что он не съезжал на берег с борта разных судов. Почтенный теперь старшина прибыл в Тифлис почти одновременно с Н. Н. Муравьевым, ездившим в Петербург к государю. Кият-бек сообщил А. П. Ермолову о том, что «жители Балхана оставили свои колодцы и поселились на Атреке за неимением хлеба»[1]. Наместник счел причиной тому «медленность Министерства иностранных дел»[2], косвенно задевая графа К. В. Нессельроде. В декабре 1820 г. А. П. Ермолов наградил Кият-бека золотой медалью на андреевской ленте (для ношения на шее), а также одарил его сына Якшимухаммеда[3]. 8 февраля 1821 г. они были отправлены в Баку с богатыми подарками — разные сукна, парчи, золотые серьги, 200 червонцев[4] и т. д.

Во время последнего пребывания в Тифлисе Киятбек обратился к А. П. Ермолову с двумя частными просьбами. Первая из них сводилась к тому, чтобы отменить пошлину на рыбу, которую привозили астраханские рыбопромышленники из юго-восточных берегов моря и предоставить ему монопольное право на поставку рыбы, соленую своей солью (даровой). По его расчетам, он ежегодно может заготовить рыбы для двух купеческих судов. «Мои личные выгоды будут велики, — писал он, — но таким только средством, ка-

---

[1] Записки Н. Н. Муравьева-Карского. — Русский архив, 1888, № 11, с. 415.

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 233.

[3] Записки Н. Н. Муравьева-Карского. — Русский архив, 1888, № 11, с. 416.

[4] На пути в Баку с ними произошел курьезный случай: казаки не хотели давать им подводы, конвойных и подушек к седлам. Офицера за это арестовали, а казаков перепороли (Русский архив, 1888, № 11, с. 71—92).

жется мне, можно управиться с моими соотчичами»[1]. Другая просьба-жалоба на какого-то купца-армянина по имени Авет из Астрахани, который брал у него товар и деньги, оставил расписку и не вернул долга. А. П. Ермолов трижды писал астраханскому губернатору, откуда не было получено никакого ответа. Генерал-лейтенант Вельяминов, командующий Отдельным кавказским корпусом, в марте 1821 г. также обещал Кият-беку: «Сам буду иметь попечение о сем деле»[2]. Но прошло 2 года и, как признавал Н. Н. Муравьев, дело «Кията о сю пору еще не кончено... Вот порядок, в котором находятся здешние дела»[3]. Претензии Кият-бека на монопольное снабжение астраханских купцов рыбой, просьба его об отмене пошлины на нее, тяжба по расчетам с ними — все это говорит о начале его бурной предпринимательской деятельности[4], о чем будет сказано более подробно.

Однако здесь следует обратить внимание на один существенный момент. В своих эпистолярных документах[5] Кият-бек неоднократно подчеркивал, что народ всегда уважает сильного, а он хочет, во-первых, получить от российского правительства какие-то преимущества, с помощью которых можно будет выделиться перед соперниками и привести их в повиновение; во-вторых, все права и преимущества, предоставленные ему Россией, он хочет «без сомнения обратить в пользу государя». Он всемерно пытался доказать, что не преследует только личную выгоду, а рассматривает ее как средство достижения конечной цели — сближения прибрежных туркмен с Россией. Следует заметить, что

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 234—235.

[2] Там же, с. 235—243.

[3] Записки Н. Н. Муравьева-Карского. — Русский архив, 1888, № 1, с. 71—92.

[4] Впрочем, лейтенант какого-то русского судна также отобрал у Кият-бека вещи на сумму 10 тыс. руб. ассигнациями, что также говорит о значительных масштабах его торговых оборотов.—Русский архив, 1888, № 10, с. 215—224.

[5] В различных архивах страны хранится около 100 писем Кият-бека и его детей, которые являются не только важными историческими документами первой половины XIX в., но и могут стать образцами туркменской письменной речи того времени и представлять значительный научный интерес для лингвистов, диалектологов, литературоведов и др. В будущем необходимо их собрать и подготовить факсимильное издание, снабдив каждый документ переводом на русский язык и туркменским текстом на современном алфавите.

всю свою долгую жизнь Кият-бек старался удачно сочетать собственные интересы личного обогащения с общими интересами укрепления русско-туркменских взаимоотношений, хотя частные интересы подчас брали верх.

Представители русской власти на Кавказе также хорошо понимали, по крайней мере на первых порах, искренность побуждений Кият-бека. Они испытывали его «личные достоинства, благоразумие и прямую преданность» как России, так «и пользам своих соотечественников» и убеждались, что его намерения «клонятся единственно к укреплению благосостояния и выгод доброго туркменского народа»[1]. Поэтому кавказские власти также искренне желали, чтобы Кият-бек «приобрел совершенную к себе доверенность, любовь и повиновение своих соотечественников. Ибо правительству российскому, знающему цену ваших достоинств, весьма приятно иметь вас единственным посредником в намерениях своих водворить на туркменской земле, покровительствуемой Россией, счастье, покой и устройство»[2]. Естественно, в этих условиях А. П. Ермолов, Вельяминов, Н. Н. Муравьев и другие представители русской власти на Кавказе были заинтересованы в успехе деятельности Кият-бека и старались предоставить ему «всякие выгоды». В результате Кият-бек превратился в влиятельного старшину, купца и общественно-политического деятеля первой половины XIX в., имел довольно значительное влияние в советах туркменских старшин Атрека и Гургена.

В июне — ноябре 1821 г. у восточных берегов Каспийского моря работала вторая русская экспедиция во главе с полковником Н. Н. Муравьевым, «таланты, предусмотрительность и ревностное усердие к пользам службы» которого были высоко оценены кавказским начальством. Экспедиция доставила из Баку на родину Кият-бека с сыном Якшимухаммедом, который затем всюду сопровождал Н. Н. Муравьева и всемерно содействовал его работе. Переводчиком работал незаменимый И. Муратов (Петрович).

В инструкции генерала Вельяминова Н. Н. Муравьеву поручается обходиться с туркменами ласково и

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 235.
[2] Там же.

постараться «поселить в сем народе добрую к вам веру, искренность и чистосердечное расположение к российскому правительству»[1]. В то же время он предупреждает начальника экспедиции ни под каким предлогом не приближаться к Астрабаду, не вмешиваться во взаимоотношения туркмен с Ираном, чтобы не подавать последнему ни малейшего повода для подозрений, «ибо постоянная и непременная воля государя императора состоит в том, дабы всемерно сохранять святость заключенного с Персией мирного трактата и поддержать доброе согласие с сей державой»[2]. Легко заметить, что данное наставление идет вразрез с взглядами и планами А. П. Ермолова. Очевидно, потому и составление инструкции было поручено не ему. Весьма возможно, что к этому времени у А. П. Ермолова пропал интерес к начатому им делу укрепления связей России с прибрежными туркменами ввиду обструкционистской позиции царя и его министров.

Экспедиция Н. Н. Муравьева не дала больших результатов. Она обследовала в основном о. Нефтяной (Челекен), Балханский залив, район Красноводска, частично Балханские горы и старое русло Амударьи[3]. По-видимому, у Н. Н. Муравьева также не было прежнего настроения и энтузиазма, его охватило чувство разочарования в начатом деле. Места для сооружения торговой фактории он так и не выбрал. В своих отчетах он писал: «Весь берег вообще имеет вид дикий, не плодороден и не представляет никакого удобства для населения. Места сии... представляют вид обширной пустыни, забытой богом и людьми»[4]. Да и люди на этот раз оказались «ленивыми и беспечными... трудящимися только тогда, когда голод их к сему принудит»[5]. Правда, Н. Н. Муравьев обратил внимание на богатые соляные и нефтяные промыслы туркмен, собрал много данных по географическому описанию Красноводского и Балханского заливов, Балханских гор[6] и

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 236—239.
[2] Там же, с. 238.
[3] Там же, с. 239—247. Подробно о материалах экспедиции 1821 г. см.: Русский архив, 1888, № 1—3.
[4] Русско-туркменские отношения..., с. 246.
[5] Там же, с. 239.
[6] Карты Балханского залива, Красноводской косы, о. Челекен, составленные Н. Н. Муравьевым в 1821 г., хранятся в ЦГВИА СССР (ф. ВУА, д. 19382 и 19384).

т. д. Но в целом чувствовалось его раздражение и нервозное состояние. «Всякий день,—писал он,—я имею случай видеть бесчестность сих диких людей, более зверям подобных. Я молчу, но настанет время... что они получат за свою бесчестность и плутовство должное наказание. Надобно будет порядком отодрать несколько старшин их»[1]. Так закончилась экспедиция 1821 г., имевшая ограниченные возможности и более чем скромные результаты.

Нельзя, конечно, забывать, что и Н. Н. Муравьев, и А. П. Ермолов, несмотря на свои прогрессивные взгляды, все же были царскими служаками. Они подчас допускали грубые, непристойные высказывания о туркменах, с которыми пытались наладить добрососедские отношения. И ничего удивительного в этом нет. Эпоха была жестокая, нравы — грубые.

Между тем Н. Н. Муравьев за все время пребывания у туркменских берегов всемерно содействовал распространению и утверждению власти Кият-бека среди прибрежных туркмен, старался поднимать его авторитет среди них. В инструкции генерала Вельяминова также содержалась просьба содействовать усилению влияния Кият-бека «для приобучения туркменцев признавать в лице его некоторую власть над собою и подчиненность ему»[2]. В этих целях 24 октября 1821 г. Н. Н. Муравьев обратился даже с воззванием к туркменскому народу, текст которого представляет определенный научный и политический интерес. В нем он пишет: «Некий старец, отходя в вечную жизнь, завещал детям своим жить дружно; он приказал принести к себе пучок стрел и, не развязывая их, велел сломать его; никто из них не мог сего сделать; когда же он, развязав пучок, дал каждому по одной стреле врознь, то все стрелы сломали поодиночке.

Так и вы, люди храбрые и презирающие смерть, вместе сильные, но врознь слабые, будете вечно несчастливы и бедны, пока не соберетесь под начальство единого из вас, вами же избранного, коего ум, опыт-

---

[1] Записки Н. Н. Муравьева-Карского. — Русский архив, 1888, № 2, с. 251.

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 237.

ность и честность были бы вам известны. Кият-ага, пользующийся доверенностью России, назначен для собрания вас. Он жертвовал всем, и спокойствием, и имуществом, и связями для вашего блага. Будьте признательны, жертвуйте всякий десятою долею того, чем он пожертвовал, и скоро земля ваша будет процветать торговлей и пышностью. Дремлющие силы ваши проснутся, и вы будете грозою ныне обижающих вас»[1]. Содержание воззвания перекликается с широко распространившейся в то время восточной притчей о пучке стрел, с возникшей идеей объединения всех туркменских племен в одно государство. Однако еще не созрели исторические условия для осуществления этих идей на практике.

При отъезде из Туркмении Н. Н. Муравьев взял с собой старшего сына Кият-бека Якшимухаммеда, которого отец послал учиться на Кавказ. Жил он в Тифлисе у полковника Н. Н. Муравьева. Впоследствии в августе 1824 г. Н. Н. Муравьев писал, что Якшимухаммед, «живший при мне около двух лет и просветившийся несколько узнанием грамоты русской и части арифметики, не может ужиться между туркменами, коих находит глупыми, необразованными и скучными... не дающими ему свободного времени для занятий, которые бы он продолжать хотел»[2]. За время учебы в Тифлисе он иногда приезжал к родителям (в мае 1823 г.). Так, взятый фактически в качестве заложника Якшимухаммед[3] впоследствии превратился в одну из основных фигур в развитии русско-туркменских взаимоотношений.

Таким образом, завершилась первая четверть XIX в.— наиболее бурный период в установлении русско-туркменских дружественных взаимоотношений. Этот период выдвинул новых людей, прежде всего колоритную фигуру Кият-бека. Усилиями А. П. Ермолова, который умел подбирать людей и обращаться с ними, благодаря его инициативе, дело русско-туркменских взаимоотношений продвинулось далеко вперед. Да и события разворачивались в новых районах (на Кавказе, в За-

---

[1] Записки Н. Н. Муравьева-Карского. — Русский архив, 1888, № 3, с. 417.

[2] Русский архив, 1888, № 10, с. 214—215.

[3] Русско-туркменские отношения..., с. 242, 250.

падной и Юго-Западной Туркмении) в непосредственной близости от Ирана и Хивы. Поэтому эти два соседних феодальных государства начали усиленно преследовать Кият-бека как основного виновника проникновения России к восточному и юго-восточному побережью Каспийского моря. Вскоре со своим семейством Кият-бек вынужден был переселиться из Гасан-Кули на о. Челекен. Но и здесь не давали ему спокойно жить.

В одном из писем Кият-бек сообщал, что Иран и Хива преследуют йомудов на Атреке, Гургене и Челекене, «всякий день их беспокоят и желают привести их в повиновение себе. Словом, они хотят достать их в свои руки»[1]. Он очень просил кавказское начальство ускорить назначение одного русского начальника туркменам, чтобы они жили «в спокойствии и тишине под защитой того начальника»[2]. В конце письма он просил, что если это невозможно выполнить, то «в обширных землях ваших отвести мне один небольшой угол, дабы привести мне туда семейство свое под покровительство ваше и не узнать уже лица неприятеля»[3]. Кият-бек имел довольно веские основания для опасений, что его семья может быть истреблена жаждущими крови соседями или они «останутся навсегда с кровавыми слезами». Поэтому он еще перед отъездом Н. Н. Муравьева в ноябре 1821 г. просился в Россию на поселение из-за опасения со стороны Ирана. Хотя Н. Н. Муравьев и успокаивал его[4], намерения о переезде на Кавказ он не оставлял и в последующие годы. Даже одно время хотел отправиться с такой просьбой в Петербург к императору[5].

Историю создают люди, повседневно и часто незаметно. И бывает у каждого свой час выбора пути, от которого потом будет зависеть как личная судьба, так и судьба целого поколения или народа в целом. Час Кият-бека пробил не в 1813 г., а в 1819 г., не во время первой поездки в Россию, а в период пребывания в Тифлисе у генерала А. П. Ермолова. В лице Кият-бека и

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 243.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Записки Н. Н. Муравьева-Карского. — Русский архив, 1888, № 3, с. 418—432.
[5] Русско-туркменские отношения..., с. 243.

его последователей заявило о себе новое поколение людей в истории Туркмении. Мы попытаемся рассказать о том, как в дальнейшем сложилась судьба этого мужественного человека, пронесшего через всю жизнь верность идее сближения и дружбы туркменского народа с Россией.

УКРЕПЛЕНИЕ РУССКО-ТУРКМЕНСКИХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

Деятельность Кият-хана и его детей

Кият-хан украшен золотою медалью на андреевской ленте. Ему 82 года от роду. Жизнь его — настоящий роман.

Г. С. Карелин

Имя Кият-хана впервые появляется на исторической арене в 1813 г., когда он в составе туркменской депутации посетил ставку главнокомандующего русскими войсками на Кавказе генерала Н. Ф. Ртищева в местечке Гюлистан. С тех пор, вплоть до конца жизни, Кият-хан неизменно возглавлял русскую ориентацию среди прикаспийских туркмен и стал центральной фигурой в дальнейшем развитии русско-туркменских взаимоотношений. В 20—30-х гг. XIX в. он неоднократно посещал Кавказ, побывал почти у всех наместников России на Кавказе, добивался у них поддержки и покровительства в дальнейшем углублении русско-туркменских отношений в торгово-экономической, политической и отчасти культурной областях. Кавказский наместник Розен писал о нем: «Кият известен русскому правительству. Он был неоднократно в Тифлисе; первый раз при генерале Ртищеве, два раза при Ермолове и графе Паскевиче Эриванском и в последний раз при мне»[1]. Последний раз Кият-хан приехал в Тифлис при генерале Нейгардте в 1842 г., где и умер в марте 1843 г.

Кият-хан прожил большую, интересную и очень

[1] ЦГВИА СССР, ф. 483, оп. 1, д. 147, л. 59—60.

сложную жизнь. Он был весьма деятельным человеком даже на склоне лет. Еще Н. Н. Муравьев удивлялся «уму и способностям сего человека, родившегося в степях»[1]. В настоящее время жизнь Кият-хана становится объектом художественной литературы[2].

Родился он приблизительно в 1754 г. в Кюмуш-Тепе или Гасан-Кули. По происхождению Кият-хан относится к категории «простолюдинов», он был сыном кузнеца и продолжал профессию отца. О первой (большей) половине его жизни нам почти ничего не известно. Вторая половина жизни и деятельности Кият-хана в общих чертах освещена в исторической литературе[3].

В настоящей работе мы попытаемся проследить последний этап жизни и деятельности Кият-хана, когда он стал одним из активных участников конкурентной борьбы астраханских купцов. Именно участие в этой жестокой, бескомпромиссной борьбе сыграло впоследствии роковую роль в личной жизни Кият-хана и членов его семьи, а также в ухудшении русско-туркменских взаимоотношений.

Вероятно, Кият-хан очень рано начал свою коммерческую деятельность. Еще до 1813 г. он вел торговлю в Астрабаде и «лишился большей части своего имущества». Причиной тому была его поездка в Гюлистан к Н. Ф. Ртищеву[4]. А в 1820 г. во время свидания с генералом А. П. Ермоловым в Тифлисе Кият-хан просил у него, чтобы «ему исключительно позволено было снабжать... промышленников рыбой и чтобы все торги с народом производились через него»[5]. Кроме того, он просил, чтобы ему «позволено было солить отсылаемую им рыбу своей солью». Следовательно, Кият-хан уже тогда ставил вопрос об установлении монополии на поставку рыбы и о санкционировании своих прав со стороны России. Он откровенно признавался, что только после этого народ будет «иметь настоящую причину признавать меня за старшего»[6].

---

[1] Русский архив, 1888, № 3, с. 71.

[2] *Рыбин В.* Море согласия, кн. 1. Ашхабад, 1969; кн. 2, 1971.

[3] *Агаев Х.* Взаимоотношения прикаспийских туркмен с Россией в XIX в. Ашхабад, 1965, с. 42—44; *Каррыев А., Рослякова А. А.* Краткий очерк истории Туркменистана (1868—1917 гг.). Ашхабад, 1957, с. 23—25.

[4] *Муравьев Н. Н.* Указ. раб., с. 399—400.

[5] Русско-туркменские отношения..., с. 234.

[6] Там же, с. 234—235.

А. П. Ермолов, конечно, согласился с желаниями Кият-хана и в письме от 26 марта 1821 г. заверил его от имени правительства, что ему весьма приятно иметь в лице Кият-хана «единственного посредника» в туркменских делах. Начальнику экспедиции Н. Н. Муравьеву он поручил предоставить Кият-хану «всякие выгоды»[1], что им и было исполнено. Более того, 24 октября 1821 г. Н. Н. Муравьев обратился с воззванием к туркменскому народу, в котором посоветовал «собраться под начальство единого из вас, вами избранного, коего ум, опытность и честность были бы вам известны». Н. Н. Муравьев не ограничивался этим прозрачным намеком; он прямо назвал имя Кият-хана в качестве «единого» и просил «отдать ему должное почтение»[2]. В результате власть Кият-хана в народе «прибавилась» не только на Челекене, но и в советах туркменских старшин междуречья Атрека и Гургена, где он пользовался значительным влиянием[3]. Таким образом, благодаря активной поддержке России и незаурядным способностям уже в 20-е гг. XIX в. Кият-хан приобрел влияние и авторитет, которые переросли обычные прерогативы власти аксакала или старшины.

Наиболее бурная предпринимательская деятельность Кият-хана начинается в связи с его вступлением в конкуренцию с астраханским купцом 1-й гильдии Мир Абуталиб Мир-Багировым[4]. Вначале она носила форму несколько завуалированного противоборства двух преуспевающих купцов. Но постепенно, выходя за рамки борьбы торговых конкурентов, начала принимать характер враждебных действий, так или иначе затрагивала интересы туркменского населения юго-восточного побережья Каспийского моря.

Семья Мир-Багировых жила в Фендериске по соседству с йомудами и имела давние враждебные отношения со старшинами коджук-татаров и ган-ёкмаз, а

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 235.

[2] *Муравьев Н. Н.* Указ. раб., с. 417.

[3] Русско-туркменские отношения..., с. 242.

[4] По происхождению персиянин из Ленгеруда, вначале судовщик, затем увлекся торговлей и постепенно превратился в богатого купца, а в связи с расширением торговых связей с Россией впоследствии принял ее подданство и переехал в Астрахань. Через своих влиятельных братьев Мир-Садыка, Мир-Ибрагима и Мир-Таги поддерживал широкие связи с шахским правительством Ирана (ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 1085, л. 4—5).

через них и со всем племенем. Дело в том, что отец Мир-Багировых Мирза Наги-хан, будучи правителем своего округа, соблазнил туркменскую девушку, увез ее и женился. Через год он имел неосторожность отпустить ее к родителям, и уязвленные йомуды убили ее и откочевали в Хиву. Через несколько лет после того, как Фатх Али-шах осудил Мирза Наги-хана и когда йомуды получили приглашение Мирза Наги-хана, признавшего свою вину в том, что нарушил их обычаи и оскорбил честь племени, они вернулись в свои места. Здесь Мирза Наги-хан внезапно напал на них, захватил женщин, которых и казнил в отмщение за смерть жены. Об этом в начале 40-х гг. рассказывал один из братьев Мир-Багировых Мир-Садык (правитель восточноастрабадских округов и гокленских земель) посетившему его русскому дипломату К. Боде. При этом он не без удовольствия говорил о том, что «так глубоко вкоренен в груди персиянина закон мести» и только так можно повлиять на йомудов—на «этих грубых сынов природы»[1]. После этого вражда между семьей Мир-Багировых и йомудами приняла постоянный характер, и они не осмеливались посещать йомудские кочевья.

Конфликт между Кият-ханом и Мир-Багировым впервые получил огласку весной 1826 г. Это было связано с тем, что наместник Мазандерана издал фирман об отдаче Мир-Багирову на откуп рыболовных промыслов, принадлежащих туркменам, сроком на 10 лет с ежегодной выплатой 1650 руб. (165 тавризских туманов). Фирман вызвал протест туркмен. В письме астраханскому губернатору от 19 июля 1826 г. они категорически заявили: «Залив наш, рыба наша, рыбу ловим мы, рыбу продаем мы, шах-заде до того никакого дела нет»[2]. В связи с разрывом и войной с Ираном Россия в 1826—1828 гг. поддерживала справедливые претензии прибрежных туркмен и вплоть до 1830 г. рыболовные промыслы оставались в их руках[3].

За эти годы Кият-хан превратился в крупного предпринимателя: его торговые обороты исчислялись десятками тысяч рублей. В основном он занимался добычей нефти и соли на Челекене и сбытом их на месте. Кроме

---

[1] *Боде К.* Очерки туркменской земли..., с. 56—58.
[2] Русско-туркменские отношения..., с. 255—256.
[3] Там же, с. 257, 263.

того, на десятках киржимах вывозил нефть и соль в североиранские провинции Астрабад, Мазандеран, Гиляи[1]. Г. С. Карелин[2] сообщает, что на Челекене находится более 3 тыс. нефтяных колодцев, а поблизости от него — «неистощимые пласты каменной соли отличного качества», что в 1835 г. туркмены продали в Северном Иране 135 тыс. пудов соли[3]. Львиная доля этой торговли проходила через руки Кият-хана и его сыновей. Помимо того, караванами вывозили нефтагиль (озокерит) в Хиву. В Астрахани Кият-хан сбывал бочками рыбу, икру, рыбный клей, продавал тысячами бухарские мерлушки, хивинский порох и другие товары и там же заказывал деревянные дома, судна, покупал муку, разные ткани, сахар, предметы домашней утвари и т. п.[4] Кроме того, он занимался покупкой и вывозом на Кавказ породистых туркменских коней[5].

Все это показывает, что торговые операции Кият-хана были довольно разнородными и охватывали обширный район по бассейну Каспийского моря. Вплоть до середины 30-х гг. XIX в. он почти свободно пользовался емким рынком для сбыта нефти и соли в Северном Иране.

В связи с возобновлением контракта между братьями Мир-Багировыми и астрабадскими правителями об откупе рыболовных промыслов (в апреле 1833 г. на 7 лет)[6] и вторично в марте 1835 г.[7] (на 10 лет) борьба между ними и Кият-ханом разгорелась с новой силой.

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 290—292.

[2] *Г. С. Карелин* (1801—1872) — начальник экспедиций 1832 и 1836 гг. к туркменским берегам Каспийского моря, дворянин, работал в канцелярии А. Аракчеева, за известную эпиграмму на своего патрона («Бес. лести предан») сослан в Оренбург. Г. С. Карелин увлекался естествознанием, совершил поездки по разным краям Урала, Казахстана, Алтая и др. В 1852 г. он переехал в Гурьев, где прожил безвыездно 20 лет. Случившийся в его квартире незадолго до смерти пожар истребил многие его рукописи, в том числе рисунки и эскизы по этнографии туркмен. Сохранилась рукопись его журнала экспедиции 1836 г., которая была опубликована в 1883 г.

[3] *Карелин Г. С.* Путешествия по Каспийскому морю. — ЗИРГО. По общей географии, 1883, т. 10, с. 172.

[4] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 469, л. 18—19.

[5] Там же, д. 877, л. 1—50. Конкуренты и противники Кият-хана обычно приписывают ему разбой и работорговлю, но доступные нам источники не подтверждают этого.

[6] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 469, л. 85.

[7] Там же, л. 91.

По контракту 1835 г. братьям Мир-Багировым отводились воды не только устьев рек Карасу и Гургеи, но и Гасан-Кулийского залива за откупную сумму в 10 тыс. руб., которые должны были поступить в канцелярию шах-заде Ардашир Мирзы. Помимо этого, братья Мир-Багировы в том же году заключили отдельный договор с некоторыми старшинами прибрежных туркмен (джафарбайцев) об откупе на 10 лет рыболовных промыслов в тех же водах за ежегодную плату 650 руб. на шахские деньги[1]. Таким образом, Мир-Багировы фактически платили за откуп рыболовных промыслов одновременно двум хозяевам.

Подобные действия Мир-Багировых не могли не ущемлять торгово-экономических интересов Кият-хана, его сыновей и вызвали резкое столкновение двух противоборствующих сторон. Дело в том, что уже в начале 1835 г. Кият-хан и его сторонники от своего имени заключили «промышленный договор» с другим астраханским купцом А. Герасимовым, по которому ему были отданы на откуп те же самые воды, на которые заключили контракт Мир-Багировы. По этому договору туркмены обязались ловить рыбу, приготовлять клей и икру только для А. Герасимова[2]. Итак, с туркменами было одновременно заключено два договора на одни и те же рыболовные промыслы двумя астраханскими купцами. Это явилось в будущем причиной жестоких схваток, в которых не последняя роль принадлежала Кият-хану и его сыновьям.

Поводом к началу ожесточенной борьбы послужила поездка Кият-хана в Тифлис в июле 1835 г. для подачи жалобы кавказскому наместнику Г. В. Розену на действия братьев Мир-Багировых. При этом Кият-хан предъявил наместнику расписку Мир-Багирова на 13 916 руб., от уплаты которых тот уклонялся, и просил взыскать указанную сумму со счетов этого купца[3]. Но Мир-Багиров так и не вернул эти деньги Кият-хану[4]. В

---

[1] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 469, л. 91—92.

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 294.

[3] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 469, л. 3—15, 18—19, 22—23. Кият-хан и раньше жаловался на неаккуратность Мир-Багирова во взаимных расчетах: в 1821 г. А. П. Ермолову предъявил расписку его и просил взыскать указанную сумму, а в 1830 г. — на «разные своевольства сего человека» (*Муравьев Н. Н.* Указ. раб., с. 71—92).

[4] Русско-туркменские отношения..., с. 347—348.

своем письме Кият-хан сообщает, что он отдал А. Герасимову «означенные воды в десятилетнее содержание» с тем, чтобы туркмены выделывали рыбу и сдавали А. Герасимову «совсем уже готовую, не препятствуя, однако, и самому ему обрабатывать ловимую рыбу собственными людьми и материалами»[1]. В данном случае Кият-хан выступает как самостоятельное юридическое лицо и подчеркивает, что именно он сдавал рыболовные промыслы на откуп. Указывая, что Мир-Багиров, заключив контракт с правительством Ирана, переступил за черту речки Карасу, составляющей границу между туркменами и персами, и продолжает производить лов рыбы, Кият-хан просил у кавказского начальника, чтобы «своевольство и дерзости Багирова были пресечены, а доброе предложение Герасимова было одобрено...»[2]. Сообщая, что Мир-Багиров действует недозволенными методами, он намекает, что нашел бы средство остановить его произвол, но «терпеливо сносил самоуправство Багирова» лишь потому, что тот является русскоподданным. В частности, Кият-хан пишет, что Мир-Багиров распустил среди туркмен слухи, что он в Иране — шах и шах-заде, а в России — государь и наместник, что он знать никого не хочет и т. д. Далее он указывает, что хотя эти слухи нелепые, но они «действуют невыгодно на простой кочующий народ и отдаляют его от русских»[3].

Данное письмо Кият-хана вызвало оживленную переписку между различными инстанциями русских властей и в эту борьбу так или иначе оказались вовлеченными астраханский губернатор Н. С. Тимирязев, наместник Кавказа Г. В. Розен, российский полномочный министр в Иране граф И. О. Симонич, управляющий Азиатским департаментом МИД К. К. Родофиникин, министр финансов Е. Ф. Канкрин, вице-канцлер К. В. Нессельроде и даже Николай I[4]. Самое активное участие в переписке принимал начальник экспедиции к юго-восточным берегам Каспийского моря Г. С. Карелин. Впрочем, Г. В. Розен, Г. С. Карелин и Н. С. Тимирязев занимали в этом вопросе диаметрально противоположные позиции. Первые целиком поддерживали

---

[1] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 469, л. 22—23.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Русско-туркменские отношения..., с. 290—320.

Кият-хана и А. Герасимова, а Н. С. Тимирязев неизменно держал сторону Мир-Багирова.

Приведенные факты показывают большие заслуги Кият-хана в налаживании торгово-экономических связей прибрежных туркмен с русским купечеством. Планы и намерения Кият-хана открывали выгодные перспективы как для русских купцов, так и для развития рыболовных промыслов, добычи нефти, озокерита и соли у туркмен. Заслуги Кият-хана в этом деле отмечает кавказский наместник Г. В. Розен. «Кият-бек, — писал он, — первый открыл русскому купцу Герасимову возможность вступить в промышленные и торговые сношения с туркменами, обитающими на восточном берегу Каспийского моря и заключить даже с ними контракт на поставку рыбы и клея... Благодаря Кияту туркмены сии только и желали одного, чтобы вести с нами теснейшие торговые и промышленные связи»[1]. Заключение «промышленного договора», по которому туркмены в течение 10 лет обязывались поставлять рыбу и рыбную продукцию в неограниченном количестве за наличный расчет и в обмен на разные продукты и товары, это, несомненно, новый этап в развитии торгово-экономических связей туркмен с Россией. Это — не просто продуктообмен от случая к случаю, а систематическая торговля по контракту, на договорной основе, рассчитанная на перспективу.

Возникает вопрос, что именно так сильно привлекало астраханских купцов в туркменских рыболовных промыслах. На этот вопрос отвечает Г. С. Карелин. «С марта месяца, — пишет он, — залив наполняется красною рыбою, т. е. белугами, осетрами, севрюгами и шипами. В это время их уже не ловят сетями, но прямо с берега, стоя в воде по колено, таскают баграми. Вообще можно сказать, что... пространство прибрежий, заключающихся между устьями речек Карасу, Гюргена и Атрека, по рыболовству не имеет себе подобных, превосходя Саляны и даже волжские устья»[2]. Именно такое обилие ценнейших пород рыбы, наличие свободных и опытных рабочих рук у прибрежных джафарбайцев, близость почти бесплатной соли привлекали вожделенное внимание купцов к этому богатому источнику наживы и обогащения.

---

[1] ЦГВИА СССР, ф. 423, оп. 1, д. 147, л. 47.

[2] *Карелин Г. С.* Указ. раб., с. 252.

В ответ на жалобу Кият-хана Мир-Багиров предпринял серию энергичных действий. 22 февраля 1836 г. он написал прошение на имя Г. В. Розена. В напыщенном тоне и за завесой вычурных фраз легко можно обнаружить, что Мир-Багиров был слишком богатым человеком и чуть ли ни один содержал Астраханскую губернию[1]. Всячески превознося свои заслуги перед Россией, он не жалел красок, чтобы очернить Кият-хана, опорочить его действия как купца и как человека, пользовавшегося покровительством России. По словам Мир-Багирова, Кият-хан «не имеет ничего священного, кроме ненасытного корыстолюбия», и все его претензии к нему — результат «личного неудовольствия и возмездия», что он вынужден был принимать «меры оборонительного ограждения против Кията» и т. д.[2] В объяснительной записке на имя астраханского губернатора Н. С. Тимирязева Мир-Багиров пишет, что он всегда способствует общему благу, что «выгода казны была, как и всегда, впереди его собственной», что поэтому он постоянно несет убытки, что он всегда шел «путем прямым, открытым, путем правды и чести» и т. д. Мир-Багиров не скрывал огромные масштабы своей торговли и писал: «Имею благосостояние, более чем обеспечивающее мою будущность, ибо обороты мои превышают более чем половинный капитал всей персидской торговли, что подтвердят отчеты таможни»[3].

Мир-Багиров, действительно, играл в то время ведущую роль в русско-иранской торговле, и если в 1828 г. его торговый оборот составил 170 тыс. руб., то к 1839 г. достиг 732 тыс. руб.[4] Представляя свою купеческую деятельность в выгодном свете, Мир-Багиров всячески принижает значение Кият-хана и его «какого-то парода», непристойно высказывается в адрес купца А. Герасимова, их называет «жалкими соперниками», а контракт между ними «мелочною промышленностью»[5]. Мир-Багиров хотел показать себя незаслуженно обижен-

---

[1] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 469, л. 117—129.
[2] Там же.
[3] Там же, д. 540, л. 19—25.
[4] *Каррыев А.* Туркменские племена в первой половине XIX в. и их борьба против агрессии хивинских ханов и иранских шахов. Док. дис. М., 1947, с. 155.
[5] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 540, л. 19—25.

ным человеком и недвусмысленно намекал Н. С. Тимирязеву, что действия Кият-хана и А. Герасимова «невольно могут ослабить... обильного источника выгод правительства»[1].

Мир-Багиров через своего брата Мир-Садыка хотел повлиять на Г. С. Карелина. В июне 1836 г. Мир-Садык дважды посетил судно Г. С. Карелина, жаловался на А. Герасимова, старался поссорить его с Якшимухаммедом, уверяя, что ему «из добрых рук известно» о замышляемой им против Г. С. Карелина измене, что главные йомудские старшины подкуплены хивинским ханом, что ему «не миновать неволи, а может и мучительной смерти». Убедившись в бесполезности своих усилий, Мир-Садык уехал недовольный и промолвил, что брат его «сильный у персидского двора» и непременно будет жаловаться на Г. С. Карелина, если тот немедленно не удалит А. Герасимова из Гасан-Кулийского залива, шахом ему пожалованного[2]. Мир-Садык попытался использовать против Г. С. Карелина и туркменских старшин, обещая им золотые горы. Но все вызванные к астрабадскому правителю старшины (за исключением одного) отказались помочь ему[3].

Помимо всего этого, Мир-Багиров тайно переманивал к себе на рыбные промыслы близ Энзели русских солдат и беглых лиц из Астраханской губернии и Кавказа[4], заставлял лоцманов и рабочих своих судов давать ложные показания о якобы имевших место истязаниях, которым подвергались они со стороны Кият-хана и его родственников[5], спровоцировал отдельных туркмен на уничтожение и сжигание рыболовных судов А. Герасимова[6] и т. д. В действительности Мир-Багиров и его брат Мир-Садык захватывали лоцманов и рабочих с судов А. Герасимова, в цепях водили их по г. Сары, грозили, «что повесят, выколют глаза и сдерут с них кожу», заставляли давать ложные показания против А. Герасимова, Кият-хана, под виселицей вынуждали

---

[1] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 540, л. 19—25.
[2] *Карелин Г. С.* Указ. раб., с. 227.
[3] Там же, с. 237—238.
[4] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 469, л. 101—104.
[5] Там же, д. 696, л. 3—5.
[6] Там же, д. 469, л. 129—130.

принимать мусульманскую веру и т. п.[1] Они часто допускали произвол и в отношении тех туркмен, которые ловили и доставляли им рыбу: никогда точно не выполняли условий контракта, своевременно не выплачивали за товар; брали туркмен в аманаты (заложники), которых держали на судах или у Мир-Садыка. В случае проявления недовольства со стороны поставщиков рыбы подвергали их избиениям, угрожали висслицей, а аманатов сдавали иранским властям, в результате чего они либо освобождались за огромный выкуп, либо погибали от тяжких истязаний[2].

Аппетиты Мир-Багирова были поистине безграничными. В феврале 1836 г. он в записке на имя Н. С. Тимирязева поставил вопрос об изгнании Кият-хана с о. Челекен и об отдаче его на откуп Мир-Багирову. Это требование Мир-Багиров основывал на том, что Кият-хан, будучи в 1820 г. в Астрахани, научился изъясняться по-русски; всмотрелся в свойство торговых дел, отправился через три года на родину и завладел богатствами о. Челекен. Он с завистью писал, что Кият-хан, побывав несколько раз в Тифлисе добился «особенного к нему благорасположения российского правительства», был пожалован золотой медалью, что также является «знаком благоволения», в силу чего природные источники о. Челекен «обращаются в собственную корысть одного туркменца Кията». Мир-Багиров пишет, что широкие торговые операции Кият-хана по сбыту нефти и соли подрывают другие российские оброчные откупные промыслы, в частности бакинскую нефть. Поэтому он предлагает отнять у Кият-хана о. Челекен и отдать ему на 4-летний откуп, за что согласен платить в год по 40 тыс. руб. в государственную казну и обещает «открыть полезнейших видов для России»[3]. Таким образом, борьба между конкурентами с каждым днем обострялась и начала принимать характер враждебных актов. Исход этой борьбы в конечном счете зависел от позиции царских властей и поэтому небезынтересно остановиться на этом вопросе.

Астраханский губернатор Н. С. Тимирязев поддерживал купца Мир-Багирова и до конца рьяно защищал

---

[1] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 469, л. 145—152.
[2] Русско-туркменские отношения..., с. 232—233.
[3] Там же, с. 291—292.

его интересы. Он начал с того, что в июне 1835 г. приказал отобрать у купца А. Герасимова все привезенные на его судах товары (рыбу, клей, икру), отдать под суд и описать все его состояние (два каменных дома, склады, рыболовные суда и пр.). В результате этих мер А. Герасимов понес большие убытки, т. к. товар, на который был наложен секвестер, вскоре испортился и сгнил[1]. Астраханский губернатор принял такие крутые меры по просьбе Мир-Багирова[2]. Более того, он просил полномочного министра в Иране графа И. О. Симонича объяснить, имеют ли туркмены Гасан-Кули и Кюмиш-Тепе право распоряжаться прибрежными водами без согласия шахского правительства. И. О. Симонич, в свою очередь, обратился с тем же вопросом к министру иностранных дел Ирана Мирзе Масуду и получил ответ (как и следовало ожидать), что «все туркмены суть подданные Персии и не имеют права располагать водами без особенного на то разрешения от астрабадского правителя»[3]. И. О. Симонич даже согласился засвидетельствовать от имени российской миссии в Тегеране акт, представленный Мир-Багировым на откуп астрабадских вод.

Астраханский губернатор, получив вышеуказанный отзыв о правах туркмен на прибрежные воды, не только отказался вернуть А. Герасимову секвестированное имущество, но и приказал опубликовать по Астрахани объявление о том, что все туркменские племена подвластны Ирану, чтобы «никто не осмеливался ходить в туркменские воды», а А. Герасимову было объявлено, что его контракт с туркменами уничтожен[4].

А. Герасимов, будучи твердо уверенным в правоте своих действий, полагал, что несправедливый приговор астраханского губернатора является временным недоразумением или ошибкой присутственного места, и приготовил тем временем, согласно договору с туркменами, 6 мореходных судов со всеми припасами, стоивших ему большей части капитала. Но астраханский губернатор упорствовал в своих незаконных действиях и обязал А. Герасимова подпиской «ни под каким предлогом не принимать и не покупать» рыбных товаров в тех мес-

---

[1] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 469, л. 145—152.
[2] Русско-туркменские отношения..., с. 294.
[3] Там же, с. 295.
[4] Там же.

тах, на которые претендовал Мир-Багиров. Губернское правление вызвало в Астрахань и всех лоцманов А. Герасимова, которых также вынудили отказаться от поездки к туркменским берегам. К тому же Н. С. Тимирязев умышленно затягивал время и, пока все это продолжалось, наступила зима. Таким образом, «А. Герасимов увидел себя в печальной необходимости нарушить договор с туркменами, ожидавшими его по условию осенью, обратить труды их ни во что и лишиться... до полумиллиона рублей в разных по проискам Багирова убытках»[1]. А. Герасимов был в отчаянии, на грани неизбежного и окончательного банкротства, т. к. после опубликования по городу указанного выше объявления лишился доверия всех своих кредиторов[2].

Туркмены, действительно, ждали суда А. Герасимова осенью 1835 г., и вся почти наловленная ими рыба испортилась. Между тем Мир-Багиров через Мир-Садыка старался их уверить, что А. Герасимов обманул и нарушил контракт с ними и просил, чтобы они отдали ему приготовленную для А. Герасимова рыбу, заявляя, что «А. Герасимова не будет, а... рыба вся пропадет даром». Часть туркмен, не дождавшись судов А. Герасимова, весной 1836 г. продала Мир-Багирову то, что было приготовлено для А. Герасимова[3].

В этот критический момент в дела А. Герасимова по его просьбе вмешался Г. С. Карелин, облеченный значительными полномочиями как начальник секретной экспедиции. А. Герасимов умолял Г. С. Карелина спасти его и выразил согласие на любые условия. Г. С. Карелин считал, что действия А. Герасимова соответствуют целям и задачам его экспедиции и поэтому «взял его сторону и заключил с ним контракт», по которому А. Герасимов отдал в наем четыре своих судна в распоряжение экспедиции. Г. С. Карелин имел также «неприятную переписку» с астраханским губернатором по поводу его незаконных действий в отношении купца А. Герасимова. Более того, он от своего имени ходатайствовал перед кавказским наместником Г. В. Розеном «вразумить астраханское губернское правление в важности сделанной им к государственному вреду

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 294.
[2] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 469, л. 148—152.
[3] Русско-туркменские отношения..., с. 307.

ошибки» и разрешить А. Герасимову лов рыбы в искони свободных туркменских водах, возобновить контракт, заключенный им с Кият-беком. В заключение Г. С. Карелин писал, что если бы он согласился с позицией астраханского губернатора по данному вопросу или опубликованным по г. Астрахани объявлением, согласно которому все туркмены считаются подданными Ирана, то ему нечего было бы предпринимать «высочайше повеленную экспедицию»[1].

Можно предположить, что астраханский губернатор Н. С. Тимирязев был подкуплен Мир-Багировым, хотя в документах и нет прямых указаний на этот счет, но различных намеков больше чем достаточно. Прежде всего, Мир-Багиров в письме Н. С. Тимирязеву (октябрь 1836 г.) напоминает ему об «обильном источнике выгод», который может иссякнуть в случае, если он не найдет удовлетворения в споре с А. Герасимовым[2]. Далее Г. С. Карелин подозревает Н. С. Тимирязева в темных связях с Мир-Багировым и в конфиденциальном письме на имя министра финансов Е. Ф. Канкрина от 27 ноября 1835 г. он просит его «не говорить ни слова из написанного астраханскому военному губернатору Тимирязеву», ибо тот «большой приятель» с купцом Мир-Багировым, который «опутал бедного губернатора кругом»[3]. И, наконец, кавказский наместник Г. В. Розен[4] не без основания писал, что Мир-Багиров «давая взятки направо и налево, чтобы ловить рыбу в мутной воде»[5]. Все это настораживает и наталкивает на мысль, что позиция и действия Н. С. Тимирязева в конкурентной борьбе астраханских купцов были слишком пристрастными.

Сведения о тяжбе между Мир-Багировым, А. Герасимовым и Кият-ханом весной 1836 г. дошли до вице-канцлера К. В. Нессельроде. Он имел по этому вопросу переписку с бароном Г. В. Розеном. В письме от 18 ап-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 296.

[2] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 540, л. 24—25.

[3] Русско-туркменские отношения..., с. 288.

[4] Г. В. Розен считал, что Мир-Багиров — человек нечистой руки и особого доверия заслуживать не может; в качестве примера его нечестности указывает на то, что в 1831 г. он подпал под суд за присвоение сундука с деньгами, доверенного ему приказчиками купцов Посилиных во время холеры в Гиляне (ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 469, л. 168).

[5] *Каррыев А.* Указ. раб., с. 165.

реля 1836 г. К. В. Нессельроде писал, что в установлении тесных связей с прибрежными туркменами правительство считает самым лучшим и верным средством всемерное поощрение промышленников и купцов к всесторонним торговым сношениям с туркменами. Далее он отмечает, что попытка купца А. Герасимова в этом деле, «во всех отношениях полезная и заслуживающая одобрения, нашла при самом начале своем преткновение в домогательствах некоего... Мир-Багирова»[1]; по настояниям Мир-Багирова губернатор Н. С. Тимирязев уничтожил утвержденный до этого Г. В. Розеном контракт А. Герасимова и Кият-хана на поставку рыбы и рыбных товаров; ему неизвестно, на чем Н. С. Тимирязев основывает «учинение подобного решения, клонящегося не только к гибели одного русского купца, но ко вреду всей отечественной промышленности»[2].

Для более четкого выяснения позиции царского правительства в данном вопросе приведем следующий отрывок из того же письма К. В. Нессельроде: «Не понимаю, как отзыв графа Симонича мог послужить достаточным поводом к устранению русских промышленников от всякого сношения с туркменами и к признанию сих последних персидскими подданными, и еще менее постигаю, по какому праву Астраханское губернское правление без сношения с высшим правительством взяло на себя решение такого вопроса, где замешаны не одни частные интересы, но и польза государственная и даже высшие политические соображения»[3]. В заключение К. В. Нессельроде просит Г. В. Розена сообщить свое мнение и указывает, что его отзыв будет служить ему «руководством для дальнейших распоряжений по сему важному делу»[4].

В административном отношении кавказский наместник стоял выше, чем астраханский губернатор, а в вопросах внешней и военной политики последний непосредственно подчинялся наместнику. Барон Г. В. Розен в своем ответе К. В. Нессельроде от 14 мая 1836 г., выдержанном в весьма резком тоне, считает доводы Астраханского губернского правления неосновательными и

---

[1] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 469, л. 163—164.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

добавляет: «Я не постигаю, как можно было отдать под суд А. Герасимова, находившегося еще в море, не отобрав от него предварительного объяснения и не сделав очной ставки Багирову с понятыми, вызванными А. Герасимовым»[1]. По мнению Г. В. Розена, Мир-Багиров в одном лице представлял обвинителя и свидетеля, а А. Герасимов не мог и не был обязан знать границы вод, принадлежащих якобы Мир-Багирову, и поэтому «необходимо, нужно ввести А. Герасимова в его права»[2]. Козлом отпущения,по мнению Г. В. Розена, должен стать Кият-хан, и иск Мир-Багирова должен быть адресован именно к нему, а не к А. Герасимову, что А. Герасимов в этом деле «ответствовать не должен, а виноват Кият-хан»[3].

Таким образом, царское правительство, с одной стороны, всячески стремилось расширить торговые, промысловые и экономические связи с прибрежными туркменами, с другой, — оно рьяно защищало интересы только российских купцов, принося в жертву им интересы местных купцов и населения. В 1838 г. вопрос о взаимоотношениях Мир-Багирова, А. Герасимова и Кият-хана обсуждался на заседании Азиатского комитета МИД, на котором было принято очень осторожное решение примирительного характера[4]. Это, видимо, объясняется тем, что Мир-Багирову удалось оградить себя в Астрахани поистине свинцовой стеной, которую не могли пробить барон Г. В. Розен, министр Е. Ф. Канкрин и вице-канцлер К. В. Нессельроде, не говоря уже об усилиях Г. С. Карелина. Правда, К. В. Нессельроде в отношении на имя Е. Ф. Канкрина сообщил, что «по разным соображениям» он полагает решительно отказать Мир-Багирову «в его домогательстве о предоставлении в его распоряжение означенного острова (Челекен), ибо все его виды клонятся к тому, чтобы... всю каспийскую торговлю забрать в свои руки, в чем отчасти уже и успел своими происками»[5]. К. В. Нессельроде считал гораздо полезнее «оставить остров Челекен в руках преданного туркменского старшины Кията, нежели отдавать в распоряжение хитро-

---

[1] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 469, л. 165—167.
[2] Там же, л. 171.
[3] Там же, л. 169.
[4] *Каррыев Л.* Указ. раб., с. 188.
[5] Русско-туркменские отношения..., с. 319.

го Мир-Багирова», которого Министерство иностранных дел имело основательные причины подозревать в тайных сношениях против России[1].

Однако конкурентная борьба между купцами на этом не закончилась. Мир-Багиров действовал на два фронта и добивался уничтожения своих конкурентов, особенно Кият-хана, как с помощью царских властей, так и с помощью шахского правительства Ирана. В конце 1836 — начале 1837 г. по наущению Мир-Багирова и Мир-Садыка Мухаммед-шах организовал и лично возглавил карательную экспедицию против прибрежных йомудов[2]. Поводом к данному походу Мухаммед-шаха послужила подача йомудами летом 1836 г. прошения на имя царя с просьбой о принятии в подданство России[3]. Шахские власти укоряли йомудов, говоря им: «Вы в другой земле государя ищете и в прошлом году сделались подданными, подав от всего йомудского племени о том просьбу. Мы узнали о том и теперь всячески будем теснить вас»[4]. При этом шах прибег к обычной тактике обмана, заявляя, что вовсе не намерен воевать, а хочет только проехать по их земле в Хиву[5]. В результате внезапного и вероломного нападения шахским войскам удалось увести много пленных, угнать тысячи голов рогатого скота, верблюдов, лошадей, баранов, сжечь посевы и жилища туркмен-земледельцев.

Сообщая обо всем этом кавказскому наместнику, старший сын Кият-хана Якшимухаммед-бек просит его оказать помощь хлебом населению, подвергшемуся разорению[6], и снабдить туркмен ружьями и пушками[7]. Шахские войска, по-видимому, хотели схватить Кият-хана и его сыновей, так как Якшимухаммед, находившийся в Гасан-Кули, спасся с семьей на судах купца А. Герасимова[8]. Второй сын Кият-хана Кадырмухаммед-бек в письме Г. С. Карелину от 7 апреля 1837 г.

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 320.
[2] АВПР, ф. Гл. арх. 1—9, 1837—1843, д. 12, л. 1—3.
[3] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 469, л. 186—187.
[4] Русско-туркменские отношения..., с. 328.
[5] АВПР, ф. Гл. арх. 1—9, 1837—1843, д. 12, л. 1—3.
[6] В июле 1837 г. по указанию Николая I из астраханского провиантского склада йомудам было отпущено бесплатно 6600 пудов муки на 3938 руб. (Русско-туркменские отношения..., с. 326—327, 335).
[7] Русско-туркменские отношения..., с. 321—322.
[8] АВПР, ф. Гл. арх. 1—9, 1837—1843, д. 12, л. 1—3.

сообщает, что когда шахские войска приближались к Атреку, то его «родственное племя нурали поостереглось» и предприняло меры предосторожности[1]. Поэтому поход Мухаммед-шаха против йомудов, организованный по просьбе Мир-Багирова и Мир-Садыка[2], не достиг одной из основных целей — захвата Кият-хана и его сыновей.

Мир-Багиров и его братья продолжали враждебные действия против Кият-хана, его сыновей, а также А. Герасимова и в последующие годы. В апреле 1837 г. Мир-Багиров приплыл на своем судне «Самед», вооруженном пушками, к туркменским берегам и, разъезжая под русским флагом, угрожал туркменам, заявляя, что «придет на судах своих с персидским отрядом к Серебряному бугру и Гасан-Кулийскому селению для совершенного истребления жителей и всех их запасов, если (они) станут долее упорствовать и не (будут) доставлять к нему рыбу, клей и икру»[3]. И он, действительно, прибыл на судах в местечко Ходжа-Нефес, стрелял из пушек по туркменским лодкам, разорил рыболовный сарай Кият-хана и его родственников, забрал хранившуюся в нем рыбу и икру, а также рыболовные снасти, а брат Мир-Багирова, Мир-Садык, заявил при этом, что если туркмены будут производить лов рыбы для купца А. Герасимова или других русских купцов, то он «завсегда будет притеснять и захватывать их». Он держал специальные вооруженные мореходные суда, на которых плавали русские беглые солдаты. Кроме того, распространял среди туркмен слухи, что если кто-либо из них будет жаловаться командирам русских судов на действия его брата, то они задержат и передадут их шахскому правительству[4].

Кият-хан и его сыновья, будучи уверенными в защите своих интересов со стороны царских властей, то и дело обращались с просьбами и прошениями в различные инстанции вплоть до Азиатского департамента МИД. В июне 1837 г. Кадырмухаммед-бек обратился

---

[1] АВПР, ф. Гл. арх. 1—9, 1837—1843, д. 12, л. 1—3.

[2] В прошении на имя Н. С. Тимирязева от 12 июня 1837 г. Кадырмухаммед-бек прямо указывает, что в конце 1836 г. Мир-Садык «изменнически ввел персидские войска на туркменские земли и был прямою причиною претерпенных нами бедствий...» (ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 469, л. 182—184).

[3] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 469, л. 182—184.

[4] Русско-туркменские отношения..., с. 331—335.

с прошением даже к Н. С. Тимирязеву, не подозревая его в том, что он «вообще не благоволит к Кият-беку»[1] и заявил, что Мир-Багиров не перестает «различными ухищрениями присваивать нашу собственность, а в Астрахани увертывается от заслуженного наказания»[2]. Однако астраханское начальство пренебрегло этим прошением, и Кадырмухаммед вскоре убедился в том, что позиции Мир-Багирова в Астрахани неуязвимы и в глазах Н. С. Тимирязева он «виновным быть не может или, по крайней мере, не должен»[3]. В прошении, поданном Азиатскому департаменту, Кадырмухаммед-бек уже смело обвиняет астраханского губернатора в пристрастной поддержке Мир-Багирова, что ему «все сойдет с рук, и он по обыкновению будет оправдан астраханским начальством»[4].

20 июля 1837 г. Кадырмухаммед-бек прибыл в Петербург для личного представления царю «нужд и желаний народа»[5] и остался там до 11 октября того же года (до возвращения Николая I из путешествия). Н. С. Тимирязев всячески препятствовал выезду Кадырмухаммеда из Астрахани, т. к. его поездка в Петербург не была одобрена астраханским начальством. В своих письмах и донесениях К. В. Нессельроде Н. С. Тимирязев представил ему спор между купцами в противоположном аспекте. Прилагая все старания к реабилитации своего протеже Мир-Багирова, астраханский губернатор неодобрительно отзывался о Г. С. Карелине, А. Герасимове, Кият-хане и Кадырмухаммед-беке, упоминал об их жалобе на Карантинное управление (фактически на Н. С. Тимирязева)[6]. Однако вопреки его воле поездка Кадырмухаммеда в Петербург состоялась. К. В. Нессельроде и Родофиникин поручили Г. С. Карелину организацию поездки Кадырмухаммед-бека, выражая тем самым недоверие Н. С. Тимирязеву. Кадырмухаммед-бек прибыл в Петербург в сопровождении А. Герасимова. Следует отметить, что пребывание Кадырмухаммеда в Петербурге ничего не дало, кроме

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 299.
[2] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 469, л. 182—184.
[3] Там же, л. 181.
[4] АВПР, ф. Гл. арх. 1—9, 1837—1843, д. 12, л. 19.
[5] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 469, л. 182.
[6] АВПР, ф. Гл. арх. 1—9, 1837—1843, д. 12, л. 8—13.

изъявлений любезностей и подарков в виде золотого кинжала, нескольких кусков сукна и разной парчи[1].

Бесплодный исход поездки Кадырмухаммеда в Петербург объясняется тем, что накануне его приезда в мае 1837 г. Николай I дал согласие на просьбу шахского правительства о том, чтобы пространство к северу от речки Карасу вплоть до Атрека было объявлено принадлежащим Ирану[2]. Это недоразумение явилось результатом тупой и узколобой политики царя и его волюнтаристского подхода к решению важных политических вопросов. Только спустя много лет (после смерти Николая I) выяснилось, что это произошло благодаря плохому знанию царем географии и полнейшему отсутствию сведений о туркменах и Туркмении. Он думал, что Атрек «течет южнее реки Гурген»[3]. Даже К. В. Нессельроде не мог возразить царю в данном вопросе, хотя он отлично знал, где живут туркмены и по каким рубежам должна была проходить граница каджарского государства.

Николай I не ограничился только признанием границы по р. Атрек. По просьбе шахского правительства он разрешил Г. В. Розену отправить два военных судна для крейсирования в Астрабадский залив с целью оказать содействие борьбе Ирана против туркмен, живущих к югу от р. Атрек[4].

По-видимому, такой резкий поворот в политике царского правительства в отношении независимых туркмен, давно искавших покровительства и добивавшихся подданства России, соответствовал его стратегическому курсу. Не случайно Николай I инструктировал в 1838 г. вновь назначенного посла в Тегеран А. Дюгамеля содействовать сохранению и укреплению шахского правительства для того, «чтобы предотвратить распадение персидской монархии, которое имело бы последствием множество затруднений»[5]. Таким об-

---

[1] АВПР, ф. Гл. арх. 1—9, 1837—1843, д. 12, л. 34—40. Кадырмухаммед-бек со своим спутником Ниязмамедом посещал Большой и Александрийский театры, и пребывание в Петербурге впоследствии повлияло на его решение отдать сына и двух племянников в дворянский полк в Петербурге.

[2] АВПР, ф. Гл. арх. 1—9, 1836, д. 13, л. 21—24; ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 749, л. 27.

[3] Исторический музей, ОПИ, ф. 307, д. 13, л. 7—9, 233—235.

[4] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 749, л. 21.

[5] *Каррыев А.* Указ. раб., с. 434.

разом, царское правительство по существу предало интересы юго-западных туркмен, и два монарха без шума, «по семейному» договорились за спиной туркменского народа. Уже тогда кое-кто из влиятельных царских должностных лиц замечал, что подобная политика правительства в отношении независимых туркмен может оттолкнуть их от России, «так как по сие время туркмены всегда надеялись на покровительство наше, то внезапное содействие наших судов в пользу персиян может привести их в совершенное недоумение и иметь гибельные последствия...»[1]. Туркмены, конечно, не могли согласиться с этой вопиющей несправедливостью. Киятхан в одном из своих писем (1839 г.) кавказскому наместнику выразил сожаление о том, «что ни одно из его желаний не исполнилось», что он никогда не получал удовлетворения «от главных русских начальников». Высказывая огорчение известием о том, что Россия признала юго-западных туркмен подданными Ирана, он спрашивает: «Чьи могилы находятся в упомянутых наших жилищах — туркменские или персидские?»[2]

Поворот в политике России в отношении юго-западных туркмен имел пагубные последствия в дальнейшем развитии событий в данном районе. Прежде всего, резко активизировали свои враждебные действия против прибрежных туркмен и особенно Кият-хана братья Мир-Багировы. В конце 1837 г. по их просьбе принц Ардашир-мирза организовал на вооруженных судах карательную экспедицию на о. Челекен с тем, чтобы покончить с Кият-ханом[3]. Непосредственное участие в этой экспедиции принимал Мир-Садык, который руководил уничтожением нефтяных колодцев на Челекене[4]. Шахские власти прибегали к различным махинациям, чтобы избавиться от Кият-хана и его сыновей. С одной стороны, агенты братьев Мир-Багировых покушались на жизнь Якшимухаммеда, за голову которого было назначено 2000 червонцев[5], с другой, — в 1839 г. шах издал специальный фирман, которым объявлял Кият-

---

[1] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 749, л. 21.

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 340.

[3] АВПР, ф. Гл. арх. 1—9, 1837—1843, д. 12, л. 5—6. Об этом походе на Челекен упоминает и В. В. Бартольд (см.: *Бартольд В. В.* Очерки истории туркменского народа. — Соч., т. 2, ч. 1. М., 1963, с. 622).

[4] Русско-туркменские отношения..., с. 334.

[5] Там же, с. 267.

агу ханом всех йомудов и прислал ему и его сыновьям почетные халаты[1]. Однако эти ухищрения шаха и его агентов как по заманиванию, так и по уничтожению Кият-хана и его сыновей не дали ожидаемого результата. Поэтому шах и в последующие годы продолжал организовывать против туркмен карательные походы.

В этой обстановке Кият-хан и его сыновья вновь обращались за поддержкой и покровительством к кавказским наместникам. Они сообщали, что находятся «в крайности и в совершенном недоумении», не находя теперь у царского правительства прежней поддержки и покровительства. Они впадали в отчаяние и ставили вопрос: «Что нам делать?»[2] Тем временем на Кавказе происходила неоднократная смена наместников, ни один из которых не проявлял особого желания вникнуть в суть дела и войти в положение Кият-хана. В ноябре 1839 г. новый наместник Е. Г. Головин хотел избавиться от туркменских дел и по получении очередного письма от Кият-хана предложил вице-канцлеру изменить порядок сношения с туркменами и переложить заботы о них на астраханского губернатора[3]. Такое равнодушие к туркменским делам проявляли и последующие наместники Кавказа: А. И. Нейдгарт, М. С. Воронцов-Дашков. Что касается Н. С. Тимирязева, то он встретил крайне недоброжелательно прибывшего осенью 1839 г. в Астрахань по коммерческим делам Кадырмухаммед-бека и до весны 1840 г. учредил над ним полицейский надзор, в результате чего тот понес огромные убытки[4]. Все это прямо или косвенно должно было способствовать успеху Мир-Багирова.

Кият-хан доживал в это время последние годы. В письме от 28 мая 1838 г. на имя Е. Г. Головина он сообщает, что по старости «передает полную власть свою сыну Якшимухаммеду»[5]. Однако Якшимухаммеду не суждено было долго ведать делами отца и возглавлять русскую ориентацию среди туркмен. Усиление враждебных действий Мир-Багировых и шахских властей, отсутствие должной поддержки и покровительства России подрывали авторитет и влияние тех людей, ко-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 351.
[2] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 469, л. 194.
[3] Русско-туркменские отношения..., с. 341—342.
[4] *Каррыев А.* Указ. раб., с. 418—419.
[5] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 469, л. 194.

торые неизменно выступали за русскую ориентацию. Сам Кият-хан неоднократно указывал на это. После безнаказанного похода шахских войск на Челекен даже жители острова своим «неприязненным действием перестали слушаться Кият-хана», не говоря уже о населении Гасан-Кули, Кюмиш-Тепе и других районов к югу от р. Атрек[1]. Таким образом, Кият-хан и его сыновья, несмотря на то, что они «постоянно выказывали желание сблизиться с русскими»[2], лишились покровительства России и поддержки местного населения, постепенно оказались в изоляции и в непримиримой вражде с шахским правительством Ирана.

Довершением ко всему этому послужило ухудшение взаимоотношений Кият-хана и его сыновей с купцом А. Герасимовым. В 1840 г. в районе о. Огурчинского при загадочных обстоятельствах был убит один из братьев Герасимовых—Михаил Матвеевич с 5 товарищами[3]. Весьма возможно, что здесь действовала рука братьев Мир-Багировых. В 1842 г. между Кият-ханом и А. Герасимовым возникли разногласия во взаимных расчетах и Якшимухаммед-бек на один день задержал его в Гасан-Кули, чем воспользовался начальник русских военных судов капитан 1-го ранга Е. В. Путятин для варварского истребления туркменских киржимов и расправы над жителями селения.

Ультимативные требования и неоправданная жестокость Е. В. Путятина в отношении жителей Гасан-Кули, особенно семьи Кият-хана, наводят на некоторые догадки и предположения. С момента своего появления у туркменских берегов Е. В. Путятин начал подозрительно относиться к Якшимухаммед-беку, и при первом свидании в марте 1842 г. он ультимативно потребовал от него, чтобы тот «прекратил свои грабежи и насилия по берегам персидским»[4]. Создается впечатление, что Е. В. Путятин прибыл к туркменским берегам не как русский морской офицер, который по инструкции МИД должен был поощрять попытки туркмен «вступить в торговые сделки с русскими промышленниками»[5], а как получив-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 353.
[2] ЦГВИА СССР, ф. 483, оп. 1, д. 147, л. 59—60.
[3] Русско-туркменские отношения..., с. 352—353.
[4] Там же, с. 361.
[5] Там же, с. 359.

ший секретные наставления агент братьев Мир-Багировых и Н. С. Тимирязева.

Его неприязнь к Якшимухаммеду еще более усилилась после встречи с астрабадским беглербеги, который обсуждал с Е. В. Путятиным вопросы совместной вооруженной экспедиции против жителей Гасан-Кули, интересовался взаимоотношениями купцов Мир-Багирова и А. Герасимова, после чего капитан начал открыто поговаривать о необходимости ареста «виновного» и отправки его «в Россию для ссылки в Сибирь»[1]. Наконец, после поездки в Тегеран и посещения лагеря Ардашир-мирзы, готовившегося к карательному походу против туркмен, обмена с ним любезностями Е. В. Путятин приступил к непосредственной реализации давно вынашиваемого плана.

Поводом к этому послужили недоразумения купца А. Герасимова в расчетах с поставщиками рыбы. Е. В. Путятин требовал немедленной выдачи А. Герасимова, каких-то несуществующих персидских пленных в Гасан-Кули, Якшимухаммеда и других старшин туркмен и письменного клятвенного обещания не делать насилий русским купцам и морских набегов на берега персидские[2]. Первое требование было исполнено немедленно: А. Герасимов был привезен «со всем ему принадлежащим», а в клятвенном обязательстве, подписанном на следующий день, было указано, что если кто-либо из туркмен совершит предосудительный поступок, то «российские суда имеют полное право истреблять все наши лодки и киржимы и нас самих подвергать наказанию, какое им заблагорассудится»[3].

Однако Е. В. Путятин не удовлетворился безоговорочным выполнением своих основных требований и как только получил ответ о том, что у жителей Гасан-Кули пленных иранцев не имеется, приступил к боевым действиям: были изрублены и сожжены десятки нагруженных нефтью киржимов, Якшимухаммед с Кият-ханом арестованы и посажены на пароход. И не случайно Е. В. Путятин получил поздравления от Ардашир-мирзы «с столь блистательным окончанием экспедиции» и с просьбой «о выдаче Якшимухаммеда персиянам с уверением, что

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 362—363.
[2] Там же, с. 365.
[3] Там же, с. 365—367.

он будет строго наказан»[1]. Вот так Мир-Багировым с помощью царских офицеров удалось навсегда устранить Якшимухаммеда — «самого сильного из всех старшин туркменских» и избавиться от престарелого «патриарха» Туркмении, или «туркменского князя» Кият-хана.

Кият-хан и его сын стали жертвами конкурентной борьбы, темных махинаций, интриг и заговоров братьев Мир-Багировых, которые с помощью шахских властей и астраханского губернатора Н. С. Тимирязева, наконец, достигли своей цели. Это отмечает и оренбургский губернатор В. А. Перовский в письме от 30 апреля 1840 г. на имя К. В. Нессельроде. «Главный источник всех беспорядков и всего зла для туркмен, — писал он, — есть Мир-Багиров. Не успев совершенно овладеть всею промышленностью того края, он старается вовсе ее уничтожить... посредством братьев своих, имеющих сильное влияние в Персии»[2]. Е. В. Путятин оказался орудием в руках Мир-Багировых и шахских властей в устранении Кият-хана и Якшимухаммеда, что явилось для них большой удачей. При этом он действовал изобретательно: сажая под арест Якшимухаммеда и Кият-хана, Е. В. Путятин представлял Кадырмухаммеда к награде золотой медалью за то, что он «показывает особенное расположение и преданность к русским» (как ни парадоксально, в августе 1842 г. он получил эту медаль)[3]. Можно предположить, что Е. В. Путятин попал в сети Мир-Багировых и искусно реализовал совместно разработанный план, применяя традиционный принцип «разделяй и властвуй» или политику «кнута и пряника»: старшего подвергает аресту, младшего представляет к награде, нанося жестокий и непоправимый удар по престижу семьи Кият-хановых.

Дальнейшая судьба Кият-хана и Якшимухаммеда сложилась трагически. Как видно из последнего прошения 88-летнего Кият-хана на имя кавказского наместника, в сентябре 1842 г. они оказались в Баку. Он писал, что 30 лет отличался своим усердием и преданностью России, что обстоятельства принудили его вновь оказаться в ее пределах в качестве пленника и «просить о себе помилования» и в недоумении вопрошал: «неу-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 367.
[2] АВПР, ф. Гл. арх. 1—9, 1837—1843, д. 12, л. 46—47.
[3] Там же, л. 74.

жели ныне изменил моим всегдашним правилам?». В заключение он сообщал, что ослеп, не имеет при себе ни денег для содержания, ни одежды и находится в «совершенном отчаянии, а потому покорнейше прошу из уважения к моей старости позволить мне с моим сыном возвратиться на Родину»[1]. Однако вскоре их перевели в Тифлис, где Кият-хан в марте 1843 г. умер в нужде и одиночестве, а Якшимухаммед остался под полицейским надзором.

22 октября 1843 г. он обратился с прошением к Николаю I, в котором сообщал, что с отцом находились в заключении, «лишенные пищи, одежды, испытав всю тяжесть несчастья», что Кият-хан, «не могши перенести столь неожиданного насилия, от слез раскаяния в своем усердии ослеп и скончался в Тифлисе. Я остался один, полный горести, содержусь пленником ровно 17 месяцев»[2]. На неоднократные прошения в различные инстанции царских властей Якшимухаммед не получил вразумительного ответа и, по-видимому, мирился с безнадежностью своего положения. Сознавая свою обреченность, он в том же прошении Николаю I писал: «От несправедливости сначала умер отец мой; без сомнения от нее же и я должен умереть... Верно несчастье сие предопределено мне самою судьбою»[3]. В 1845 г. Якшимухаммед был отправлен в Воронеж, где, находясь под полицейским надзором, умер 16 июля 1849 г.[4]

Сыновья Кият-хана были образованными людьми. Частично образование они получили в Тифлисе в азиатской гимназии. Оба умели писать и читать по-русски. После смерти Якшимухаммеда среди личных вещей было обнаружено множество книг и бумаг на туркменском, русском, персидском, французском языках, что также свидетельствует об уровне его образованности. Якшимухаммед вплоть до смерти не переставал подавать прошения в различные инстанции царских властей, писал стихи, наполненные чувством горечи и печали о своей безысходной участи. В них он подвергал сме-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 369—370.

[2] АВПР, ф. Гл. арх. I—9, 1842—1856, д. 12, л. 74—77 об. Стихотворный вариант данного прошения Якшимухаммеда-бека был опубликован в ж. «Русская старина» (№ 3, 1882 г.).

[3] АВПР, ф. Гл. арх. I—9, 1842—1856, д. 12, л. 74—77.

[4] *Карпыга А.* Указ. раб., с. 432.

лой и резкой критике представителей царских властей, насквозь прогнившие порядки царского режима.

Трагедия эта коснулась и внуков Кият-хана. В 1844 г. Кадырмухаммед доставил в Тифлис двух сыновей Якшимухаммеда—Хасанмухаммеда и Аднамухаммеда[1] и своего сына Назармухаммеда. Они с Якшимухаммедом были отправлены в Воронеж, а оттуда в Петербург, где их определили в Константиновский кадетский корпус. Хасанмухаммед умер 12 апреля 1847 г. «в полковом лазарете от водяной болезни»[2], а Назармухаммед — в июне 1856 г. в чине штабс-ротмистра уланского полка в Белгороде[3]. Аднамухаммед служил в том же полку, участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и умер в Красноводске в 1886 г. в чине полковника[4]. Что касается Кадырмухаммеда, то он до конца своей жизни служил России при Ашур-адинской морской станции в должности дерябеги — надсмотрщиком морской торговли туркмен. Последний раз его имя встречается в документах в 1868 г.[5] А. Вамбери упоминает, что Кадырмухаммед «давно познакомился с русской водкой и вследствие этого и днем и ночью был пьян»[6]. Во всяком случае, накануне присоединения к России он уже большой роли в русско-туркменских взаимоотношениях не играл.

Таким образом, участие в конкурентной борьбе на поприще торговли, которая так или иначе была связана с экономическими и политическими интересами шахского Ирана и царской России, закончилось для Кият-хана и отдельных членов его семьи печально. Кият-хан был серьезным конкурентом для братьев Мир-Багировых. В одном из последних писем Якшимухаммеда указано, что богатства Кият-хана, помимо скотоводства, составляли рыбные промыслы при Серебряном бугре, добыча нефти, нефтагиля, соли и красильных веществ на Челекене и его обороты якобы достигали

---

[1] Видимо, они были близнецами, т. к. им в 1845 г. было по 13 лет, а Назармухаммеду — 10 лет. Причем Якшимухаммед называет сына Хасанмухаммеда по имени Сердармухаммед (ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 8, д. 521, л. 28—30).

[2] ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 8, д. 521, л. 30.

[3] *Каррыев А.* Указ. раб., с. 432.

[4] ЦГИА ГрузССР, ф. 545, оп. 1, д. 1779, л. 6—9.

[5] Русско-туркменские отношения..., с. 528.

[6] *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. Спб., 1865, с. 23.

1200 тыс. руб.[1] Весьма возможно, что Якшимухаммед сильно преувеличивает доходы от владений своего отца, но если даже допустить двукратное преувеличение, получается солидная цифра для тех времен.

В чем же все-таки заключается трагедия Кият-хана и чем объяснить такой печальный исход его борьбы? На наш взгляд, это объясняется двумя факторами: Кият-хан (также и Якшимухаммед) слепо верили в благородство царского правительства. Несмотря на целый ряд настораживающих фактов, он продолжал верить в «доброту» царя и его властей, «внушал своим детям иметь всегдашнее почтение и уважение[2] к ним и служить им[2]. Якшимухаммед, даже находясь в воронежской тюрьме, решительно отверг уговоры своего брата «нарушить всякое сношение с Россией, примириться с вечными врагами персиянами», а принадлежащие им владения отдать англичанам, обещающим большие выгоды и т. д.[3]. Кият-хан и его сыновья не могли даже допустить мысли о том, что те же самые кавказские наместники царя, когда-то встречавшие их с распростертыми объятиями и драгоценными подарками, могут посадить их в тюрьму и чинить над ними произвол. Не случайно Якшимухаммед писал о «неожиданном насилии» и в последний момент обратился с прошением к царю, все еще думая, что с ним и с отцом произошло какое-то недоразумение. Они не могли подозревать о тайном сговоре между царем и шахом, о предательстве их дела и интересов уже в 1837 г.

В деятельности Кият-хана и его сыновей узкоклассовые интересы постепенно брали верх над более обширными интересами укрепления взаимосвязей двух народов. Интересы личного обогащения, борьбы не только с внешними конкурентами — Мир-Багировыми, Герасимовыми, Суджаевым, А. И. Ягуловым и другими, но даже внутри туркменского общества Кият-хан подчас ставил выше общенародных интересов, в ряде случаев он подменял интересы народа личными выгодами. Все это привело к страшной изоляции Кият-хана и его сыновей, к гибели их в царских тюрьмах и казематах.

Однако Кият-хан был сыном своей эпохи. Харак-

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 8, д. 521, л. 16—17.
[2] Русско-туркменские отношения..., с. 335.
[3] ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 8, д. 521, л. 16—17.

тер и исход его борьбы не умаляют значения внушительной фигуры этого крупного и дальновидного общественного и политического деятеля Туркмении первой половины XIX в. Дело, в которое искренне верил и которому служил Кият-хан, завершилось вхождением большей части Туркменистана в состав России.

Усиление русской ориентации в Туркмении и противодействие Ирана и Хивы (30—40-е гг. XIX в.)

События первой четверти XIX в., в частности 1813 г., связанные с инициативой А. П. Ермолова, с экспедициями М. И. Пономарева и Н. Н. Муравьева, с поездками Кият-аги на Кавказ, а также движение мангышлакских туркмен за принятие подданства России и другие свидетельствуют о том, что в русско-туркменских отношениях был достигнут большой прогресс. Вслед за этими событиями наметился более интенсивный обмен в области торговли, о чем свидетельствует острая конкурентная борьба купцов, развернувшаяся в 30-е гг. XIX в. Теперь туркменские берега чаще стали посещать не только купеческие, но и различные экспедиционные суда с экономическими, политическими, научными и военными целями. В этой связи можно отметить экспедиции под руководством А. Н. Ладыженского, Г. Г. Басаргина, профессора Казанского университета Эйхвальда и другие, обследовавшие восточное побережье Каспийского моря в 20-х гг. XIX в.

Сближение с Россией открывало перед прикаспийскими туркменами все больше возможностей не только в торгово-экономических отношениях, но и в области политического развития общества. Они хорошо знали два соседних азиатских государства — Иран и Хиву и легко могли оценить преимущества России перед ними. Политическое настроение туркмен говорило только в пользу сближения с Россией. Это видно не только на примере деятельности таких прогрессивных людей того времени, как Кият-бек, его сыновей, Мамед Таган-казы, Нурмухаммед Бекдурды-ишан и др. Туркменский народ в целом «предпочитал Россию прочим государствам, в соседстве находящимся»[1]. С Ираном и Хивой они враждовали искони, Бухару в какой-то сте-

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 261—263.

пени «почитали только по закону», но не видели от нее никакой пользы. Они рассуждали примерно так: если такие страны, как Турция и Иран, хотят быть в дружбе и добром согласии с Россией, то туркменам тем более надо искать ее дружбы и подданства. Туркмены не раз обращались к астраханским и кавказским властям с просьбой назначить к ним «кого-либо из русских, человека основательного и опытного во всех отношениях»[1]. Это было их всеобщим желанием в тех сложных политических условиях, в которых они жили.

С другой стороны, русские люди — купцы, офицеры, ученые, дипломаты, посещавшие туркменские земли, были единодушны в том, что «одно ласковое, кроткое обхождение с сим народом может привлечь его совершенно на нашу сторону. Туркмены — народ воинственный, храбрый, остроумный, осторожный, весьма трудолюбивый и склонный ко всем полезным предприятиям. Отличительная черта их — гостеприимство. Они готовы также и к оседлой жизни, но, по словам их, не имея хозяина и распорядителя в делах, они желали бы как милости иметь русского начальника, который водворил бы между ними порядок и спокойствие»[2]. Такую правдивую и исчерпывающую характеристику им дает русский купец Лалаев, ездивший в 1830 г. в глубь Туркмении для выбора и покупки породистых лошадей. Его записи о туркменах показывают, во-первых, что Россия вплотную изучала территорию и народ Туркмении, его характер, думы и чаяния, взаимоотношения с соседними государствами и т. д., во-вторых, настойчивые поиски туркменами «хозяина и распорядителя в делах», который водворил бы среди них «порядок и спокойствие».

Насколько можно судить из произведений великого Махтумкули и других классиков туркменской литературы XVIII—XIX вв., туркменам в то время действительно надоело находиться в состоянии внутренних раздоров, междоусобных стычек, отсутствия единой государственной власти. Именно острая нужда в «порядке и спокойствии» заставляла их подниматься на борьбу против тирании каджарских шахов, хивинских ханов и искать могущественного покровителя в лице России.

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 261—263.
[2] Там же, с. 262.

В момент посещения Туркмении купцом Лалаевым большинство туркменских старшин выражали желание иметь доброго русского начальника, говорили, что они часто посещают Баку, Астрахань, Дербент, Тифлис и другие места и просились вместе с ним поехать к главнокомандующему на Кавказ. Сатлык-хан, Сеид-хан и другие главные старшины выражали даже свое недовольство тем, что только Кият-беку позволено представлять туркмен перед русскими властями. Говоря об общем желании туркмен принять подданство России, Лалаев пишет: «Все поколения, туркменский народ составляющие, *в политических мнениях согласны между собой* (курсив мой. — *М. А.*); разногласий, раздоров и междоусобных войн ныне не бывает, как случалось прежде»[1]. Данное свидетельство Лалаева говорит о важных переменах в политических взглядах туркменских племен в 1830 г., о том, что они уже тогда были единодушны в вопросе о принятии подданства России. Однако стремление туркмен к сближению с Россией наталкивалось на противодействие соседних феодальных государств, особенно Ирана, что хорошо видно на примере борьбы Кият-хана против произвола и интриг иранских властей.

Успешному развитию русско-туркменского сотрудничества, особенно в торговле, всячески препятствовали феодальные правители Ирана. В 20—30-х гг. XIX в. власти астрабадского, мазандеранского и других северо-западных провинций открыто попирали права прикаспийских туркмен на рыболовство, применяли против них различные санкции. Репрессии со стороны персидских правителей в отношении туркмен особенно усилились после окончания второй русско-иранской войны в 1828 г. В связи с этим царское правительство предписало русскому послу в Тегеране просить персидского шаха, чтобы он воспретил своим подданным «делать обиды и притеснения жителям Туркмении, находящимся в дружественных связях с Россией»[2].

В истории русско-туркменских отношений второй четверти XIX в. знаменательным событием явились

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 263. Лалаев представил в Тифлис «именной список старшин, наиболее уважаемых туркменами» (*Бларамберг И. Ф.* Топографическое и статистическое описание..., с. 104).

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 260.

экспедиции Г. С. Карелина. Первая из них состоялась в 1832 г., когда Г. С. Карелин обследовал северо-восточное побережье Каспия. В экспедиции приняла участие и сопровождавшая ее группа мангышлакских туркмен, четверо из которых были впоследствии награждены золотыми медалями и именными подарками[1].

Основным результатом экспедиции 1832 г. явилось строительство Ново-Александровской крепости на Мангышлаке в 1834—1835 гг. на восточном берегу залива Карасу в урочище Кизыл-Таш. Решение о строительстве этой крепости было принято на заседании Азиатского комитета МИД в мае 1833 г. после рассмотрения материалов экспедиции Г. С. Карелина. Было определено главное назначение крепости — «сблизить торговлю с Хивой и открыть меновой торг с многочисленными туркменскими племенами»[2]. По мнению Г. С. Карелина, строительство Ново-Александровска было необходимо из соображений его близости к Хиве, чтобы «иметь глаз и ухо в крае, к которому не можем мы быть политически равнодушны»[3]. Таким образом, это укрепление, помимо своей главной функции по развитию торговли, имело еще и военно-политическое значение.

Сооружение Ново-Александровского укрепления, как и следовало ожидать, вызвало негативную реакцию со стороны хивинского хана Аллакули. Хан опасался не только перспектив торгового значения крепости, которая привлекала к себе туркмен и казахов «заманчивостью несравненно выгоднейшей и совершенно свободной торговли», но и соседства могущественной России. Г. С. Карелин считал, что хана одолевал «справедливый страх поплатиться за прежние оскорбления» России, что заставляло его «взирать неприязненным и беспокойным оком на всякую нашу попытку сблизиться со Средней Азией»[4]. Поэтому Аллакули-хан натравливал своих нукеров из числа хивинских туркмен на

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 270. Старшины Ярмамед-бек и Акмамед-бек были награждены золотой медалью, Халмамед-бек и Ходжамурад-бек — саблями в серебряной оправе с соответствующими свидетельствами.

[2] Там же, с. 271. В 1834 г. была организована специальная экспедиция для сооружения укрепления. О ходе ее работы имеется разная переписка, отчеты, рапорты и другие документы (ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 1062, л. 223—226, 247—249).

[3] Русско-туркменские отношения..., с. 287.

[4] Там же, л. 269.

мангышлакских туркмен. Нукеры увлекли в плен детей главного старшины абдалов Союн-Кары; ко всем другим хан обращался с дружественными посланиями не давать русским обосноваться на Мангышлаке. Аллакули два раза посылал своих лазутчиков на Мангышлак осматривать крепость и выведать силы русских, приготовил для похода 11 тыс. всадников из числа хивинских туркмен, отправил гонцов к дальним туркменским племенам, живущим близ границ с Ираном[1] и т. д. Мобилизуя силы против русского укрепления, хан в то же время подбивал купцов не ехать в Ново-Александровск, не давал караванам дорогу на Мангышлак. По словам Г. С. Карелина, в конечном итоге соседство России «ни в коем разе не может быть для Хивы приятным»[2]. Если для туркмен сооружение Ново-Александровска явилось осуществлением их давнишней мечты, то для хивинского хана это было только источником беспокойств и ненависти и к туркменам, и к России.

В связи с сооружением Ново-Александровска все туркмены, живущие к северу от Карабугазского залива, часто посещали коменданта крепости и заявляли ему, что они «просят у всевышнего того только, чтобы он допустил нас сблизиться с вами»[3]. В то же время они выражали свои опасения со стороны казахских феодалов и особенно хивинского хана, который возымел на них гнев и говорил, что «напрасно они много надеются на русских»[4]. Туркмены иногда тайно посещали коменданта крепости подполковника Лихошерстова, жаловались на то, что их угнетают хивинцы за дружественные связи с русскими, что казахские феодалы постоянно извещают хивинского хана о симпатиях туркмен к России и т. д. В одном из своих писем они указывали, что если казахские ханы «узнают что-либо о наших сношениях, то тотчас же донесут об этом хивинскому хану, и тогда мы пропали, потому что игдыры и човдуры, завися вполне

---

[1] Хивинский хан смертельно боялся России. Вскоре он возвратил Союн-Кары сына и любезно пригласил его приехать в Хиву в гости и взять дочь, уведенную нукерами. На это старшина абдалов твердо ответил, что считает дочь умершей и не поедет за ней к хану. После этого Аллакули вынужден был возвратить Союн-Кары похищенную дочь (Русско-туркменские отношения..., с. 269).

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 287.

[3] Там же, с. 278.

[4] Там же.

от хивинского хана, не имеют к себе никакой воли»[1]. В обращениях к Лихошерстову и командиру русского военного судна Усачеву туркмены просили защитить их от посягательств Хивы и казахских феодалов и заявляли, что, несмотря на все трудности, «не лишались все же надежды когда-нибудь соединиться с вашим народом»[2]. Лейтмотивом всех действий и писем туркмен Мангышлака, теснимых, с одной стороны, хивинским ханом, с другой, — казахскими феодалами, был настойчивый поиск защиты и покровительства у России. Все их посланцы, приезжавшие в Ново-Александровское укрепление, неоднократно просили принять их в русское подданство. Примечательно то, что они при этом каждый раз напоминали об обращении их предков к России с аналогичной просьбой и о разных грамотах, полученных ими от царских властей.

Но наибольший интерес с точки зрения развития русско-туркменских связей представляет вторая экспедиция Г. С. Карелина в Юго-Западную Туркмению (1836 г.). В ее материалах нашло свое отражение одно из важных событий в истории русско-туркменских связей первой половины XIX в., когда летом 1836 г. в селении Гасан-Кули[3] собрались старшины и казии, представлявшие 20 777 семей. «Общий совет казиев и почтеннейших людей», как было названо это собрание, выработал документ исключительной важности — прошение йомудского племени к царскому правительству. Туркменские старшины, собравшиеся на совет, приняли решение о добровольном присоединении к России.

Большой интерес представляют следующие строки из письма йомудских старшин. «Мы, — писали они, — сильны числом и храбростью, но слабы согласием, умом и порядком. Нам надобно великого покровителя, который бы из всех йомудов сделал одну душу и тело. Тогда мы будем страшны соседям и тогда к нам пристанут все другие племена туркменские»[4]. Прикаспийские туркмены стремились путем перехода в русское под-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 280.

[2] Там же, с. 279.

[3] В Гасан-Кули в то время было всего 320 кибиток. По словам Г. С. Карелина, кибитки были просторные, опрятные, большей частью хорошо убраны коврами, паласами и цветными войлоками (Путешествия Г. С. Карелина..., с. 284).

[4] Русско-туркменские отношения..., с. 306.

данство обеспечить свою безопасность и положить конец феодально-родовым междоусобицам. Они четко определили границы так называемого «Йомудстана», указав на речку Карасу на юге близ Астрабада, Карабугаз на севере и земли теке и гокленов на востоке. На этой значительной территории к востоку и юго-востоку от Каспийского моря они по существу хотели создать вассальное России туркменское княжество, к которому, по их словам, «пристанут все другие племена туркменские». Старшины и казии просили Россию признать указанные границы предполагаемого княжества. Таким образом, йомудская знать преследовала и более обширные цели, стремясь с помощью России объединить под своей эгидой разрозненные туркменские племена.

В «Прошении» нашли свое отражение и причины экономического тяготения прикаспийских туркмен к России, надеявшихся путем дальнейшего расширения русско-туркменской торговли освободиться от необходимости приобретать нужные им товары и продовольствие только на рынках Хивы и Ирана. Ликвидация экономической зависимости от соседних отсталых феодальных деспотий, использовавших эту зависимость как средство политического давления, имела для прибрежных туркмен жизненно важное значение. Авторы «Прошения» не случайно поэтому подчеркивают взаимовыгодную и беспошлинную торговлю с Россией. В целом в «Прошении» более чем рельефно выступает хозяйственная и политическая тяга прибрежных туркмен к России. В заключение туркмены просили «дозволения отправить в Петербург посланника» для того, чтобы ходатайствовать перед царем о принятии в подданство.

Туркменские старшины хорошо понимали положение народа, знали причины его слабости и указывали на необходимость наглядного примера доброго согласия и порядка среди всех туркмен, чего можно достичь только с помощью России. Участники «общего совета» по существу решали вопросы государственной важности, и данное «Прошение» отличается от всех предыдущих подобных документов основательностью постановки вопросов. Все эти события происходили под непосредственным руководством опытного общественного деятеля того времени 82-летнего старшины прибреж-

ных туркмен Кият-хана. Очень трогательна сцена встречи Г. С. Карелина с Кият-ханом в Гасан-Кули. «На берегу, — пишет Г. С. Карелин, — было великое стечение народа. Почтенный старец Кият-хан на богато убранном, гордом и статном жеребце встретил меня, въехав сажен 20 в воду, и приветствовал по-русски, сняв шапку. Бывшие на берегу старшины делали то же. Мы дружески обнялись с престарелым ханом и поехали, взявшись за руки, к приготовленным для нас на берегу кибиткам. Здесь не было ни шуму, ни беспорядка. Старшины здоровались с нами, кладя правую руку на сердце, и поздравляли с счастливым, давно ожидаемым приездом»[1]. Кадырмухаммед подарил Г. С. Карелину жеребца, на котором он ехал. Церемония происходила 14 июля 1836 г.

Г. С. Карелин дает подробную характеристику деятельности Кият-хана, называя его «патриархом Туркмении», сыгравшим положительную роль в укреплении дружественных русско-туркменских отношений, о чем более подробно говорилось выше. Он пишет, что «Кият-хан скорбел, видя разделение туркмен и угрожающую йомудскому народу опасность от двух сильных врагов: Персии и Хивы... в обоих случаях предчувствовал раздробление и гибель родного племени»[2]. Поэтому, говорил Кият-хан, туркмены «единодушно обратили мысли свои к России, твердо надеясь на бескорыстное ее покровительство»[3]. Г. С. Карелин также подробно пишет о женах и семье Кият-хана, о его сыновьях Якшимухаммеде и Кадырмухаммеде, сравнивает их достоинства и недостатки. По его словам, на совете старшин и казиев, состоявшемся 20 июля 1836 г., присутствовали 118 человек, около 50 из них были знатные ханы, беки и старшины, а также множество других почетных туркмен[4]. Причем он многих называет по имени и указывает, что ни один из них не жил в

---

[1] Путешествия Г. С. Карелина..., с. 276—277.

[2] Там же, с. 280—281.

[3] Там же, с. 281.

[4] Г. С. Карелин сообщает, что участники совета прежде чем приступить к совещанию запели молитву во главе с Мамед Таган-казы и только после этого заняли свои места на разложенных в два ряда кошмах, сверху покрытых коврами (Путешествия Г. С. Карелина..., с. 291—292).

Гасан-Кули, а все съехались сюда по предварительному приглашению[1].

На совете с речью выступил Мамед Таган-казы, обрисовавший отчаянное положение йомудов: с одной стороны, гнев шаха, который уже выставил на границе карательные отряды для нападения на туркменские земли, с другой, — на йомудов сильно разгневан хивинский хан за их отказ признать себя вассалами Хивы и «грозился совершенно истребить их, и в этот раз готов даже соединиться с Персиею». В дополнение ко всему этому по отношению к йомудам враждебно настроены соседние туркменские племена. В этой ситуации йомудам угрожает большая опасность со всех сторон, и «только одна Россия может спасти их». Мамед Таган-казы обратился за советом к Г. С. Карелину, который заявил, что не уполномочен вести политические переговоры с туркменами. Поэтому участники совета составили текст прошения о принятии в подданство России, который торжественно вручили Г. С. Карелину 2 августа 1836 г., «убедительнейше прося похлопотать о скором и решительном ответе»[2]. При этом Кият-хан заявил, что вверяет ему счастье родного народа. На совете, помимо прошения, обсуждали состояние торговли, убытки купца А. Герасимова, необходимость возобновления контракта с ним и др.

Однако стремление туркмен Каспийского побережья к переходу в русское подданство не отвечало политике царизма в отношении Ирана и Средней Азии на данном этапе и не встречало с его стороны поддержки, хотя, как видно из «Прошения», туркменские старшины обязывались «служить государю и быть послушными», а в случае войны с Ираном выставлять на свой счет и содержание 10 тыс. конницы, провожать русских купцов в Мешхед и другие пункты русско-иранской торговли, отдавать рыбные промыслы на откуп только русским купцам[3] и т. д. Такая позиция царизма в «туркменском вопросе» была обусловлена целым рядом причин. Одной из них являлось противодействие, которое встречала Россия со стороны западных держав, особенно со стороны могущественной в ту пору Англии.

---

[1] Путешествия Г. С. Карелина..., с. 281.
[2] Там же, с. 291—293, 303.
[3] Русско-туркменские отношения..., с. 306.

Вслед за агентом английской Ост-Индской компании капитаном А. Борисом, проехавшим в 1832—1833 гг. почти через всю Туркмению в состоянии инкогнито, с такими же разведывательными целями в Юго-Западной Туркмении появился другой агент — Стрейндон. Летом 1835 г. он «обрил голову, оделся по-татарски и хотел пробраться в Туркмению». На торговом судне энзелинского купца он прибыл даже на о. Челекен, но, «предуведомленный о грозившей ему опасности от туркмен, убрался на том же судне назад». На Челекен его возил родственник небезызвестного Мир Абуталиб Мир-Багирова[1]. Подобные вылазки английские агенты совершали и в последующие годы.

Серьезные помехи успешному развитию русско-туркменских отношений создавались и со стороны каджарских властей Ирана. В разгар экспедиции Г. С. Карелина в середине мая 1836 г. объединенные силы йомудов и гокленов под руководством Махтумкули-хана выступили против отряда астрабадского наместника и в местечке Сенгир-суат на р. Гурген разбили его. В этом бою погиб предводитель отряда знатный сановник Мирза Мамед-хан Максатлю со всеми офицерами, а 1400 человек попали в плен[2]. Эти события обострили отношения туркмен с Ираном.

Перед экспедицией Г. С. Карелина 1836 г. были поставлены в основном те же задачи, какие выполняли экспедиции М. И. Пономарева и Н. Н. Муравьева в 1819—1821 гг. Это — географическое определение восточного побережья Каспийского моря до границ с Ираном, «описание племен, населяющих берега и внутренние земли», их взаимоотношения между собой и с соседями, исследование естественных богатств, сбор топографических сведений о караванных путях в Хиву, Иран и Афганистан. Топографическую и этнографическую части задач должен был выполнить офицер генштаба И. Ф. Бларамберг, которого снабдили особой инструкцией. Кроме того, на него возлагалось собрать у купцов подробные сведения о караванных путях в Хиву, Бухару, Герат, Самарканд и Балх. Азиатский департамент МИД предписывал Г. С. Карелину о «ласковом обхождении» с туркменами с тем, чтобы «вкоренить в них любовь, преданность и доверие к

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 288.
[2] Путешествия Г. С. Карелина..., с. 204—205.

России». Впрочем, он должен был воздерживаться от всяких внушений туркменам, подвластным Ирану. Экспедиция была снаряжена по просьбе министра финансов графа Е. Ф. Канкрина для дальнейшего развития и упрочения торговых связей России «с тамошними прибрежными племенами, а впоследствии и с народами, расположенными от сего моря на юго-восток»[1]. Экспедиция Г. С. Карелина в целом блестяще справилась с поставленными перед ней задачами.

С самого начала между экспедицией и прибрежными туркменами сложились добрые отношения. Туркмены обращались к начальнику экспедиции не иначе, как «высокопочтеннейший, всегда уважаемый, любезный брат Григорий Силыч»[2], жаловались на незаконные действия властей соседних провинций Ирана и просили оградить их интересы от произвола и насилия. С другой стороны, влиятельные лица из Астрабада пытались всячески помешать успешной работе экспедиции, налаживанию дружественных отношений между туркменами и экспедицией, между русскими купцами и туркменскими рыбаками. Они часто посещали Г. С. Карелина, пытались склонить его на свою сторону дорогими подарками и подкупом, жаловались на действия туркмен и русских рыбопромышленников, просили, лгали, угрожали, устраивали провокации и т. д. Говоря об одной из таких попыток, Г. С. Карелин писал: «Коварный персиянин налгал мне тьму небылиц, старался раздружить с Якшимухаммедом и его зятем Аман-Назаром; уверял, что ему из добрых рук известно о замышляемой ими против меня и офицеров измене; что главные йомуды подкуплены хивинским ханом и что нам не миновать неволи, а может быть и мучительной смерти... Старания его были напрасны, и мы расстались очень сухо»[3]. Чтобы испортить отношения Г. С. Карелина с туркменами, они попытались подговорить бродячих цыган убить кого-нибудь из русских, собиравших в лесу дрова для экспедиции, а затем свалить вину на туркмен.

Экспедиция Г. С. Карелина 1836 г. оставила богатейший материал по этнографии, расселению, хозяйству, торговле, общественному строю туркмен, по их взаимоотношениям с Ираном и Хивой, географические, топо-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 273—274, 283, 288—290.
[2] Там же, с. 328.
[3] Путешествия Г. С. Карелина..., с. 227—228.

графические, статистические сведения по восточному побережью Каспийского моря. В Архиве АН СССР в Ленинграде имеется специальный фонд Г. С. Карелина (ф. 157), где сохранились ценные документы — донесения и рапорты, прошения и письма туркмен на имя Г. С. Карелина и другие материалы[1].

Во многих документах Г. С. Карелин точно определяет границы обитания йомудов, делит их на чомуров (земледельцев), чарва (скотоводов) и огурджали (моряков, рыбаков), описывает богатства этого края, в частности плодородную долину Гургена и несметное обилие рыбы, промысел нефти и соли. «Туркмены йомудского племени, — писал он, — населяют плодоносную долину, орошаемую реками Карасу, Гурген и Атрек. Первая из сих рек отделяет йомудов от Персии и астрабадцами признается за настоящую границу; на правой стороне ее нет ни одного персидского селения. К востоку йомуды граничат с гокленами и родом теке, с северо-востока — с безводной пустынной степью»[2]. Туркмены говорили ему, что они, действительно, «всегда считали Атрек отцом, а Гурген матерью»[3]. Народонаселение йомудов, разделявшихся на 18 родов, по его расчетам, можно определить в 30—40 тыс. хозяйств, или 150—200 тыс. душ. Сведения А. Борнса о том, что гоклены после походов хивинских ханов и увода ими части населения насчитывают всего 9 тыс. кибиток, Г. С. Карелин находит ошибочными и утверждает, что их число доходит до 17 тыс. кибиток[4].

---

[1] Подробно об экспедиции см.: Путешествия Г. С. Карелина по Каспийскому морю. — ЗИРГО. По общей географии, 1883, кн. 10; *Бларамберг И. Ф.* Журнал, веденный во время экспедиции для обозрения восточных берегов Каспийского моря в 1836 г.—ЗИРГО, 1850, кн. 4; *Он же.* Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюб-Караган. — ЗИРГО, 1850, т. 4; Русско-туркменские отношения..., с. 283—317. Подлинники журнала экспедиции 1836 г. и описания И. Ф. Бларамберга хранятся в ЦГВИА СССР (ф. 414, оп. 1, д. 411—412).

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 304.

[3] Там же, с. 307.

[4] Там же, с. 305, 314. Г. С. Карелин отмечает, что к врачу экспедиции Г. Заблоцкому приезжали как туркменские, так и персидские ханы, сообщавшие разные статистические подробности и дополнявшие друг друга, что и обеспечило подробное описание Туркмении (ЦГВИА СССР, ф. 483, коллекция ВУА, оп. 1, д. 147, л. 180).

Давая характеристику политическому положению йомудов, Г. С. Карелин пишет, что они являются многочисленным и сильным туркменским племенем, способным выставить в случае необходимости до 20 тыс. отличной конницы и сумели сохранить свою независимость от Ирана, несмотря на частые походы шахских войск в Туркменсахра с целью их покорения. Он указывает, что йомуды имеют возможность вести военные операции против соседей не только с суши, но и с моря, поместив на свои парусные лодки до 1500 всадников. В то же время Г. С. Карелин заметил, что йомуды «живут в буйном равенстве», что простой народ «об общей пользе понятия не имеет» и потому их положение в отношении Ирана остается неопределенным[1].

Г. С. Карелин был очень наблюдательным человеком. Он обращал большое внимание на быт и повседневную жизнь туркмен, на чисто внешние признаки, отличавшие их от других народов, на положение женщин в обществе и т. д. Хотя выше мы подробно говорили о хозяйстве юго-западных туркмен, хочется вновь вернуться к этому вопросу, располагая замечательными данными Г. С. Карелина.

Как известно, юго-западные туркмены издавна славились своими ремесленными изделиями. По-видимому, на них оказывала большое влияние близость таких центров ремесленного производства, как Хорасан, Астрабад, Мазандеран и других соседних иранских провинций. Впоследствии сказывалось влияние даже северокавказских ремесленников особенно в ювелирном деле. Почти все нужды населения в хозяйственно-бытовых ремесленных изделиях удовлетворяли местные туркменские мастера. Они изготовляли юрты, большие лодки (киржимы), телеги, сельскохозяйственные орудия, посуду и другие предметы домашней утвари, массу различных изделий из дерева, металла, кожи, шерсти, шелка, хлопка и другого сырья. Ремесленники совершенствовали свое мастерство, передавали опыт по обработке дерева, металла, кожи, ткачеству последующим поколениям. Они дорожили своим мастерством, старались сохранить тайны производства, строго придерживались веками выработавшихся традиций и обычаев в ремесленном деле.

Женщины были искусными мастерицами по изго-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 313.

товлению ковров, паласов и других ковровых изделий, различных шелковых, шерстяных и хлопчатобумажных тканей, из поколения в поколение усердно занимались вышиванием (чырпы, курте). Они всегда щеголяли ювелирными украшениями.

Для более полного представления о наборе ювелирных изделий, в частности женских украшений, приведем выдержки из трудов Г. С. Карелина, которого 17 июля 1836 г. посетила довольно представительная депутация женщин села Гасан-Кули во главе с престарелой женой Кият-хана. В ее свите было до 30 женщин, и они принесли Г. С. Карелину в подарок несколько ковров, сумок и других изделий своей работы. После продолжительной беседы с ними Г. С. Карелин «попросил позволения срисовать с некоторых из них портреты, на что они с превеликим удовольствием согласились»[1].

Вот как он описывает костюмы и украшения этих женщин: «Они были в лучших своих платьях из персидских шелковых материй, красных и розовых цветов с золотыми травками[2]; на головах имели огромные кокошники, украшенные сверху донизу сплошными рядами круглых блях, выкованных из червонного золота. Наше из-под передней завески, закрывающей только рот и подбородок, виднелись широкие металлические ожерелья с бирюзою и сердоликами; рукава платья украшались браслетами, а с головного убора ниспадало откинутое назад покрывало, которого края обшиты были большими серебряными кружками и бахромой; с боков убора висели разные цепи филигранной работы; все пальцы были унизаны перстнями с сердоликами, бирюзой или яхонтами, но так, что каждая барыня носила перстни, ожерелья и браслеты с каменьями одного рода. Дамы обуты были в сапожки с длинными искривленными носками. Девушки имели распущенные по плечам волосы и небольшую шапочку с пучком перьев наверху. Покрывал ни головных, ни губных не носили»[3]. Г. С. Ка-

---

[1] Путешествия Г. С. Карелина..., с. 286—287. По-видимому, эти портреты впоследствии сгорели во время пожара на квартире Г. С. Карелина в Гурьеве, так как до сих пор не удалось обнаружить хотя бы один из них.

[2] Скорее всего, имеет в виду не персидские ткани, а обыкновенные туркменские шелковые ткани «кетени» красных и розовых цветов с золотистыми краями.

[3] *Карелин Г. С.* Указ. раб., с. 286—287.

релин как нельзя лучше и полно характеризует традиционный костюм женщин-туркменок из племени йомудов, пришедших к нему в лучших своих нарядах и украшениях. Правдивое описание Г. С. Карелина имеет большое научно-познавательное значение в историко-этнографическом плане. Он интересовался музыкальными инструментами и искусством певцов и с восхищением писал: «Мы удивлялись силе их голоса. Никакая европейская грудь не могла бы этого выдержать», хотя инструменты были весьма примитивные[1].

С данным описанием Г. С. Карелина перекликаются и замечания одного из его ближайших помощников— И. Ф. Бларамберга, который писал, что у женщин черты лица приятны и довольно нежны, что они носят длинные платья красного или синего цвета, высокие кокошники, убранные по состоянию мужа золотыми и серебряными монетами, что живут скромно и всегда повинуются мужьям. «Внутри кибитки, — писал он, — довольно опрятно и чисто; пол устилается коврами или войлоками, а около стен висят большие мешки, сделанные также из ковров, в них находится домашняя утварь и хозяйственные вещи»[2]. Народ в целом ведет умеренный образ жизни: любит плов, чай и сахар, но большей частью питается хлебом и молоком.

Вскоре после отъезда Г. С. Карелина шахские войска не замедлили «наказать» прибрежных туркмен за их сближение и сотрудничество с Россией. Выше уже упоминали о карательной экспедиции Мухаммед-шаха против прибрежных йомудов, которых упрекали в том, что они «в другой земле государя ищут». Все это было связано с подачей туркменами прошения о принятии в подданство России 2 августа 1836 г.

Еще до отъезда экспедиции Г. С. Карелина на границах с туркменами иранцы начали формировать два карательных отряда, чтобы наказать йомудов и гоклен за разгром войск Мирза Мамед-хана Макеютлы в мае 1836 г. Один из этих отрядов возглавлял брат шаха Феридун-мирза, остановившийся в местечке Бастам к востоку от Астрабада, другой — сам Мухаммед-шах, войска которого были сосредоточены в Кальпуше.

---

[1] *Карелин Г. С.* Указ. раб., с. 272—273.

[2] *Бларамберг И. Ф.* Этнографический очерк туркменов, преимущественно юмутского колена. — ЗИРГО, 1850, кн. 4, с. 111—112.

Интересно отметить, что поход Мухаммед-шаха против туркмен в 1836 г. сопровождало русское посольство в Тегеране во главе с послом И. О. Симоничем[1], что говорит о несогласованности действий царского правительства в отношении юго-западных туркмен. С моря к ним приезжает экспедиция Г. С. Карелина с дружественными намерениями, а с суши на них двинулись шахские войска в сопровождении русского посольства.

Граф И. О. Симонич подробно описывает поход Мухаммед-шаха на туркменские земли, приводит много цифровых данных о состоянии его войск. Под непосредственным командованием шаха было два пехотных гвардейских, шесть линейных батальонов (7190 чел.), регулярная и иррегулярная кавалерия (6092 чел.), 20 орудий различного калибра и 100 фальконетов[2] (замбурек) с соответствующим количеством артиллеристов (топчи и замбурекчи). Войско шаха насчитывало 14 072 чел. Под командованием Феридун-мирзы находилось семь пехотных батальонов и один отдельный полк, сформированный из иракских войск (11 618 чел.), кавалерия (1563 чел.), 24 орудия разного калибра (461 чел.) — всего 13 642 чел. На юго-западных туркмен двинулась армия из 17 608 пехотинцев, 7655 кавалеристов, 2451 артиллериста при 44 орудиях и 100 фальконетах[3]. Вся эта армия была направлена в 1836 г. против туркмен.

В результате нападения войск Мухаммед-шаха туркмены понесли большие убытки. Шахские войска угнали в плен женщин и детей, десятки тысяч баранов, крупного рогатого скота, буйволов, лошадей и верблюдов, «шах сожигал все хозяйство... народа, занимающегося земледелием»[4]. И. О. Симонич также сообщает, что шахские войска нападали на йомудов и отбили у них большое количество скота[5]. При этом он даже не-

---

[1] Кроме И. О. Симонича в составе посольства были барон Торнау, первый советник посла К. Боде и доктор Ениш (*Боде К.* Очерки туркменской земли..., с. 9).

[2] Фальконет — артиллерийское орудие небольшого калибра весом около 250 кг. Фальконеты стреляли свинцовыми ядрами. Их перевозили на лошадях, верблюдах, на гребных судах и яхтах.

[3] *Симонич И. О.* Воспоминания полномочного министра, 1832—1838 гг. М., 1967, с. 108—109.

[4] Русско-туркменские отношения..., с. 321—322.

[5] *Симонич И. О.* Воспоминания..., с. 108.

сколько оправдывает действия Мухаммед-шаха, говоря, что туркмены очень богаты и «богаты главным образом золотом, накопленным ими в большом количестве в течение нескольких веков разбоя»[1]. Данное утверждение И. О. Симонича — типичный пример общей концепции дворянско-буржуазной историографии при характеристике туркменского народа XVIII—XIX вв. Туркмены вовсе не обладали большими богатствами, тем более золотом, и им не было присуще неоднократно подчеркиваемое И. О. Симоничем повальное стремление к «разбоям». Как и у других народов на определенных этапах их развития, отдельные представители родо-племенной знати организовывали дружины для хищнических набегов на соседние иранские провинции. Эти набеги они совершали не без ведома и помощи правителей этих провинций и хивинских ханов, которые аккуратно получали свою долю от награбленного. Распространение И. О. Симоничем подобной характеристики на весь туркменский народ не имеет ничего общего с исторической действительностью.

Грабежам шахских войск подверглись не только туркмены-йомуды, но и «несчастные гокланские туркмены, которые, доверившись обещаниям, остались в лагере, подверглись ужасному обращению. Их начисто ограбили, а жилье сожгли. Кроме того, от них потребовали заложников, которых отправили в Тегеран»[2]. Здесь следует отметить обычную тактику иранских шахов, когда они прибегали к обману, заявляя туркменам, что делают просто очередной объезд своих владений, а затем внезапно совершали на них нападение и жестоко избивали, грабили.

И на этот раз гоклены и йомуды, «доверившись обещаниям», не покинули свои селения и попали в ловушку. Плениых йомудов, гоклен и их заложников погнали в Тегеран. Вместе с детьми и женщинами они вереницей шли по горным дорогам и перевалам. Переходы были продолжительными и трудными. Многие падали от усталости и голода. К. Боде рассказывает о случае, когда одному из таких обессилевших пленников солдаты отрубили голову, чтобы представить начальству в доказательство того, что тот не убежал.

---

[1] *Симонич И. О.* Воспоминания..., с. 110—111.

[2] Там же, с. 112.

«Но всего ужаснее в этом возмутительном варварстве, — пишет он, — было то, что бедная вдова туркменца принуждена была нести окровавленную голову своего мужа до самого ночлега, на который расположилась армия... Персияне смотрят на эти жестокости холодно и равнодушно. Ведь это туркменец, а стоит ли жалеть о туркменцах»[1]. Вот так «цивилизованный» шах и его войска расправлялись с «дикими» туркменами, что неизбежно порождало ответные действия со стороны последних.

У туркменских племен иссгари практиковалось хранение чистого зерна на зиму в широких и глубоких ямах, покрытых снизу и сверху соломой, которые потом засыпают землей. Такие ямы называются «уры» и их роют обычно на сухой и твердой земле. В период туркменской кампании 1836 г. иранские войска, несмотря на все предосторожности туркмен, «нашли средство открыть их подземные житницы и поживались хранившимся в них хлебом»[2]. В результате туркмены лишились провианта. Поэтому они обратились к кавказскому наместнику России барону Г. В. Розену с просьбой выделить им 6 тыс. пудов зерна, т. е. «дать провиант для пропитания народа за деньги, каковые мы обязываемся вполне уплатить после, через несколько годов по сроку, который будет назначен»[3]. Как обычно, в таких случаях Россия безотлагательно отпустила туркменам просимые 6 тыс. пудов хлеба, учитывая «тяжкую для них минуту». Впоследствии издержки за отпущенный хлеб, за его доставку к туркменским берегам в сумме около 4 тыс. руб. были возмещены из государственной казны[4]. Это еще раз свидетельствует, что Россия всегда протягивала туркменам руку помощи, когда они подвергались нападениям и грабежу со стороны Ирана или Хивы.

Войска Мухаммед-шаха и Феридун-мирзы не ограничивались только угоном людей, скота, уничтожением зерна, поджогом жилищ, но и занимались мародерст-

---

[1] *Боде К.* Очерки туркменской земли..., с. 61—71. Власти Ирана сообщили К. Боде, что в Тегеране содержатся заложниками 400 гокленских семей, что обходится правительству в 16 тыс. туманов в год.

[2] Там же, с. 44.

[3] Русско-туркменские отношения..., с. 322.

[4] Там же, с. 322—324, 326, 335.

вом, собирая у населения «богатую жатву» коврами, паласами, попонами, ковровыми изделиями (торбы, хурджуны и др.), шелковыми и шерстяными тканями и т. д. У гокленов брали даже сырой шелк, не говоря о продуктах питания[1]. В результате набегов иранских войск туркмены вынуждены были покидать насиженные места: йомуды удалялись в заатрекские степи, а гоклены иногда уезжали в пределы Хивы к своим родственникам, ранее угнанным туда хивинскими ханами, и снова тайно возвращались в свои родные места на берегах Гургена[2].

Изложенные факты подтверждают, что 1836 г. был годом важных событий в развитии русско-туркменских взаимоотношений, а также в осложнении ирано-туркменских отношений. Эти события тесно связаны между собой, и одни вытекали из других. В последующие годы шахские власти Ирана не переставали вмешиваться во взаимоотношения туркмен с Россией и прибегали ко всякого рода провокациям, чтобы осложнить их. Они действовали по принципу «разделяй и властвуй», противопоставляя одних туркмен другим, натравливая их друг на друга или же искусственно обостряя отношения между иранскими, русскими, туркменскими купцами и рыбаками.

Шахские власти Ирана, особенно наместники приграничных провинций, усиленно охотились за Кият-ханом. В 1838 г. правитель Мазандерана Ардашир-мирза совершил набег на о. Челекен с тем, чтобы поймать Кият-хана, который «приобрел большое состояние». Его отряд из 1000 стрелков на морских судах внезапно напал на челекенских туркмен, дома которых «построенные из дерева, боевые припасы, оружие и утварь были частью сожжены, частью потоплены». За свои «подвиги» Ардашир-мирза был пожалован мечом, усыпанным драгоценными камнями, орденом Льва и Солнца на красной ленте, целиком усыпанным алмазом, и чином полковника[3]. Однако «подвиг» принца не имел серьезных последствий для коммерческой деятельности Кият-хана. Тем не менее военная экспедиция Ирана на

---

[1] *Бодэ К.* Очерки туркменской земли..., с. 164.

[2] Там же, с. 112.

[3] МИТТ, т. 2, с. 237—238. Челекен в то время еще был небольшим островом длиной до 25, шириной до 15 верст, лежащим в 20 верстах от берега (Русско-туркменские отношения..., с. 311).

о. Челекен говорит о еще одной попытке противодействовать укреплению русско-туркменских взаимоотношений.

О готовящейся вылазке Ардашир-мирзы на о. Челекен стало известно и правительству России. Советник посольства в Тегеране Ходзько сообщал, что в Реште на снаряжаемые в военную экспедицию суда нанимаются русские матросы, оказавшиеся там по торговым делам. Депешами МИД России было предписано Ходзько и графу И. О. Симоничу предпринять «нужные меры к отклонению персиян от подобного предприятия, столь несогласного с видами и пользами России». При этом правительству Ирана напомнили, что его намерение овладеть о. Челекен идет вразрез с Туркменчайским трактатом, согласно которому, «кроме России, никакая другая держава не должна иметь вооруженных судов на Каспийском море»[1]. Поскольку Иран все же совершил нападение на о. Челекен, ставился даже вопрос о занятии его и передаче всех нефтяных и соляных богатств русским предпринимателям на откуп, а Кият-хану дать единовременное вознаграждение или назначить пенсию[2].

В отношении Кият-хана шахское правительство вело двойную политику. С одной стороны, оно за ним охотилось, чтобы поймать и казнить, а с другой, — заигрывало, издавая фирман о назначении ханом туркмен йомудского племени, одаривая его и двух старших сыновей роскошными халатами из кашмирской шали. Фирманы эти составлены в таком стиле, что из-за обилия пустых слов невозможно угадать их рациональное содержание[3]. За вычурной словесной завесой можно угадать, что в 1839 г. Кият-хан будто бы сам обратился с письмом к Мухаммед-шаху и первому министру Хаджи Мирза Агаси по делам морских рыбных промыслов и преподнес им по одной породистой лошади, которые очень понравились шаху и премьер-министру.

Письмо Кият-хана и лошадей доставили в Тегеран его родственник Халлы-хан и иранский вельможа Му-

---

[1] АВПР, ф. Гл. архив 1—9, 1836—1864, д. 5, л. 36—38.

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 311.

[3] Эти бумаги, наряду с другими многочисленными документами, были найдены среди вещей Якшимухаммеда после его смерти в Воронеже в 1849 г. (АВПР, ф. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1842—1856, д. 12, л. 208—211).

хаммед Салих-хан, который называет себя министром. В шахском фирмане, письмах премьер-министра и Мухаммед Салих-хана содержатся обещание «устроить дело о море» в пользу Кият-хана и требование прислать в Тегеран в заложники семью одного из его ближайших родственников. Мухаммед Салих-хан откровенно требовал у Кият-хана взятку за содействие его делу. Он писал Кият-хану, что хвалил его перед шахом сколько только мог, и если он хочет получить фирман о море на свое имя, «нужны наличные деньги, чтобы дать людям при дворе для устройства дела»[1]. Это является типичным примером вымогательства и продажности шахских сановников. Эти факты показывают, что на склоне лет Кият-хан метался. По-видимому, он пришел к выводу, что Россия не сможет оградить его интересы, обеспечить права на рыболовные промыслы и действовал на два фронта. С одной стороны, пытался доказать свою верность России, торговал с русскими купцами, заключал с ними контракты о поставке рыбных продуктов, с другой, — написал прошение шаху и дарил ему породистых лошадей. Хотя Кият-хан в марте 1840 г. и писал кавказскому наместнику о том, что «не знает, почему и за какие услуги персидский шах в присланном прошлого 1839 г. фирмане признал меня ханом туркменского йомудского народа, а засим при втором фирмане прислал мне и детям моим Якшимухаммеду и Кадырмухаммеду в подарок по халату», хотя он был согласен снять с себя этот халат и отказаться от ханского достоинства, «навсегда быть с потомством и подвластным народом под покровительством Российско-императорской державы» и т. д.[2], все это он прекрасно знал. В угоду своих корыстных целей, личных интересов Кият-хан петлял между двумя государствами. Впрочем, это единственный случай, когда он отступил от своих обещаний верноподданничества России и пошел на флирт с шахом Ирана. И это отступление не дало никаких положительных результатов в его коммерческой деятельности и не принесло ничего, кроме пустого фирмана Мухаммед-шаха.

---

[1] АВПР, ф. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1842—1856, д. 12, л. 210—211.

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 351.

Со стороны иранских властей действия против сближения туркмен с Россией неоднократно повторялись и в последующем. Особенно активизировались «законопреступные действия» братьев Мир-Багировых, делавших все, чтобы поссорить туркмен с Россией вообще, с русскими купцами в частности. Они распространяли среди туркмен разные, подчас нелепые ложные слухи о русских, всячески старались «подорвать доверенность туркменского народа к русским», внушить им, что русские — «жестокие тираны, отнимающие свободу», что, если кто из туркмен будет жаловаться русским на действия братьев Мир-Багировых, то они будут арестованы и переданы иранским властям, после чего им придется платить огромный выкуп, что им лучше покориться власти Ирана[1] и т. д.

Подобные действия часто переходили в грабительские нападения на туркменские селения, сопровождавшиеся уводом в плен людей, угоном скота, уничтожением посевов и запасов зерна, рыболовных снастей, поджогом ватажных строений и т. п. Все эти интриги, происки и агрессивные действия приводили к обострению вражды туркмен с Ираном и осложняли развитие русско-туркменских взаимоотношений. Такое состояние продолжалось десятилетиями и наиболее наблюдательные представители России пришли к выводу о том, что «вражда у туркмен с персиянами без постороннего посредничества будет бесконечна»[2]. Она обострилась с новой силой накануне присоединения Туркмении к России, о чем свидетельствуют войны между туркменами и каджарским Ираном 1842, 1858, 1861 гг. в разных районах Южной Туркмении.

В связи с неудачным походом оренбургского военного губернатора В. А. Перовского в Хиву в 1840 г. хивинский хан Аллакули в панической спешке начал собирать войска. В одном из писем туркменские старшины сообщают, что хивинский хан набрал войско из 16 тыс. узбеков, но на них «хан надежды не полагает, потому что народ сей не воинственный». Поэтому он обратился с воззванием ко всем туркменским племе-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 334—335, 347—351.
[2] Там же, с. 364.

нам[1], казахам и каракалпакам, нанял 20 тыс. войска, собрал и приготовил 65 пушек под прикрытием 3-тысячного отряда гвардии, заготовил много провианта, фуража, пороха, кремневых ружей, 20-фунтовые ядра и т. д.

Вероятно, цифры здесь несколько преувеличены. В Хиве регулярных войск не было. Перед каждым походом по призыву хана на указанное сборное место стекались конные и пешие отряды племен и народов, населявших ханство. Собирались беспорядочными толпами без всякого подразделения на части и формирования, по произволу каждого юзбаши или сердара, возглавлявшего толпу своих родов и племен. Расположение лагерем, выступление с ночлегов, переходы совершались без распоряжений и порядка. Люди часто шли в дружину хана не для того, чтобы воевать, а в надежде на денежное вознаграждение и богатую добычу, а также из-за боязни мщения со стороны хана за ослушание. При переходах это войско растягивалось на несколько десятков километров и, имея в своем составе огромное число вьючных верблюдов, представлялось непривычному глазу бесчисленным и страшным полчищем, которое на самом деле не способно было устоять против небольшого отряда хорошо обученного регулярного войска[2]. Количество пушек также преувеличено. В 1840 г. в Хиве было всего 20 пушек, из них только две годные[3].

Отряды, набранные хивинским ханом из текинцев, начали совершать нападения на йомудов после того, как те отказались принять от Аллакули-хана награды и деньги с тем, чтобы йомуды «восстали обще с другими народами противу русских», чтобы они также выставили 1000 человек в войска хана. Когда йомуды не выполнили его требования и обратились к хану с просьбой вернуть угнанных в Хиву детей и женщин, «он торжественно в том отказал, объясняясь: так как они избрали себе благодетелем российского монарха,

---

[1] В письме Кият-хана приведены названия туркменских племен — теке, сарык, эрсары, гоклен, нгдыр, човдур, алили, карадашлы, салыр, ата, арабачи, емрели, чендыры, агары, умгалы, ак-дербенты и другие, к которым Аллакули-хан обратился за помощью в борьбе против войск генерала В. А. Перовского.

[2] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 19 255, л. 106—107.

[3] Там же, л. 108—111.

то от него и испрашивали себе помощи»[1]. Так, натравливая одних туркмен на других, хивинский хан преследовал прибрежных йомудов за их связи с Россией.

Следует отметить, что йомуды прикаспийских районов всегда держались независимо по отношению к Хиве. Упрямство и дерзость йомудов вызывали у хивинских ханов чувство мести и раздражения[2]. Иногда йомудские старшины обменивались с хивинскими ханами «слюбезными» посланиями, выдержанными в духе письма запорожских казаков турецкому султану. Так, в 1836 г. Аллакули-хан наложил арест на торговый караван прибрежных йомудов, состоящий из 2000 верблюдов, и послал им оскорбительную грамоту. В своем ответе йомуды писали, что «стыдно сильному государю, если он таким себя разумеет, подобно скомороху, оскорблять вольный народ, что не страшатся его прибытия и встретят не с веретеном в руках, что неизвестно еще, кому бог дарует победу, и чтобы, наконец, не клюнча о чужих девушках, позаботился о сбережении собственного своего гарема»[3]. Подобными посланиями, полными взаимных угроз и оскорблений, туркмены обменивались не только с хивинскими ханами, но и с соседними курдами[4], а во время текино-сарыкской распри 1857 г. состоялось словесное состязание между поэтами Доват-шахиром и Кара-шахиром, которые старались превзойти друг друга в оскорбительных и непристойных высказываниях в адрес враждебного племени и многих конкретных личностей того времени[5].

Так протекала жизнь юго-западных туркмен в 30—40-е гг. XIX в. За эти годы значительно укрепились их связи с Россией, выражавшиеся в твердом намерении туркмен опереться на нее в политическом отношении, развивать с ней торгово-экономический обмен на договорной основе путем заключения долговременных контрактов с русскими купцами. Туркменам нужна была политическая стабильность, внешняя безопасность. Они всегда стремились к устойчивым и мирным отношениям

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 346—347.
[2] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 19255, л. 46 об.
[3] Путешествия Г. С. Карелина..., с. 292.
[4] Путешествие в Бухару лейтенанта Ост-Индской компанейской службы А. Борнса в 1831—1833 гг., ч. 3. М., 1850, с. 166—167.
[5] *Абду-с-Саттар казы.* Книга рассказов о битвах текинцев. Спб., 1914, с. 105—106.

с Ираном и Хивой[1]. Однако правители этих стран часто нарушали спокойное течение жизни, прибегали к различного рода санкциям и насильственным действиям, вызывая ответную реакцию со стороны туркмен. Такое неустойчивое положение представляло широкое поле для деятельности неблагонамеренных и недальновидных людей из родо-племенной знати туркмен, для аламанства и грабежей. Так продолжалось из года в год по замкнутому кругу. В этих условиях туркмены с надеждой смотрели на Россию как на силу, способную обеспечить порядок и спокойную жизнь.

Говоря о таком положении юго-западных туркмен, русский дипломат И. О. Симонич писал: «Если бы они смогли обеспечить себе полную и абсолютную безопасность, дабы не подвергаться притеснениям со стороны персов, если бы они были уверены, что эта безопасность будет гарантирована, тогда в самое ближайшее время они прочно осели бы на этой земле, чтобы никогда больше ее не покидать. Но от кого они ждут этих гарантий? От России»[2]. Конечно, туркмены еще не имели представления об антинародной природе царизма, не отличали царизм от России, на сближение с которой шли без понимания подлинных намерений царизма. При всех пороках царизма Россия объективно представляла цитадель могущества и силы, бастион мира и спокойствия, гарант стабильности и устойчивой жизни для народов Средней Азии, Казахстана и Закавказья.

Взаимоотношения мангышлакских туркмен с Россией в 40—50-е гг. XIX в.

После сооружения Ново-Александровской крепости в 1834 г. торгово-экономические взаимоотношения мангышлакских туркмен с Россией стали развиваться в более благоприятных условиях. В связи с основанием крепости Г. С. Карелин в том же году послал в Хиву своего переводчика-армянина Турпаева с тем, чтобы пригласить туркмен, казахов и хивинцев в крепость для торговли. Туркмены встретили Турпаева очень

---

[1] *Боде К.* Очерки туркменской земли..., с. 56—58.
[2] *Симонич И. О.* Воспоминания..., с. 111.

дружелюбно и заявили, что хивинский хан боится России, что он «по появлении русских, сделался к ним, туркменам, отменно добр; делает подарки, жалует в юзбаши и более не притесняет»[1]. Турнаев пришел к выводу, что, «где только имел случай видеться и разговаривать с туркменами, я мог удостовериться, что все они искренне рады русскому в здешнем краю водворению, питаясь надеждою на лучшую будущность». Речь идет о хивинских туркменах, и они просили Турнаева, чтобы он ни в чем не уступал хану[2].

Хотя хивинский хан после основания крепости на Мангышлаке, действительно, стал уступчивее по отношению к туркменам и действовал с оглядкой на Россию, все же он продолжал упорно преследовать човдуровских туркмен как главных виновников появления России на Мангышлаке. Представители човдуров искренне признавались Турнаеву, что находиться им «под игом Хивы — истинная каторга», и они готовы навсегда оставить пределы Хивы и перебраться на Мангышлак[3]. По-видимому, многие из них так и поступили, так как в 40-е гг. XIX в. на Мангышлаке насчитывалось до 7 тыс. кибиток туркмен[4].

Мангышлакские туркмены по укладу жизни, хозяйству и общественному строю несколько отличались от юго-западных туркмен. Прежде всего, они жили гораздо беднее, чем йомуды и гоклены. Многие авторы XIX в. отмечают исключительную бедность большинства мангышлакских туркмен, занимавшихся в основном рыболовством. Скотоводство было незначительное. Земледелие носило очаговый характер. Еще одной особенностью мангышлакских туркмен было то, что у них «гораздо менее произвола в управлении». Если у юго-западных туркмен преобладала власть ханов и беков, то у них преобладали ишаны, муллы и казы, отличавшиеся «молчаливой важностью»[5]. Все эти особенности способствовали сближению мангышлакских туркмен с Россией, создавая для этого необходимые экономические предпосылки. Однако заинтересованность туркмен

---

[1] *Галкин М. Н.* Этнографические и исторические материалы..., с. 269—270.

[2] Там же.

[3] Там же, с. 278.

[4] Русско-туркменские отношения..., с. 399.

[5] *Галкин М. Н.* Указ. раб., с. 34—38.

к торговле и сближению с Россией наталкивалась на серьезные трудности.

Если во взаимоотношения юго-западных туркмен с Россией постоянно вмешивались власти шахского Ирана, всячески добиваясь их ухудшения, то стремление мангышлакских туркмен к торгово-экономическому сотрудничеству с Россией постоянно встречало противодействие со стороны хивинских ханов. Стратегической целью ханских властей было не допустить водворения русских на восточных берегах Каспийского моря, для чего использовались всякие средства. То они просили мангышлакских туркмен и казахов «не допустить заведения города», то преследовали туркмен за «усердие русскому царю», то посылали воззвания к адаевским казахам грабить туркмен. Именно в результате содействия и подстрекательства хивинских ханов туркмены постепенно были вытеснены адаевскими казахами с Мангышлакского полуострова. Еще в начале XIX в. туркмены почти целиком населяли полуостров от Мертвого Култука на севере до Александр-бая на юге. В результате натравливания одного народа на другой, что приводило к ничем не оправданным обоюдным жестокостям туркмен и казахов, «убивающих противников жен и детей варварски», туркмены в силу своей малочисленности вынуждены были отойти на юг в сторону Кара-Бугазского залива[1]. М. И. Иванин, посетивший Мангышлак в 1846 г., отмечает, что выгоды туркмен от торговли с Россией «породили зависть хивинцев и алчность киргизов, которые, будучи подучаемы хивинцами, усилили свои набеги и грабежи. К несчастью туркменов, между ними не было и согласия; они терзали сами себя междоусобиями, а многие, предавшись торговле, вовсе потеряли воинственность»[2]. Все эти факты говорят о том, что туркмены Мангышлака переживали трагические события, и их жизнь оказалась под серьезной угрозой.

Смертельная боязнь могущества России заставляла хивинских ханов искать выхода и путем поиска различных компромиссов. После неудачного похода В. А. Перовского в Хиву Аллакули-хан 19 июля 1840 г. издал фирман, смысл которого сводится к тому, что он веду-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 388, 397, 444, 448.

[2] *Иванин М. И.* Поездка на полуостров Мангышлак..., с. 280.

пил с российским императором «в дело миролюбия, с твердым намерением искать его высокой дружбы и приязни; отныне никто не должен делать набеги на русское владение и покупать русских пленных»[1]. Фирман был адресован туркменам, казахам, каракалпакам и другим народам ханства и свидетельствовал о страхе Аллакули-хана перед Россией.

Политическая зависимость туркмен и адаевских казахов от Хивы объясняется конкретными экономическими причинами. Эти народы остро нуждались в обмене своих товаров на хивинские. Туркмены и казахи пригоняли на хивинские базары живой скот, в основном баранов и верблюдов, привозили шерсть, войлоки, ковры и паласы, шерстяные ткани и другие продукты скотоводства и покупали хлеб, хлопчатобумажные, шелковые ткани, одежду, деревянную посуду, металлические изделия, выделанные кожи, обувь и т. д. Хивинские ханы нещадно эксплуатировали эту зависимость туркмен и казахов, не пуская их на рынки, облагая высокими пошлинами, устраивая набеги на караваны, натравливая одних на других и т. д. Именно деспотические режимы Востока искусственно создавали антагонизм между кочевниками и оседлыми, между скотоводами и земледельцами, между степью и оазисами.

В этих условиях, естественно, каждый народ искал свой путь, выход из создавшегося опасного положения. Туркмены свои взоры вновь обращали к России. Их представители просили построить еще одну крепость гораздо южнее Ново-Александровска в районе Тюб-Карагана. Они писали: «Построение крепости чрезвычайно нас обрадует... Мангышлак есть сундук, а Тюб-Караган — замок. Будь к этому замку ключ у вас в руках... все, чего не пожелает сердце, достать будет можно»[2]. При этом туркмены проявляли некоторый эгоизм. Когда в 1846 г. было решено построить второе укрепление при Тюб-Карагане под названием Ново-Петровское, они с пристрастием отнеслись к этому. И считали, что «крепость эту великий государь повелел построить для нас», и в письмах всячески ста-

---

[1] *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии, т. 1. Спб., 1906, с. 174.

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 389.

рались отстранить от крепости казахов, говоря, что сердце и искренность туркмен к России велики, а казахи настроены враждебно, что русские должны проявить осторожность и не должны почитать казахов друзьями и т. д.[1]

Действительно, по прибытии русского отряда в Карагайский залив для основания Ново-Петровского укрепления старшины и бии адаевских казахов заявили русским следующее: «Прибыв на Мангышлак, вы вознамерились возвести крепость. По сношению ли это с хивинским ханом или без оного? Ежели без согласия, то оказывать вам услуги нам не приказано; на этот предмет мы имеем от хана повеление... Мы — люди, выросшие в степях, законов не знаем. Не примите в вину»[2]. Этот отрывок еще раз свидетельствует, какую роль сыграли хивинские ханы в русско-туркменских и русско-казахских взаимоотношениях в середине XIX в. и как они старались противопоставить казахов туркменам или наоборот.

Царское правительство также преследовало свои интересы. Прежде чем основать Ново-Петровское укрепление, оно решило направить туда знающих людей для того, чтобы на месте разобраться в положении дел, вникнуть в суть, расспросить туркмен, чего именно они хотят от России, может ли Россия выполнить их требования; словом, взвесить все выгоды и невыгоды от принятия туркмен в подданство и строительства крепости. Россия хотела извлечь какую-то пользу от принятия туркмен в свое подданство, создать из них и казахов какой-то «род оплота против хивинцев»[3].

В результате основания Ново-Петровской крепости торговля на восточном берегу Каспийского моря значительно оживилась. Русские купцы привозили ситцы, миткали, платки, муку, сундуки, котлы, разную одежду, иглы, табак, острые ножи, ножницы, зеркала, трепожники, гребни и другие товары, а туркмены продавали баранов, коз, верблюдов, лошадей, шерсть, войлоки, шкуры, лисьи и волчьи меха, черную смушку, ковры, тонкую армячину из верблюжьей шерсти[4] и т. д.

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 395.
[2] Там же, с. 397.
[3] Там же, с. 396.
[4] Там же, с. 400—401.

В середине XIX в. развитие взаимоотношений мангышлакских туркмен с Россией неизменно было связано с именем их старшины и духовного лица Нурмухаммеда Махтум Бекдурды Ишана[1]. Его имя впервые упоминается в документах 1835 г., а последний раз — в 1871 г., когда хивинский хан пригласил его к себе для совещания в связи с усиливающимся влиянием России[2]. Местопребывание его племени човдур и игдыр находилось в районе Александр-бая — южной оконечности Мангышлакского полуострова. Туркмены (човдур и игдыр) имели тесные родственные и хозяйственные связи с соплеменниками, живущими в пределах Хивинского ханства. Нурмухаммед Ишан как старшина и духовное лицо пользовался огромным авторитетом среди мангышлакских туркмен и казахов, народов Хивинского ханства, астраханских, оренбургских, а позднее и кавказских властей России. В архивных документах его называли по-разному: настоящим отцом племен, архиереем, далайламой и патриархом[3]. Его отец Бекдурды Ишан также пользовался авторитетом среди своих сородичей.

Нурмухаммед Ишан последовательно и неуклонно боролся за укрепление русско-туркменских политических и торгово-экономических взаимоотношений. Он неизменно выступал за дружбу с Россией, за согласие между туркменами и казахами, против произвола хивинских ханов, захвата русских в плен и продажи их на невольничьих рынках Хивы и Бухары. Неоднократно выручал попавших в плен русских за свои деньги и возвращал их на Родину.

Нурмухаммед Ишан действовал на свой страх и риск и опасался реакции казахских феодалов и хивинских

---

[1] Родился примерно в 1806 г. В 1846 г. М. И. Иванин о нем писал: «Ишан роста среднего, плотен; от роду лет 40; волосы имеет русые, бороду окладистую и несколько рыжеватую; цвет лица белый с веснушками; физиономия его более русская, нежели туркменская. Он одет был в тонкий, светло-горохового цвета халат, сотканный из верблюжьего пуха с шелком; на голове имел чалму; прочие же туркмены носят обыкновенные хивинские халаты и высокие цилиндрические шапки из черных смушек» (*Иванин М. И.* Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 г. — ЗИРГО, 1847, кн. 2, с. 291).

[2] *Гродеков Н. И.* Хивинский поход 1873 г. Действия кавказских отрядов. Спб., 1888, с. 6.

[3] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 18283 (без даты), л. 1—4.

ханов. Он настаивал на соблюдении тайны переписки с русскими, просил коменданта Ново-Александровской крепости, «если вы будете иметь к нам какую-либо нужду, то уведомляйте обо всем нас тайно и берегитесь, чтобы не осведомились обо всем, мной писанном, кайсаки. Если они узнают что-либо о наших сношениях, то тотчас же донесут об этом хивинскому хану, и тогда мы пропали... И мы во всем полагаем надежду свою на великого государя»[1]. В другом письме на имя астраханского губернатора он добавляет, что если хивинский хан узнает о его действиях, то предпримет поход на Мангышлак и ему придется переселиться в Россию, чтобы спастись от преследований[2].

Туркмены, действительно, вынуждены были скрывать свои симпатии к России из-за опасения со стороны Хивы и подстрекаемых ею казахских феодалов. В то же время на протяжении веков и десятилетий они ожидали помощи и защиты только со стороны России. Когда, наконец, было основано Ново-Александровское укрепление на Мангышлаке, Нурмухаммед Ишан в письме оренбургскому губернатору В. А. Перовскому указывал, что он радуется этому, «ибо оно служит защитою к охранению нас»[3]. Окрестные туркмены за сотни километров ездили к крепости (явно и тайно), вступали в переговоры с комендантом, информируя его о делах и нуждах, вели меновую торговлю своими товарами.

По иронии судьбы Нурмухаммед Ишан впервые попал в Астрахань в качестве пленника. Недоразумение произошло в 1839 г. недалеко от Александр-бая; когда его и еще несколько человек, работавших на бахче, приняли за разбойников и задержали. Нурмухаммед Ишан заявил мичману о том, что у него дома находятся два выкупленных из плена русских, которых просил доставить на судно. Их всех увезли в Астрахань, где вскоре выяснилось, что Нурмухаммед Ишан был задержан по ошибке. Большую услугу при этом оказали выкупленные им пленные, подтвердившие, что он «выторговал их с тем, чтобы при первом случае возвратить их к семействам... что Ишан, действительно, обещал им свободу при первом случае, утешал их, обращался с ними кротко». Трогательна была сцена расставания бывших

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 280.
[2] Там же, с. 318.
[3] Там же, с. 343.

пленных с Нурмухаммедом Ишаном, «заботливость их о его участи, одежде, пище... и неотступные просьбы их поскорее и в подробности объяснить астраханскому военному губернатору, что он был для них настоящим отцом во время их бедствия»[1]. После соответствующей переписки между астраханским и оренбургским губернаторами и центральным правительством последовало повеление Николая I: «Ишана, как взятого понапрасну и безвинно содержащегося, немедленно освободить; в вознаграждение же за все им претерпенное и за усердие, оказанное выручкой двух русских из плена, выдать ему в виде награды приличную сумму денег»[2]. Нурмухаммеда Ишана «как истинно полезного для России в своем негостеприимном отечестве» вернули на родину, выплатив ему 100 руб. серебром и 90 червонцев за издержки по выкупу из плена двух русских[3].

Нельзя, конечно, не отметить, что Нурмухаммед Ишан на Мангышлаке делал примерно то же, что и Кият-хан на Челекене и на юго-восточном побережье Каспийского моря. Как и Кият-хан, он преследовал и собственные интересы. В одном из писем оренбургскому военному губернатору от 8 июня 1845 г. он писал о себе: «Я считал себя счастливым и надеялся, что под сенью покровительства (государства) достигну высоких степеней и милостей. Нет порока в том, если просил у бога и царя и потому умоляю вас меня в том извинить»[4]. Он говорил о своем затруднительном положении, о том, что казахские феодалы донесли на него хивинскому хану, что он оказывает русским много услуг, что ему приходится укрываться и избегать встречи с хивинцами, просил Россию удержать обитателей Мангышлака, иначе они переедут в Хиву и из друзей превратятся во врагов[5] и т. д. Намеки Нурмухаммеда Ишана насчет высоких степеней и милостей были приняты во внимание..., и уже в следующем году он получил от оренбургского губернатора медаль как

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 344—345.
[2] Там же, с. 339.
[3] Там же, с. 343.
[4] Там же, с. 388.
[5] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 18283, л. 1—4.

знак свидетельства о признании его заслуг[1]. В 1859 г., наряду с другими, он был награжден еще одной серебряной медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на станиславской ленте за услуги, оказанные экспедиции В. В. Дандевиля, врученной опять-таки от имени оренбургского военного губернатора[2].

В связи с основанием Ново-Петровского укрепления в 1846 г. с Нурмухаммедом Ишаном встретился полковник М. И. Иванин, который писал: «Ишан принял меня, окруженный толпою бедных туркменов и киргизов, кочевавших на Александр-бае, но в своей кибитке не хотел принимать, опасаясь хивинцев»[3]. Принял он М. И. Иванина возле колодца под тенью деревьев, посаженных его отцом. Извинился за обстоятельства и в доказательство своего искреннего расположения 2 дня стоянки угощал весь отряд свежей рыбой и бараниной, дынями и арбузами. М. И. Иванин одарил его приличными подарками, большую часть которых Ишан раздал бедным туркменам и казахам, среди которых пользовался особым уважением.

Как уже говорилось, накануне присоединения Хивы к России Сеид Мухаммед Рахим-хан пригласил Нурмухаммеда Ишана для совета, который возвратился с Кавказа, где был представлен Александру II. Это было в 1871 г. после осенней рекогносцировки русских войск на подступах к Хиве. Хивинский хан как смерти боялся появления русских и по совету своих сановников вынужден был пригласить Нурмухаммеда Ишана, которого всю жизнь упрекал за связи с Россией. Нурмухаммед Ишан держался подчеркнуто гордо, и его слова явились пощечиной хану и его диванбеги. «С 1867 г., — говорил он, — я каждый год приезжаю в Хиву, и каждый год имею разговор с диванбеги... Мне известно, что о наших разговорах диванбеги докладывал вам, но вы оба смеялись надо мной, продолжали давать пристанище всем бежавшим из России ворам и разбойникам, покупать пленных и даже платить деньги за доставляемые вам головы русских. Что же такое случилось теперь, что вы решились призвать меня к себе?..

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 386, 394—395.
[2] Там же, с. 491—492.
[3] *Иванин М. И.* Указ. раб., с. 290—291.

Поздно уже теперь»[1]. При этом он не жалел красок, описывая могущество России, уподобляя ее чудовищному удаву, который многие десятилетия лежал к Хиве хвостом, а голова его была далеко на западе, за морями. Стращая Сеид Мухаммед Рахим-хана, он говорил, что хивинские ханы, «как моль, точили перья на его хвосте и даже дерзнули держать в неволе его детей... Много слов за это время я бросил на ветер, чтобы вразумить вас... Теперь же, когда могучий змий обратил к вам свою пасть и когда одного дыхания его достаточно, чтобы уничтожить вас всех, вы спрашиваете меня, что вам делать? Самое лучшее будет, если вы выйдете к русским с повинной»[2]. Нурмухаммед Ишан явно демонстрировал свое превосходство над ханом и то, что его пригласили, говорит о большом авторитете перед Россией и Хивой. Его политические суждения отличались трезвостью и благоразумием, а многочисленные письма — глубоким содержанием, в которых удачно применяются образцы народной мудрости, пословицы и поговорки.

Взаимоотношения мангышлакских туркмен с Россией осуществлялись по трем каналам — через Астрахань, Оренбург и Кавказ. Несмотря на свою малочисленность, исключительно трудные условия экономической жизни и политической борьбы против хивинских ханов и казахских феодалов, туркмены Мангышлака первыми проложили дорогу в Россию и пронесли дружбу к ней через века и десятилетия. Построенные по их многочисленным просьбам Ново-Александровское и Ново-Петровское торговые укрепления, наряду с Красноводским, послужили форпостами русской власти на западных окраинах Средней Азии, откуда впоследствии началось продвижение России в ее глубинные коренные районы.

Создание морского крейсерства на Ашур-ада и его влияние на русско-туркменские связи

Вскоре после признания Россией в 1837 г. прав Ирана на пространство между реками Карасу, Гурген и Атрек, населенное туркменами, шахское правительство стало усиленно добиваться назначения российских военных судов для содействия с моря иранским сухо-

[1] *Гродеков Н. И.* Указ раб., с. 6.
[2] Там же.

путным войскам, направленным для наказания туркмен за якобы «производимые ими хищничества в пределах Персии»[1]. Правительство России опасалось реакции туркмен, всегда надеявшихся на покровительство России, и полагало, что предоставление военной помощи Ирану в борьбе против них может навредить русско-туркменским взаимоотношениям. Кавказский наместник, например, писал, что «внезапное содействие наших судов в пользу персиян может привести их (туркмен. — *М. А.*) в совершенное недоумение и иметь гибельные последствия для наших купцов и рыбопромышленников, посещающих их»[2]. Поэтому предлагалось разъяснить туркменам необходимость прекращения морских набегов и неприязненных действий против прибрежных провинций Ирана.

Согласно ст. 7 Туркменчайского договора Иран не имел права держать в водах Каспийского моря вооруженные суда. Шахское правительство постоянно жаловалось России на набеги юго-западных туркмен с моря на иранские прибрежные районы Астрабадской, Мазандеранской и Гилянской провинций. В результате длительных переговоров между Ираном и Россией в целях водворения спокойствия и обеспечения безопасности в юго-восточной части Каспийского моря в начале 1841 г. было учреждено постоянное русское крейсерство на небольшом острове Ашур-ада у устья речки Карасу[3]. Остров находился против туркменского селения Карасенгир и служил местом для посевов бахчевых культур, в основном дыпь и арбузов.

Русское крейсерство впоследствии было преобразовано в Ашур-адинскую морскую станцию, осуществлявшую надзор над всеми морскими сообщениями в этом районе. Одной из главных задач крейсерства было оказание содействия русским купцам в торговле и охрана их судов и товаров от набегов и грабежей отдельных шаек аламанщиков (морских разбойников) из прибрежных туркмен[4]. Морская станция особенно тщательно проверяла туркменские большегрузные парусные суда (киржимы), на которых они ездили в прибрежные районы Северного Ирана для продажи там нефти, озокерита,

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 325.
[2] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 749, л. 30.
[3] АВПР, ф. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1843—1860, л. 12а.
[4] Русско-туркменские отношения..., с. 354—356.

рыбы, рыбных продуктов (икры, клея), соли, красителей, различных шерстяных изделий, поскольку жены туркмен «умеют употреблять шерсть на тысячу ладов»[1], и других продуктов своего производства. Эти продукты туркмены в основном выменивали на зерно, рис, растительное масло, различные ткани и предметы домашней утвари.

Предлагая учредить постоянное крейсерство в Астрабадском заливе, К. В. Нессельроде в докладе на имя Николая I от 10 декабря 1840 г. писал, что эта мера будет полезной в трех отношениях: во-первых, удовлетворит просьбу правительства Ирана; во-вторых, будет способствовать еще более тесному сближению России с прибрежными туркменами и поддержанию среди них ее влияния; в-третьих, постоянное появление в заливе русских военных судов доставит необходимое покровительство торговым предприятиям России в том крае[2]. После оживленной переписки между отдельными государственными деятелями России К. В. Нессельроде в начале 1841 г. одновременно известил кавказского наместника и астраханского военного губернатора об учреждении постоянного крейсерства в Астрабадском заливе и предписал им обеспечить отправку туда военных судов для крейсирования[3].

Учреждение крейсерства, благодаря близорукой политике его командования, первоначально неблагоприятно отразилось на развитии дружественных отношений прикаспийских туркмен с Россией. Летом 1842 г. в юго-восточные районы Каспийского моря был командирован капитан 1-го ранга Е. В. Путятин для наведения порядка и прекращения морских разбоев, якобы систематически совершаемых прибрежными туркменами на своих судах. По подстрекательству персидских властей Е. В. Путятин предпринял карательный поход против туркмен, сжег их суда и лодки в Гасанкулийском заливе и арестовал наиболее видного и деятельного старшину Якшимухаммеда. Во время этих действий его сопровож-

---

[1] *Боде К.* О туркменских поколениях..., с. 282.

[2] АВПР, ф. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1837—1842, д. 7, л. 6—7.

[3] Уже в 40-х гг. XIX в. парусные военные суда были заменены более быстроходными пароходами, покрывавшими расстояние от Астрахани до Астрабада за 7 дней (Русско-туркменские отношения..., с. 363, 391).

дал Мирза Фатали Ахундов[1], служивший переводчиком при кавказском наместнике царской России в Тифлисе. За прилежную службу в качестве переводчика во время переговоров Е. В. Путятина с каджарскими властями и прибрежными туркменами и проявленные при этом большие способности М. Ф. Ахундов был представлен к присвоению чина прапорщика[2].

О неблаговидных действиях Е. В. Путятина уже было упомянуто в связи с судьбой Кият-хана и его детей. Его снабдили инструкцией МИД за подписью К. В. Нессельроде и особой инструкцией Главного морского штаба России. МИД России в то время считало, что неоднократные попытки туркмен в течение последних 40 лет перейти в русское подданство «не могли сообразоваться ни с политическими видами, ни с прямыми пользами правительства нашего, а потому они всегда оставляемы были без решительного ответа»[3]. Царское правительство старалось не отнимать окончательно у туркмен надежды на покровительство России с целью ограждения выгод русской торговли у туркменских берегов, обеспечения прибыльного сбыта русских товаров на азиатских рынках[4]. Оно вело нечестную политику в отношении туркменских племен, и все вопросы, касавшиеся их судьбы, решало за их спиной совместно с шахскими властями Ирана.

---

[1] Мирза Фатали Ахундов (1812—1878 гг.) обучался в азиатской гимназии в Тифлисе, где ранее учился и Якшимухаммед. В 1834—1861 гг. работал переводчиком при канцелярии кавказского наместника, преподавал персидский и тюркские языки в той же гимназии; переводил на русский язык письма туркменских старшин. Сохранился целый ряд его автографов (ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 469, л. 115—194).

[2] В рапорте от 4 июля 1842 г. на имя кавказского наместника генерала Е. А. Головина Е. В. Путятин писал: «Препровождаю обратно в Тифлис состоявшего при мне, по приказанию вашему, переводчика Мирзу Фет-Али Ахундова и долгом считаю покорнейше просить ваше высокопревосходительство об исходатайствовании ему чина прапорщика в награду отличного усердия и больших способностей, оказанных им в многочисленных сношениях, бывших у меня как с персидскими властями, так и с туркменами во время предпринятых противу них действий» (АВПР, ф. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1842—1856, д. 12, л. 3—4).

[3] Русско-туркменские отношения..., с. 359.

[4] Поэтому оно, наряду с арестом Якшимухаммеда, сочло нужным наградить Кадырмухаммеда золотой медалью с надписью «За усердие», которая была вручена ему в 1842 г. (АВПР, ф. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1837—1843, д. 12, л. 71—78).

Политика царского правительства и действия Е. В. Путятина лишь осложнили русско-туркменские взаимоотношения. Во время карательных рейдов Е. В. Путятин, не взирая на мольбу и просьбу туркмен, истребил 39 лодок и киржимов, сжег много нефти, в том числе принадлежащие лично Кият-хану 3000 пудов нефти, многие наполненные нефтью суда раздавал иранцам[1] и т. д. Туркмены не могли простить Е. В. Путятину сожжения их киржимов и лодок, который тем самым лишил их средств существования. Хотя Е. В. Путятин действовал по подстрекательству иранских властей, последние, воспользовавшись его грубыми и жестокими действиями, всячески старались натравить туркмен на русских, разжечь среди них антирусские настроения и спровоцировать выступления несознательных элементов против русских купцов и рыбопромышленников.

В результате подрывных действий правителя Мазандерана принца Мехти Кули-мирзы прибрежные туркмены разделились на две партии. Прорусскую партию возглавлял Кадырмухаммед-хан, который согласовывал свои действия с командующим военной эскадрой в Астрабадском заливе. Антирусскую партию возглавлял Черкез-хан, совершавший нападения на русские купеческие и рыболовные суда с целью грабежа и захвата пленных. В апреле 1851 г. довольно значительный отряд из 250 туркмен во главе с Черкез-ханом на лодках совершил нападение на остров Ашур-ада, где находилась Астрабадская морская станция. Нападение было совершено по подстрекательству Мехти Кули-мирзы и окончилось полным провалом[2]. Данная вылазка в документах того времени названа «общим восстанием туркмен»[3], хотя никакого восстания не было.

Такое безрассудное поведение туркмен объясняется очень просто. Правитель Мазандерана Мехти Кули-мирза умело воспользовался недовольством туркмен действиями Е. В. Путятина, омрачившими русско-туркменские взаимоотношения в середине XIX в. По признанию капитана 1-го ранга Н. К. Краббе, прибывшего для расследования обстоятельств нападения туркмен на Ашур-ада и причин их неприязненного поведения в от-

---

[1] АВПР, ф. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1842—1856, д. 12, л. 37—42.
[2] Русско-туркменские отношения..., с. 407—425.
[3] ЦГИА ГрузССР, ф. 11, оп. 1, д. 1978, л. 160—161.

ношении русских купцов и рыбопромышленников, Мехти Кули-мирза старался «тайным образом разжигать» неблагорасположение туркмен к нам, научая притом их, что в вознаграждение за убытки, которые понесли тогда туркмены (во время действий Е. В. Путятина. — *М. А.*) от принятых стеснительных мер, они должны грабить русские суда и захватывать людей в плен... укоренял в туркменах нелепую мысль, что нападением на Ашур-ада и уничтожением русских на острове они навсегда избавятся от нашего влияния»[1]. Мехти Кули-мирза усиленно покровительствовал действиям Черкез-хана[2] и через него пытался привлечь на свою сторону Кадырмухаммед-хана, последовательно придерживавшегося русской ориентации. Когда все его старания оказались тщетными, он стал преследовать Кадырмухаммед-хана и приписывать все беспорядки и разбойничьи нападения на русские суда ему, обратился с жалобами к премьер-министру Ирана о якобы вредных для жителей Мазандерана распоряжениях русской эскадры, усматривая во всем этом происки Кадырмухаммед-хана. Он требовал его удаления, хотел «уничтожить Кадыра за то, что он на приглашение его действовать противу русских не согласился»[3]. Наоборот, Кадырмухаммед-хан прилагал максимум усилий, чтобы предотвратить грабительские действия Черкез-хана, убедить его в бесполезности вылазок против русских.

Ашур-адинская морская станция была учреждена по просьбе правительства Ирана, и все торговые суда, киржимы и лодки туркмен обязаны были пройти там регистрацию и только по билетам станции могли свободно проехать к берегам Астрабада, Мазандерана и Гиляна по торговым делам. Это было сделано в целях прекращения морских разбоев. Теперь Мехти Кули-хан

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 420—421.

[2] Все посещающие иранские берега туркменские лодки должны были иметь письменное разрешение за печатью Черкез-хана, на которого правительство Ирана возложило обязанности надсмотрщика (АВПР, ф. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1842—1856, д. 12, л. 44).

[3] Русско-туркменские отношения..., с. 418, 422. Командование эскадрой, действительно, покровительствовало Кадырмухаммед-хану как преданному России старшине, сын и племянник которого уже служили в качестве офицеров русской армии. Оно даже и его представило к присвоению звания офицера, согласно положению, существующему на Кавказе для мусульман (Там же, с. 412—413).

добивался ликвидации морской станции на Ашур-ада, удаления русских военных судов из Астрабадского залива и пытался осуществить это руками туркмен. Он даже приказал объявить среди туркмен, «что если лодка с билетом крейсерства прибудет к берегам Мазандерана с тремя туркменами, то двоим будет отрублена голова, а третий отправлен в Туркмению, чтобы объявить об этом»[1]. Все эти действия мазандеранского принца были вызваны тем, что прибрежные туркмены охотно согласились на порядки морской станции, начали устанавливать с ней хорошие взаимоотношения, что приводило к их ускользанию из-под власти правителей соседних провинций Ирана.

Командование эскадры судов вынуждено было пресечь подрывную деятельность Мехти Кули-мирзы и обратилось к российскому посланнику в Иране с просьбой ставить вопрос о немедленном отозвании принца в Тегеран. Мотивируя свою просьбу, оно сообщало, что Мехти Кули-мирза творит произвол, поощряет разбойников и делает все, чтобы «показать туркменам, что покровительство русских не имеет уже места в этом краю, и этим вооружить оставшиеся еще преданными племена туркмен»[2]. В силу неопровержимых фактов премьер-министру Ирана оставалось только согласиться на удаление Мехти Кули-мирзы. Однако он одновременно приказал правителю Астрабада Мухаммед Вали-хану и генералу из Тегерана Мир Пянджу выступить совместно против туркмен для наказания «такого трусливого и дикого народа». В письме российскому посланнику он всю вину за беспорядки и грабежи в Астрабадском заливе возлагал на русское крейсерство. Впрочем, удаление Мехти Кули-мирзы также было мнимое, и он вскоре по-прежнему «продолжал сеять между туркменами семена раздора»[3].

В этих условиях правительство России несколько пересматривает свои взаимоотношения с прибрежными туркменами. Командующему эскадрой в Астрабадском заливе было дано указание наладить мирные отношения с туркменами, справедливому наказанию разбойников

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 418.
[2] Там же, с. 410—411.
[3] Там же, с. 411, 418—419, 422.

«должны предшествовать миролюбивые склонения и внушения, причем строго наблюдать осторожность и умеренность в действиях»[1]. В результате такой более гибкой политики и разъяснительной работы среди туркмен уже в июле 1851 г. группа наиболее влиятельных старшин подписала обязательство о содействии эскадре в деле восстановления мира и спокойствия на море.

После беседы с Н. К. Краббе и командующим эскадрой капитан-лейтенантом Вендрихом старшины отправились в свои аулы «с непритворным желанием всеми зависящими от них средствами восстановить порядок и спокойствие в водах астрабадских и выручить оставшихся еще в плену русских и персидских подданных»[2]. В октябре 1851 г. командующий эскадрой, «основываясь на общем мнении туркменских старшин и для общественного спокойствия», арестовал главного зачинщика беспорядков и грабежей Черкез-хана и отправил в Астрахань. После этого среди туркмен быстро были восстановлены порядок и спокойствие[3]. Все эти события показывают сложность политической обстановки в Юго-Западной Туркмении и подтверждают правоту авторов того периода, указывавших на то, что «до сих пор еще не было примера полного согласия между туркменскими племенами и не видно, чтобы в них существовало какое-либо стремление к достижению национального единства»[4]. Это были трудности роста движения туркмен за сближение с Россией.

Небезынтересна дальнейшая судьба Черкез-хана[5]. В конце октября 1851 г. он был доставлен в Астрахань. Астраханский военный губернатор в донесении Министерству внутренних дел писал: «Черкез-хан не имеет решительно никаких денежных средств, и самая одежда его летняя, без перемены, не соответствует настоящему холодному времени; к тому же он лишен возможности приобретать себе свойственную нации и

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 416.

[2] Там же, с. 423.

[3] Там же, с. 422—425.

[4] Среднеазиатские владения. Туркмения. — В кн.: Военно-статистический сборник, вып. 3. Спб., 1868, с. 85.

[5] В документах упоминается и под именем Черкез-Копек (Русско-туркменские отношения..., с. 333) и Черкез-хан сын Назар Мухаммеда (АВПР, ф. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1851—1855, д. 7, л. 43).

привычке пищу»[1]. Царские власти не знали, куда отправить Черкез-хана. В Астрахани оставить его было опасно в связи с близостью Туркмении. Отправить Черкез-хана в Воронеж, где ранее находился один из туркменских старшин Якшимухаммед-хан, было неудобно по той причине, что через этот город должен был проехать персидский посланник. Предлагались Тамбов или Пенза. На представлении Министерства внутренних дел Николай I наложил резолюцию: «Лучше в Калугу, ибо там нет мусульман»[2]. Во время пребывания в России на содержание Черкез-хана по указанию царя было выделено по 3 руб. серебром в сутки и учрежден полицейский надзор[3].

5 января 1852 г. Черкез-хан был доставлен в Калугу, после чего он до самой смерти в сентябре 1855 г. неоднократно обращался с просьбами об освобождении и возвращении в Туркмению.

Родственники Черкез-хана и туркменские старшины прибрежной полосы также неоднократно обращались к начальнику морской станции о возвращении на родину Черкез-хана. Братья Черкез-хана выкупили за большие деньги нескольких русскоподданных, представили их командующему эскадрой и просили доставить хотя бы весточку от Черкез-хана. Бывшие разбойники из его племени явились к командующему и говорили: «Прости нас, мы все дурное оставим и теперь будем служить тебе верно»[4]. Но царские власти проявили бездушие и создавали волокиту в решении судьбы покаявшегося разбойника, которому так и суждено было умереть на чужбине, в одиночестве, от тоски по родине. Черкез-хан

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 13, д. 848, л. 1.
[2] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 2062, л. 8—9.
[3] ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 3, д. 848, л. 9.
[4] Русско-туркменские отношения..., с. 429—432. Впрочем, брат Черкез-хана Кочак-хан держал у себя двух русских пленных, один из которых умер. Об этом сообщает А. Вамбери, гостивший у Кочак-хана. Ему показали оставшегося в живых пленного. «Бедного русского ввели в тяжелых цепях, у него был очень больной и печальный вид», — писал А. Вамбери. Родственники Черкез-хана считали, что его увезли в Сибирь, где он и умер. Они сообщили А. Вамбери о том, что двух русских взяли в ответ на действия царских властей. Проникнув к туркменам под видом дервиша, А. Вамбери всюду выдавал себя за турка-османли и объездил многие аулы атреко-гургенских туркмен, проведя целые недели в ожидании отправления каравана в Хиву (*Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии, с. 42).

«должны предшествовать миролюбивые склонения и внушения, причем строго наблюдать осторожность и умеренность в действиях»[1]. В результате такой более гибкой политики и разъяснительной работы среди туркмен уже в июле 1851 г. группа наиболее влиятельных старшин подписала обязательство о содействии эскадре в деле восстановления мира и спокойствия на море.

После беседы с Н. К. Краббе и командующим эскадрой капитан-лейтенантом Вендрихом старшины отправились в свои аулы «с непритворным желанием всеми зависящими от них средствами восстановить порядок и спокойствие в водах астрабадских и выручить оставшихся еще в плену русских и персидских подданных»[2]. В октябре 1851 г. командующий эскадрой, «основываясь на общем мнении туркменских старшин и для общественного спокойствия», арестовал главного зачинщика беспорядков и грабежей Черкез-хана и отправил в Астрахань. После этого среди туркмен быстро были восстановлены порядок и спокойствие[3]. Все эти события показывают сложность политической обстановки в Юго-Западной Туркмении и подтверждают правоту авторов того периода, указывавших на то, что «до сих пор еще не было примера полного согласия между туркменскими племенами и не видно, чтобы в них существовало какое-либо стремление к достижению национального единства»[4]. Это были трудности роста движения туркмен за сближение с Россией.

Небезынтересна дальнейшая судьба Черкез-хана[5]. В конце октября 1851 г. он был доставлен в Астрахань. Астраханский военный губернатор в донесении Министерству внутренних дел писал: «Черкез-хан не имеет решительно никаких денежных средств, и самая одежда его летняя, без перемены, не соответствует настоящему холодному времени; к тому же он лишен возможности приобретать себе свойственную нации и

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 416.
[2] Там же, с. 423.
[3] Там же, с. 422—425.
[4] Среднеазиатские владения. Туркмения. — В кн.: Военно-статистический сборник, вып. 3. Спб., 1868, с. 85.
[5] В документах упоминается и под именем Черкез-Копек (Русско-туркменские отношения..., с. 333) и Черкез-хан сын Назар Мухаммеда (АВПР, ф. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1851—1855, д. 7, л. 43).

привычке пищу»[1]. Царские власти не знали, куда отправить Черкез-хана. В Астрахани оставить его было опасно в связи с близостью Туркмении. Отправить Черкез-хана в Воронеж, где ранее находился один из туркменских старшин Якшимухаммед-хан, было неудобно по той причине, что через этот город должен был проехать персидский посланник. Предлагались Тамбов или Пенза. На представлении Министерства внутренних дел Николай I наложил резолюцию: «Лучше в Калугу, ибо там нет мусульман»[2]. Во время пребывания в России на содержание Черкез-хана по указанию царя было выделено по 3 руб. серебром в сутки и учрежден полицейский надзор[3].

5 января 1852 г. Черкез-хан был доставлен в Калугу, после чего он до самой смерти в сентябре 1855 г. неоднократно обращался с просьбами об освобождении и возвращении в Туркмению.

Родственники Черкез-хана и туркменские старшины прибрежной полосы также неоднократно обращались к начальнику морской станции о возвращении на родину Черкез-хана. Братья Черкез-хана выкупили за большие деньги нескольких русскоподданных, представили их командующему эскадрой и просили доставить хотя бы весточку от Черкез-хана. Бывшие разбойники из его племени явились к командующему и говорили: «Прости нас, мы все дурное оставим и теперь будем служить тебе верно»[4]. Но царские власти проявили бездушие и создавали волокиту в решении судьбы покаявшегося разбойника, которому так и суждено было умереть на чужбине, в одиночестве, от тоски по родине. Черкез-хан

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 13, д. 848, л. 1.

[2] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 2062, л. 8—9.

[3] ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 3, д. 848, л. 9.

[4] Русско-туркменские отношения..., с. 429—432. Впрочем, брат Черкез-хана Кочак-хан держал у себя двух русских пленных, один из которых умер. Об этом сообщает А. Вамбери, гостивший у Кочак-хана. Ему показали оставшегося в живых пленного. «Бедного русского ввели в тяжелых цепях, у него был очень больной и печальный вид», — писал А. Вамбери. Родственники Черкез-хана считали, что его увезли в Сибирь, где он и умер. Они сообщили А. Вамбери о том, что двух русских взяли в ответ на действия царских властей. Проникнув к туркменам под видом дервиша, А. Вамбери всюду выдавал себя за турка-османли и объездил многие аулы атреко-гургенских туркмен, проведя целые недели в ожидании отправления каравана в Хиву (*Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии, с. 42).

повторил судьбу Якшимухаммед-хана, умершего в 1849 г. в Воронеже.

Взаимоотношения прикаспийских туркмен с командованием крейсерства стали налаживаться еще до ареста Черкез-хана после разъяснительной беседы Н. К. Краббе с главными старшинами. Во время свидания на борту военного судна старшины просили у Н. К. Краббе прощения проступков непослушных элементов, на что тот благоразумно ответил, что Россия великая и могущественная держава, и туркмены должны быть достойными ее покровительства[1]. Прибрежным туркменам выгодно было вести мирные торгово-экономические связи с российскими купцами и рыбопромышленниками, не взирая на обман, произвол и насилие торговцев, скупщиков их товаров, несмотря на то, что наловленную рыбу им, кроме России, некуда сбывать и вынуждены покупать «хлеб по какой бы то ни было цене, отдавая взамен рыбу по самой дешевой»[2]. Поэтому они всемерно старались войти в деловые связи с отрядом крейсерства, искали сотрудничества с ним, чтобы спокойно сбывать товары как русским, так и населению прибрежных провинций Ирана.

Однако установлению нормальных взаимоотношений туркмен с отрядом крейсерства всячески мешали власти шахского Ирана. Новый начальник отряда капитан-лейтенант И. О. Свинкин в одном из рапортов сообщает, что в начале 1852 г. многие туркменские старшины были приглашены в Тегеран и вернулись оттуда с щедрыми подарками. «Это обстоятельство, — писал он, — много вредит расположению туркмен к отряду»[3]. Тем не менее правительство России строго предупредило И. О. Свинкина ни в коем случае не прибегать к силе, относиться снисходительно к поступкам туркмен, «принять в соображение, что вдруг произвести в них желаемую перемену невозможно, что туркмены не суть наши подданные, не обитают в местах, где бы мы были полными хозяевами»[4]. Правительство обязывало всех должностных лиц и офицеров не отталкивать своими действиями туркмен от России, наоборот, постоянно стремиться к тому,

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 421.

[2] *Галкин М. Н.* Этнографические и исторические материалы с. 22.

[3] Русско-туркменские отношения..., с. 429.

[4] Там же, с. 430.

чтобы привязать их, достигнуть желаемых целей мирными путями.

По мнению МИД России, в обязанности начальника отряда судов должны входить не только военные, но и политические функции, требующие от него умения действовать относительно туркмен не силой, а убеждениями, лаской, связями, привлечением на сторону России влиятельных лиц и т. д.[1] Такая трезвая политическая установка способствовала значительному оздоровлению взаимоотношений прибрежных туркмен с командованием крейсерства. Уже в начале 1853 г. эти отношения полностью нормализовались. Туркмены все больше сближались с отрядом, их торговые дела с русскими купцами вновь достигли должного уровня.

Со своей стороны, командующий эскадрой постоянно стремился внушить туркменам, что «одни мирные занятия поведут их к благоденствию, что им лучше обратиться к торговым занятиям и жить в мире с отрядом»[2]. Командование отряда установило дружественные отношения с высшим духовным лицом прибрежных туркмен, давно симпатизирующим России Таган-казы, который способствовал налаживанию добрых отношений туркмен с крейсерством, добился назначения специальных людей из каждого рода для охраны купцов и предотвращения своевольных действий, захвата пленных и т. д. Более того, Таган-казы огласил среди прибрежных туркмен фетву, согласно которой стражники освобождаются от тяжкого взыскания за кровь (хун) в случае убийства кого-либо из разбойников и грабителей. Все эти меры привели к тому, что порядок и спокойствие среди туркмен были вскоре полностью восстановлены, и они вели себя «как русские подданные»[3].

Подрывные действия Ирана против сближения прибрежных туркмен с Россией продолжались и в последующие годы, в чем с благословения шахских властей принимали участие и англичане[4]. В 1854 г. шла большая переписка о появлении в туркменских районах английского агента под вымышленным именем Магомед-бек, который и раньше неоднократно приезжал в Астрабад с неким Томсоном, раздавал деньги туркменам и под-

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 430.
[2] Там же, с. 431.
[3] Там же, с. 431—433.
[4] АВПР, ф. Спб. Гл. архив 1—9, 1860, оп. 8, д. 12, л. 6—7.

стрекал их совершить нападение на крейсерство и Ашурадинскую станцию. Однако происки этого агента не встретили поддержки у прибрежных туркмен, и он вынужден был вернуться в Тегеран.

Появление этого агента всполошило командование крейсерства, российское консульство в Астрабаде и посольство в Тегеране, астраханские, кавказские власти, которые обсуждали способы его ареста и доставки в Астрахань[1]. В 1858 г. английский консул Е. Ф. Макензи во время пребывания в Гилянской и Мазандеранской провинциях попытался войти в контакты с туркменами с целью предпринять тайные действия против России[2]. Эти события явились своего рода проверкой надежности взаимоотношений прибрежных туркмен с отрядом военных судов.

В результате подстрекательской деятельности английских агентов губернатор астрабадской и мазандеранской провинций стал распространять среди туркмен слухи о том, что он скоро выгонит русских из Астрабадского залива, что не будет отпускать им на Ашурадинскую станцию дрова и свежие продукты, требовал от туркмен, чтобы они не обращались к русским, так как по этим билетам их не допустят к иранским берегам, звал к себе старшин и пытался вооружить их против морской станции и русских вообще[3]. А. Вамбери, находясь в состоянии incognito среди атреко-гургенских туркмен, разыгрывая роль ученика местных мулл, разъезжал по аулам, прислушивался к разговорам туркмен на политические темы, «сидя между ними с сонным видом, с четками в руках», и сообщал, что власти Ирана всячески старались настроить туркмен против Ашур-адинской станции[4]. Однако все эти под-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 433—440.

[2] Там же, с. 456. Британское правительство добилось учреждения консульства в Астрабаде и Гиляне, хотя там не было ни одного английского подданного, а сотрудники консульства пытались проникнуть в туркменские аулы, посетить Ашур-ада и даже приобрести у туркмен землю на берегах Гургена (АВПР, ф. Спб. Гл. архив 1—9, 1860, оп. 8, д. 12, л. 6—7).

[3] Русско-туркменские отношения..., с. 490—491, 494—495.

[4] *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии, с. 28—54. Большинство туркмен, с которыми А. Вамбери пришлось сталкиваться в ходе своего путешествия, он характеризует как людей гостеприимных, честных, храбрых, щедрых, простодушных, а народ в целом — дикий.

стрекательские действия и происки не нашли среди прибрежных туркмен никакой поддержки.

Несмотря ни на какие препятствия, взаимоотношения туркмен с Ашур-адинской морской станцией и отрядом судов с каждым годом все более укреплялись в силу конкретных и важных политических и экономических причин. С политической точки зрения туркмены, считавшие себя независимыми, все больше сознавали могущество России, которая теперь совсем рядом в связи с учреждением Ашур-адинской морской станции. Они ежедневно вступали в непосредственные контакты с работниками станции — представителями России и, по признанию ее начальника капитан-лейтенанта И. А. Лихарева, туркмены на присутствие отряда «не смотрят теперь как на угрозу для их независимости, ибо не видят с нашей стороны никакого враждебного расположения к их племени»[1].

Имеется еще один политический аспект укрепления доверия туркмен к морской станции. Наиболее видные туркменские старшины были заинтересованы в сотрудничестве со станцией, «дорожили покровительством отряда и находят в оном поддержку своей власти над соплеменниками». Такие влиятельные старшины и казы, как Кадырмухаммед, Таган-казы, Худайберды, Гельды-хан, Таган-чуда, Нияздурды, Нурали-хан, Сендмухаммед и другие, находились с отрядом в дружественных отношениях и успели оказать ему немало услуг. Все это было достигнуто на добровольных началах[2]. В 1859 г. к начальнику Ашур-адинской станции прибыл представитель ахальских текинцев и от имени Нурберды-хана просил Россию оказать помощь в их борьбе против Хивы[3].

Немаловажное значение имели экономические аспекты этого сотрудничества. Выше уже говорилось, что прибрежные туркмены в значительном количестве продавали рыбу, нефть и соль. Суда астраханских рыбопромышленников ежедневно посещали туркменские берега, скупали заготовленную рыбу и соль, привозили рыболовные снасти, лодки и различные товары первой необходимости. И. А. Лихарев сообщал, что «эта торговля доставляет как туркменам, так и русским значи-

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 445.
[2] Там же, с. 445—446.
[3] *Галкин М. Н.* Журнал экспедиции..., с. 117.

тельные выгоды и производится под особым надзором отряда»[1]. Отряд строго следил за соблюдением условий контрактов и торговли, не допускал взаимных обид и обманов, «приучил понемногу туркмен к постоянным и правильным торговым сношениям с русскими»[2]. Это было выгодно и полезно в первую очередь туркменам, не знавшим доселе установленных правил торгово-экономического обмена.

Именно в эти годы торговля достигла высокого уровня. Более 500 туркменских лодок в течение круглого года посещали берега Астрабада и Мазандерана, снабжая эти районы нефтью, солью и покупая там рис, сахар, ткани и другие товары. К туркменским берегам постоянно приплывали суда и лодки из Энзели, Ленгеруда для покупки нефти и соли. Все находящиеся на туркменских лодках и судах имели билеты Ашур-адинской станции, которые защищали их от притеснений со стороны иранцев, видевших в предъявителе билета человека, находящегося под покровительством России[3].

Учреждение Ашур-адинской морской станции сыграло в целом положительную роль в развитии политических и торгово-экономических связей прибрежных туркмен с Россией в середине XIX в. Туркмены постоянно и почти ежедневно общались с русскими, воочию убедились в выгодах политического покровительства России, в результате чего были приняты меры по предотвращению обмана туркменских рыбаков, продавцов нефти и соли русскими и иранскими купцами, почти полностью прекратились морские разбои со стороны туркмен и т. д. Русские купцы добивались монопольных прав на торговлю, в частности на вывоз металла и металлических изделий в Туркмению, которые пользовались большим спросом[4].

Наиболее видные туркменские купцы, поддерживавшие дружеские отношения с Ашур-адинской станцией и крейсерством, часто поощрялись подарками, им разрешали бесплатно на почтовых пароходах отправляться со своими товарами в Астрахань и обратно, а в 1860 г. даже в Нижний Новгород и другие города России по

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 446.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же, с. 446, 450.

Волго-Каспийскому водному пути[1]. Все это свидетельствует о значительной интенсификации русско-туркменских взаимоотношений накануне присоединения к России.

Русско-туркменские взаимоотношения накануне присоединения Туркмении к России

Канун присоединения к России в истории Туркмении характеризуется сложностью политической обстановки. В этот период усилились агрессивные действия Ирана и Хивы против южных туркмен. В 1855 г. под Серахсом, в 1858 г. под Кара-Кала и в 1861 г. в Мерве туркменам пришлось трижды выдерживать натиск соседних феодальных государств. С 1855 г. началась длительная и разорительная война между северными туркменами и хивинскими ханами, которая затянулась почти на 15 лет. Хотя во всех этих войнах соединенные силы туркменских племен, отстаивая свою независимость и свободу, успешно громили войска Ирана и Хивы, историческая обстановка диктовала необходимость решения политической судьбы народа более радикальным образом. Наиболее дальновидные представители туркменского народа видели спасение в могуществе великой России. К этому времени Россия продвинулась далеко на восток, юг и готовилась приступить к практическим действиям на восточном побережье Каспийского моря.

Начиная с конца 50-х гг. XIX в. в правительственных кругах России часто обсуждались вопросы, связанные с конкретными мерами по реализации присоединения Туркмении. Причем первоначально ставился вопрос о сооружении крепости и основании торговой фактории не в Красноводске, а гораздо южнее при устьях Атрека и Гургена. В представлении министра иностранных дел А. М. Горчакова Александру II от 8 августа 1858 г. было выражено опасение позициями Англии и Ирана, которые истолковали бы такой шаг России как нарушение международного права. Министр писал, что главным препятствием в этом является то, что «Англия, имеющая столько средств и случаев вредить нам

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 449, 497.

в Азии, не может оставаться равнодушной зрительницей подобного предприятия»[1].

Князь А. М. Горчаков и российский посланник в Тегеране Н. А. Аничков придерживались данного в 1837 г. Николаем I обещания признать границей Ирана р. Атрек и полагали, что любая крепость или торговая фактория может быть заложена к северу от Атрека. Кавказский наместник А. И. Барятинский поддерживал идею занятия двух пунктов при устьях Атрека и Гургена, поданную только что образовавшимся обществом Закаспийского торгового товарищества[2]. Он предлагал воспользоваться неоднократными просьбами атреко-гургенских туркмен о принятии в подданство России и «достигнуть предположенной цели, вовсе не давая нашему предприятию военного характера» с тем, чтобы не встревожить Иран и не возбудить с его стороны протесты и жалобы. Увлекаясь своими планами, генерал А. И. Барятинский даже предложил командующему Каспийской флотилией заблаговременно вести необходимые приготовления на случай занятия юго-восточного берега Каспийского моря[3].

Такое различие в мнениях относительно выбора места для укрепления было обсуждено на особом совещании Комитета министров 2 и 9 января 1859 г., которое было созвано по указанию царя и проходило под его председательством. На нем было решено, прежде чем основать крепость или факторию, произвести точную рекогносцировку прибрежной полосы Туркмении, снаряжение соответствующей экспедиции топографов было поручено оренбургскому военному губернатору генералу А. А. Катенину. Что же касается принятия туркмен в подданство России, то Комитет министров решил «не только подданство, но и официально объявленное покровительство над туркменами было бы для нашего правительства неудобно». В таком случае Россия приняла бы на себя ответственность за любое поведение туркмен и оказалась бы в затруднительном положении

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 454—455.

[2] Один из учредителей общества барон Торнау в 1856 г. предложил занять Ак-Кала близ устья Гургена и обеспечить исключительное господство России на море, не допуская появления другого флота, кроме русского (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18 297, л. 2—4).

[3] Русско-туркменские отношения..., с. 458—461.

перед Ираном[1]. Это говорит о том, что Россия уклонилась от решения вопроса о принятии туркмен в свое подданство и отложила его до более благоприятного момента.

Независимо от официальной политики России в отношении туркмен, Закаспийское торговое товарищество начало развертывать свою деятельность. Оно было основано на о. Ашур-ада. В 1859 г. был составлен проект его устава, согласно которому цель товарищества заключалась в упрочении и расширении торговых оборотов России со Средней Азией. Составители устава к Средней Азии отнесли туркменские и казахские степи, Хивинское, Бухарское, Кокандское ханства, Афганистан, Китайский Туркестан, Тибет и Кашмир.

Первоначально общество ставило перед собой «скромные» цели — завести торговые фактории на восточных берегах Каспийского моря от Гурьева на севере до Астрабада на юге, монополизировать рыбные промыслы, нефтяные источники, соляные копи, проложить из Балханского залива в Хиву железную дорогу, пропустить воды Амударьи по старому руслу в сторону Каспийского моря и т. д. Правительство вменяло в обязанности начальника Ашур-адинской станции всячески содействовать успешной деятельности товарищества, а его учредители без всякой дипломатии требовали внушить властям Ирана, что «все их стеснительные условия, ни на чем не обоснованная подозрительность и недоверчивость совершенно противны всякому благоразумию и выгодам собственной их торговли»[2]. Все это показывает неуёмные аппетиты товарищества, которое возглавляли не только купцы и капиталисты, но и царские генералы и сенаторы, стремление российского капитализма развиваться вширь, ломая все перегородки и препятствия в поисках все новых рынков сбыта и сырьевых баз.

В соответствии с решением Комитета министров летом 1859 г. была снаряжена экспедиция для топографических и гидрографических съемок под начальством полковника В. В. Дандевиля и капитана 2-го ранга Ивашинцева. Однако неразумные действия В. В. Дандевиля лишь осложнили русско-туркменские взаимоотно-

---

[1] «Русско-туркменские отношения...», с. 463—465, 470.

[2] Там же, с. 462—463, 470—471.

шения. С момента своего появления у туркменских берегов им одолевало желание «примерно наказать» и преследовать «коварных и вероломных» туркмен. Атрек он считал гнездом, а Балханские горы — притоном «диких разбойников», которые «вне влияния страха способны, все без исключения, на самое дерзкое коварство и измену». Поэтому он сразу начал «решительные действия», целью которых было «склонить туркмен силой, а не увещеваниями» и держать их под «постоянным страхом наказания за малейшую дерзость»[1].

В каждом туркмене В. В. Дандевиль видел противника, несмотря на то, что многие из них, в первую очередь дети Кият-хана, предложили ему свои услуги. «Каждый туркмен побогаче и побойче, — писал он,— называет себя ханом и уже никого знать не хочет»[2]. Всюду он демонстрировал свою силу, устраивал стрельбу из штуцеров, показ действий боевых ракет, после чего туркмены «делались сговорчивее» и давали верблюдов в наём только из-за страха. В. В. Дандевиль предупредил жителей аула Чикишляр, что они будут наказаны, если вздумают мешать ему, и 18 августа 1859 г. со своим отрядом скрытно «подошел к нему ночью на судах и на рассвете атаковал аул с моря и с сухого пути»[3]. Хотя туркмены упорно обороняли свой аул, В. В. Дандевилю удалось полностью сжечь его и еще 50 лодок, нагруженных разными товарами стоимостью до 40 тыс. руб. ассигнациями. Туркмены потеряли убитыми 25 чел. И эти действия совершал человек, обвинявший туркмен в коварстве и вероломстве.

20 августа 1859 г. В. В. Дандевиль совершил набег на челекенские аулы с целью освобождения персидско-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 481.

[2] Там же.

[3] Там же, с. 482—486. Журнал экспедиции В. В. Дандевиля вел дипломатический чиновник МИД при оренбургском губернаторе М. Н. Галкин, оставивший замечательную книгу по истории и этнографии туркмен. Рукопись книги, которую оренбургский губернатор А. А. Катенин назвал «добросовестным и очень интересным трудом», хранится в АВПР (ф. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1860, д. 12). Материалы экспедиции хранятся в АВПР (ф. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1858—1860, д. 12) под названием «К предположению о занятии на юго-восточном берегу Каспийского моря некоторых пунктов для учреждения торговых факторий и о снаряжении военной экспедиции под начальством Генштаба полковника В. В. Дандевиля».

подданных рабов, которых там насчитал будто бы до 400. Но при нападении выяснилось, что туркмены не имеют персидских пленников, и он «освободил» два десятка наемных работников[1]. Каждый раз перед нападением на очередной аул В. В. Дандевиль свои намерения держал в тайне, требовал у туркмен верблюдов под предлогом запастись водой в соседнем ауле, подкрепляя это угрозами наказать их, если требование не будет исполнено и т. д. К туркменским старшинам везде и всюду обращался не иначе, как с ультимативными словами «Я требую». В пылу своих агрессивных замыслов В. В. Дандевиль даже предлагал уничтожить все туркменские лодки по побережью и пашни на Атреке и Гургене путем разрушения оросительных каналов и сооружений, что подорвало бы благосостояние туркмен[2].

Так действовал человек, заявлявший туркменам, что прибыл водворить среди них «единодушие вместо раздора, любовь вместо вражды, правосудие вместо насилия, законное приобретение вместо грабежа», как гость не навязчивый, а приглашенный[3] и т. д. Наместник Кавказа генерал-адъютант А. И. Барятинский, узнав, что экспедиция была задумана для наказания туркмен, выразил опасение, что это может восстановить их против России, чем могут воспользоваться Иран и английские агенты, чтобы повредить ее политическим отношениям в Азии[4].

Так же, как и Е. В. Путятин в 1842 г., В. В. Дандевиль начал опустошать туркменские аулы после того, как имел свидание с иранскими властями в Астрабаде. Он действовал в нарушение данной ему инструкции, согласно которой должен был поддерживать дружеские связи с туркменами, обязывался «вести дела с туркменами вообще весьма осмотрительно, стараться поддер-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 482.

[2] Там же, с. 481—482. Местные туркмены во всем обвиняли Салих-хана, сына Кадырмухаммед-хана, и говорили: «Это все Салих, был в Астрахани и к нам войну тащил». Салих-хан с двоюродным братом Аннахасан-ханом, сыном Якшимухаммед-хана, оказали содействие экспедиции В. В. Дандевиля. Оба говорили по-русски, интересовались судьбой своих братьев, обучавшихся в Петербурге, пили вино (*Галкин М. Н.* Журнал экспедиции..., с. 77—78, 104—105).

[3] АВПР, ф. Гл. архив I—9, оп. 8, д. 1858—1860, д. 12, л. 2.

[4] Там же, л. 23—32.

жать их дружественное... расположение к России»[1]. Поэтому начальник Ашур-адинской морской станции капитан-лейтенант И. А. Лихарев в рапорте российскому посланнику в Иране сообщил, что полковник В. В. Дандевиль, «делая минутное удовольствие персиянам, забывает, как кажется, свою инструкцию стараться соблюдать дружественные сношения с туркменами и склонять их на нашу сторону... Он этим явно показывает туркменам расположение к их закоренелым врагам персиянам и через это восстанавливает этот народ противу нас и потому о собственном желании туркмен вступить к нам в подданство теперь нельзя и думать»[2]. Получилось так, что В. В. Дандевиль нарушил не только инструкцию, но и мирное течение русско-туркменских взаимоотношений, которые складывались десятилетиями и веками.

Неразумные действия В. В. Дандевиля вызвали явное недовольство и у сопровождавших его людей. Так, дипломатический чиновник М. Н. Галкин писал, что «недостойно сильной державы» лишить туркмен их морского значения путем безотлагательного уничтожения всех принадлежащих им лодок. «Лодки для прибрежных туркмен, — писал он, — составляют почти единственное их достояние: на них они занимаются и рыболовством, сплавляют на них и нефть с Челекена, и соль оттуда же и еще из некоторых береговых мест, наконец, и сообщаются на них с соседними аулами, и достают хлеб с Атрека и Гургена, одним словом, отнять лодку у берегового туркмена — значит разорить его вконец, а не так, думаю, следует обращаться с соседним народом»[3]. По-видимому, В. В. Дандевиль не прислушивался к советам дипломатического чиновника и с первых дней взял неправильный курс в отношении туркмен, пытаясь силой окончательно их разорить.

Наконец, посланник России в Иране Н. А. Аничков в письме МИД от 12 ноября 1859 г. также указал, что В. В. Дандевиль не должен был насильно освобождать иранцев, работавших на Челекене, и брать денег с жителей Челекена по 10 червонцев за каждую голову угнанных другими туркменами под Красноводском 126 ло-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 469.
[2] Там же, с. 486—487.
[3] АВПР, ф. Спб. Гл. архив 1—9, 1860, оп. 8, д. 12, л. 10—10 об.

шадей и верблюдов, ибо В. В. Дандевиль не обвинял челекенцев в сообществе с аламанщиками. Осуждая подобные выходки В. В. Дандевиля, Н. А. Аничков писал: «Сомнительно, чтобы кто-нибудь получил выгодное мнение о справедливости нашей»[1]. Все эти факты говорят о том, что экспедиция В. В. Дандевиля не вызвала восторга почти ни у кого в России.

Несмотря на явное нарушение инструкции, оренбургский военный губернатор А. А. Катенин, направивший В. В. Дандевиля в экспедицию, не осудил его действия, пытался сохранить честь мундира офицера, счел неудобным остановить его, что «могло произвести дурное нравственное впечатление» на него. Более того, А. А. Катенин ободрил В. В. Дандевиля в его дальнейших действиях и считал, что «наказание Чикишлярского аула было необходимо и вполне заслужено туркменами», выдумывая какое-то нападение туркмен на экспедицию[2].

Начальник Ашур-адинской морской станции, конечно, знал жизнь туркмен, их настроения лучше, чем В. В. Дандевиль. Он с полным основанием писал, что туркмены, населяющие прибрежную полосу от Ашурада до Красноводска, питают к России уважение. За время 4-летнего управления станцией И. А. Лихарев неизменно придерживался системы морального воздействия на туркмен, «не стесняя свободы их мореплавания и торговли... ни разу не арестовывал туркменских торговых лодок. Сами туркмены умели дорого ценить усвоенную мною систему, чему доказательством служить может то, что они в мое время никогда не производили никаких общих беспорядков»[3]. Наоборот, он жаловался на нечестные поступки отдельных российских купцов, надувавших туркмен-рыбаков.

Командующий Каспийской флотилией адмирал Р. Г. Машин во время посещения Челекена и Красноводска в 1858 г. также говорил туркменам, что они могут достичь больших выгод «в мирных и честных с русскими сношениях и торговле, для чего советовал более знакомиться с русским купечеством»[4], приглашал

---

[1] АВПР, ф. Спб. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1858—1860, д. 12, л. 254—261; ЦГВИА СССР, ф. 483, оп. 1, д. 47, 52, 54.

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 486—489.

[3] Там же, с. 475.

[4] Там же, с. 473.

бесплатно доставить их со всеми товарами в Астрахань и т. д. Он так же, как и И. А. Лихарев, указал на необходимость доставления туркменам «средств к удобствам жизни более правильной и добросовестной, чем до сего было, торговлей с ними»[1].

Действия В. В. Дандевиля, выводы и рекомендации И. А. Лихарева, Р. Г. Машина свидетельствуют о наличии двух взглядов на прибрежных туркмен, двух тенденций в определении образа действий по отношению к ним. Такая несогласованность в этом вопросе происходила потому, что оренбургские власти, которым поручили организацию экспедиции В. В. Дандевиля, были далеки от Туркмении и проявили полную индифферентность в русско-туркменских взаимоотношениях в этом районе и в этот период. Они внесли только разлад в развитие этих взаимоотношений и нарушили их нормальный ритм, мирный характер в тот момент, когда «персидские власти и английские агенты, замечая возрастающее влияние отряда на туркмен и видя преданность большей части этого народа к России, употребляют всевозможные интриги против станции»[2]. Туркмены дорожили своими добрыми отношениями с Ашурадинской станцией и с Россией. Даже В. В. Дандевилю они с гордостью представляли свидетельства, данные их предкам графом М. И. Войновичем и Н. Н. Муравьевым[3]. Однако бесноватого полковника-штабиста ничто не могло остановить.

Правительство России и царь остались недовольны действиями В. В. Дандевиля и оренбургского военного губернатора А. А. Катенина. Военный министр Сухозанет сообщил последнему о том, что Александр II, ознакомившись с результатами экспедиции, приказал «предполагаемое устройство укрепления с факторией на восточном берегу Каспийского моря на время отложить, ибо достижения сего имелось в виду миролюбивыми сношениями с туркменами». Он предложил также немедленно усилить ротой стрелков Ашур-адинскую станцию из-за опасений ответных действий туркмен. Что же касается представления А. А. Катениным

---

[1] АВПР, ф. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1858—1860, д. 12, л. 90.
[2] Русско-туркменские отношения..., с. 475.
[3] Там же, с. 479.

В. В. Дандевиля к награде, то Александр II отклонил это потому, что своими действиями «он упустил из виду главную роль возложенного на него поручения: упрочить миролюбивые торговые сношения наши с туркменами»[1]. Вскоре после этого убрали из Оренбурга и А. А. Катенина. В результате неуместных действий одного самонадеянного офицера начало присоединения Западной Туркмении было отодвинуто на несколько лет.

Однако исторический процесс был необратим. В 60-х гг. XIX в. Россия уже приступила к практической реализации планов присоединения не только Туркмении, но и всей Средней Азии. В начале 1865 г. решением Особого комитета министров были установлены предварительные сроки занятия Красноводска — ранняя весна 1866 г. К этому времени на востоке русские войска уже заняли Семиречье, Ташкент, вышли к берегам Сырдарьи и угрожали Самарканду и Бухаре. Поэтому Комитет министров требовал проявить «особую осмотрительность, дабы преждевременным занятием Красноводского залива... не возбудить недоброжелательства Персии»[2]. Российский посланник в Тегеране в донесении вице-канцлеру А. М. Горчакову также указал на «крайнюю деликатность» этого вопроса ввиду того, что «интересы, преследуемые Россией и Персией в туркменском вопросе, до такой степени противоположны». Несмотря на устный договор 1837 г. о признании границей Ирана р. Атрек, шахские власти предъявляли притязания на владение всеми туркменскими землями и восточным побережьем Каспийского моря. Ввиду этого российский посланник предлагал не вызывать правительство Ирана на переговоры по туркменскому вопросу и поставить его перед свершившимся фактом, без шума и спокойно заняв Красноводский залив[3].

При обсуждении вопроса о занятии Красноводска большое значение придавалось учреждению там торгового заведения, оповещению всех народов Средней Азии об этом, разъяснив им, «что все они могут приезжать с караванами для торговли с русскими в Крас-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 492—493.
[2] Там же, с. 507.
[3] Там же, с. 508—510.

поводске, где будут пользоваться полной безопасностью и находиться под охраной русских властей»[1]. Цель заключалась в том, чтобы придать этому пункту как можно большее значение, превратив его в центр торговли. Наиболее состоятельным купцам России было предложено отправлять туда побольше товаров, на которые имеется повышенный спрос на рынках Средней Азии[2].

В связи с предстоящим присоединением Бухарского ханства Александр II в августе 1865 г. дал указание отложить на время занятие Красноводского залива. Одновременно было дано указание соответствующим министерствам принять меры к развитию торговли и промыслов с тем, чтобы всемерно поощрять дружественные торгово-экономические связи с туркменами[3].

В этих условиях Иран, крайне подозрительно относившийся к любым действиям России, активизировал свои агрессивные действия против атреко-гургенских туркмен. Главный предводитель шахских войск сипахсалар сосредоточил на границе Туркменсахра 30 тыс. солдат и 32 артиллерийских орудия. По его приказу правитель Буджнурда Хайдаркули-хан совершил жестокий набег против мирных и слабых гоклеенов в верховьях Атрека. Совместно с правителем Астрабада Джафаркули-ханом он напал также на гургенских йомудов, угнал десятки тысяч верблюдов и баранов, увел много женщин и детей. Все же сипахсалар не решался на широкие действия против туркмен, хотя и располагал значительными силами. Он боялся туркмен, опасался «быть отрезанным от Астрабада и испытать ту же участь, какая постигла шахское войско за несколько лет назад сим в Мерве»[4]. Продолжительное бездействие сипахсалара демобилизовало войска, и он вынужден был вернуться в Тегеран[5]. Это был последний поход иранских войск против туркмен в XIX в.

Накануне присоединения к России туркмены терпели много бедствий. Это особенно видно на судьбе

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 511.

[2] Там же, с. 508.

[3] Там же.

[4] Имеется в виду полное поражение шахских войск под Мервом в 1861 г. во время их похода против текинцев.

[5] Русско-туркменские отношения..., с. 502—506.

Атамурад-хана[1], в течение почти 15 лет возглавлявшего восстание хивинских туркмен против ханского режима. В декабре 1867 г. он с жалкими остатками своего некогда грозного отряда, наводившего страх на хивинских ханов, прибыл в Красноводск, а затем на Челекен, где их по-братски приютили потомки Кият-хана, снабдив юртами и провизией на целый год[2]. Как представитель новой, довольно значительной группы туркмен Атамурад-хан обратился к России за помощью и покровительством. Он одновременно направил своих людей к коменданту форта в Тюб-Карагане и к начальнику Ашур-адинской станции, т. е. на юг и на север[3].

В письмах Атамурад-хан излагает бедственное положение своего народа, сообщает о том, что «судьба изменила ему: хивинский хан, не могши одолеть туркмен силой, употребил против них хитрость и отнял у них воду, имея на главном русле реки вооруженную крепость», вследствие чего большая часть восставших— туркменские земледельцы — покорилась Хиве. В боях с хивинскими войсками пали многие знатные туркмены— сподвижники Атамурад-хана, в том числе 5 его братьев, старший Аманниаз-сердар[4] был сброшен живым с минарета в Хиве в 1855 г. Его казнили за содействие текинцам в битве под Серахсом в марте 1855 г. По словам Атамурад-хана, Хивинское царство «осуждено, как бы свыше, на бедственное положение: хан не разумеет подданных, подданные не понимают хана,

---

[1] В своих письмах ставил подпись: Оразмухаммед оглы Атамурад-хан. В одном из прошений на имя Александра II просил изготовить фамильную печать на указанное имя, так как его противники подделывали печать и от его имени распространяли письма, полные извета (Русско-туркменские отношения..., с. 524).

[2] Остатки отряда вышли из Куня-Ургенча и, проехав 30 мензилей, за 17 дней прибыли в Красноводск (Русско-туркменские отношения..., с. 531).

[3] Действиям Атамурад-хана во многом содействовал Салих-хан — сын Кадырмухаммед-хана (ЦГИА ГрузССР, ф. 416, оп. 3, д. 1094, л. 2—16).

[4] ЦГИА ГрузССР, ф. 416, оп. 3, д. 1094, л. 21—22. Этот факт отмечает и переводчик Кауфмана И. Ибрагимов, который писал, что туркмены враждуют с Хивой за убиение Аманниаз-сердара, «пользовавшегося большим уважением и популярностью между туркменами. Он убит самым позорным образом: сброшен с минарета мечети Хазрат-пальван в Хиве» (Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах. — Военный сборник 1874, № 9, с. 136).

и все, подчинившись злостным внушениям нечистой силы», поднялись против туркмен, которые «ищут только спокойствия для того, чтобы вести мирную жизнь и заниматься обработкой земли, торговлей и разными ремеслами»[1]. Он искренне признается, что после того, как хивинцы отвели воду, простой народ начал терять к нему доверие, хотя до сих пор он пользовался у народа большим уважением.

Просьба Атамурад-хана сводилась к тому, чтобы получить от России покровительство, материальную и военную помощь для покорения Хивы или, если это невозможно, получить земли в Балханских горах, переселить туда 6 тысяч своих соплеменников и принять подданство России. Он сообщает, что все прежние годы поддерживал связь с оренбургским губернатором, который обнадеживал его помощью и покровительством России, что все его помыслы обращены к России. С горечью отмечая, что у туркмен невозможно найти ни правосудия, ни управу, что они не могут долго терпеть ханом своего же туркмена и гибнут при общем безначалии, Атамурад-хан приходит к выводу о том, что им необходимо подчиниться могущественной России и лишь под ее высоким покровительством туркмены «будут наслаждаться полным благоденствием»[2]. Обращаясь к Александру II, Атамурад-хан пишет, что в случае принятия под покровительство России, он готов «сложить свою власть и благодарить бога за то, что вы приняли туркмен под свое покровительство»[3].

Письма Атамурад-хана свидетельствуют о том, что он был человеком умным и незаурядных способностей. Во всех его документах удачно применяются народные пословицы и поговорки, постановка каждого конкретного вопроса сопровождается примерами из народной мудрости. Говоря о необходимости принятия своего народа под покровительство России, он уподобляет ее садовнику, который, «сажая дерево, три года ждет плода; так точно и Россия должна поступать в этом деле»[4]. При этом он высмеивает возню хивинского хана, призывавшего объединиться всех единоверцев — мусульман, в том числе текинцев и гоклен,

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 528—529.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 522, 530.
[4] Там же, с. 530.

против России, отправившего посла к турецкому султану с просьбой от имени Бухары, Хивы и Коканда об оказании помощи войсками (султан вместо помощи посоветовал послу обратиться со своей просьбой к Англии) и т. д.[1] Мечта Атамурад-хана вскоре сбылась. В 1873 г. он в качестве проводника сопровождал красноводский отряд в походе на Хиву, принимая тем самым косвенное участие в покорении своего извечного врага — хивинского хана.

Даже после покорения Хивы Атамурад-хан неоднократно обращался к России за помощью. В октябре 1879 г. он посетил великого князя Николая Константиновича в Петро-Александровске и выразил желание хивинских туркмен платить дань царю, а не хивинскому хану, жаловался на произвол ханских властей и просил повернуть Амударью в старое русло. «Если белый царь, — говорил он, — прикажет хивинцам пустить воду в Лаузан и Дарьялык, все туркмены переселятся на старые места по Узбою, где лежат кости наших дедов и отцов». Со своей стороны, Атамурад-хан обещал выставить 12 тыс. работников для пропуска воды, дать заложников и ручался, что туркмены «будут жить покорно и мирно под властью великого белого царя». Великий князь отмечал страстное желание туркмен сбросить тяжкий гнет ханской власти и верил, что они будут первыми работниками в деле поворота Амударьи. «Горяча была речь Атамурада... Нельзя было сомневаться, что он говорит устами своего воинственного, но угнетенного народа»[2],— писал он. Туркмены и позже искали поддержки у России в борьбе против гнета и произвола Хивы.

Укреплению русско-туркменских взаимоотношений до конца 60-х гг. XIX в. служил младший сын Киятхана Кадырмухаммед[3]. Долгие годы он служил в при-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 523. О действиях Атамурад-хана с целью сближения с Россией см.: *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии, т. 2. Спб., 1906, с. 59—60.

[2] Рукопись ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, ф. 4, д. 839, л. 21—26.

[3] Последний раз его имя в архивных документах упоминается в июле 1868 г. По-видимому, он умер, так и не увидев присоединения Туркмении к России, в канун высадки десанта в Красноводске в октябре 1869 г. (Русско-туркменские отношения..., с. 528).

бывшей должности посредника между Ашур-адинской морской станцией и прибрежными туркменами[1]. В 1864 г. в результате интриг со стороны иранских властей он был удален от этой должности начальником станции, после чего несколько раз ездил в Астрахань и добивался восстановления на службе. Кадырмухаммед был обижен на действия начальника станции. Попутно он просил властей признать его наследственные права на о. Челекен и принять со всем населением в подданство России. Однако ему было отказано во всех просьбах, что привело его в отчаяние[2].

В одном из прошений на имя Александра II он писал, что его покойный отец Кият-хан всегда словом и делом учил своих детей служить России. «Между тем, — писал он, — наша страна, будучи без главы, с каждым годом более расстраивается. Туркмены не повинуются одному хану, добрые люди, не находя опоры, не могут наслаждаться благами жизни, злые, не боясь никакого суда и расправы, дерзко делают набеги, убивают, грабят, берут в плен, пресекают торговые пути; зло усилилось, добро подавлено. По случаю смятений и междоусобий в Хиве прекратились торговые сношения между Хивой и туркменами. Оплакивая такое положение, куда мы ни обратим взор, нигде не можем найти врачевания злу, кроме великих государей России»[3]. Это была исповедь умудренного жизненным опытом человека, посвятившего всю жизнь укреплению дружественных отношений между туркменами и Россией, неоднократно побывавшего в Баку.

---

[1] В 1863 г. А. Вамбери упоминает Кадырмухаммеда в должности посредника (дерябеги) на Ашур-ада (*Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии, с. 23).

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 500, 514—519. Еще ранее Кадырмухаммед добивался создания с помощью России независимого от Ирана йомудского ханства, которое хотел возглавить. Однако командующий крейсерством российских судов капитан-лейтенант А. Дюгамель в рапорте посланнику в Иране Медему писал: «Не думаю, чтобы правительство наше намерено было учредить здесь ямутское ханство под управлением Кадырмухаммеда, и потому следовало единожды навсегда уничтожить мечты его о туркменском царстве с его династией». А. Дюгамель, со своей стороны, всячески старался объяснить Кадырмухаммеду неосновательность его мечты (АВПР, ф. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1812—1856, д. 12, л. 156).

[3] АВПР, ф. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1858—1860, д. 12, л. 152—153; Русско-туркменские отношения..., с. 477—478.

Тифлисе, Астрахани, а в 1837—1838 гг. — в Петербурге, человека, повидавшего мир и познавшего многое в жизни. Исповедь его перекликается с выводами другого видного деятеля того времени — Атамурадхана. Один за другим сменялись кавказские наместники и астраханские губернаторы, Россия видела трех царей — Александра I, Николая I, Александра II, в жизнь вступали все новые поколения людей, но Кадырмухаммед и все внуки Кият-хана неизменно добивались только одного — покровительства и подданства России[1].

Кадырмухаммед просил Россию обратить свои взоры на всех туркмен, принять участие в их горестях, благоустроить страну, «учредить школы для духовного и общежительного образования наших и всех туркменских детей», удержать от дурных поступков злых людей страхом своего гнева, развивать торговлю и промышленность и, таким образом, обогатить страну туркмен[2].

Как отмечают русские путешественники, все образование туркмен ограничивается начальными правилами религии, и народ в целом чужд всякого светского образования, что объясняют «крайней бедностью большинства», их «всеобщей бедностью»[3]. В то же время они не могли «не заметить сильной любви к приобретению знаний и к чтению тех книг, которые случайно попадаются им в руки»[4]. Туркмены, действительно, стремились к свету, к духовному и культурному общению с великим русским народом, к обучению своих детей в России. Об этом свидетельствует учеба детей и внуков Кият-хана в Тифлисе и Петербурге. К просвещению стремились и другие туркмены. Старшина мангышлакских туркмен-игдыров Мамед Сафа Кулиев просил воспитать 9-летнего сына Мамед Салиха в Оренбургском

---

[1] В одном из более ранних писем Кадырмухаммед писал, что русско-туркменские отношения прошли через многие испытания, что туркмены выстрадали подданство России и «ничто не может уничтожить той сердечной приверженности, какую чувствуем мы к русскому народу» (АВПР, ф. Гл. архив 1—9, оп. 8, 1837—1843, д. 12, л. 49).

[2] Русско-туркменские отношения..., с. 477—478.

[3] *Галкин М. Н.* Этнографические и исторические материалы, с. 4, 22.

[4] Наши соседи в Средней Азии. Хива и Туркмения. Спб., 1873, с. 45.

Неплюевском кадетском корпусе, на что ему было сообщено, что Россия «готова содействовать исполнению похвального его намерения дать образование своим детям» и просили отправить сына через коменданта Александровского форта за казенный счет[1]. В 1857 г. купец А. А. Тергукасов изъявил желание за свой счет учредить школу «для обучения детей туркмен русскому и разным восточным языкам для сближения их с нами»[2]. Он обязывался выстроить школу и содержать ее, в том числе выплачивать жалование учителям в течение 10 лет без всякого возмездия. Во время экспедиции Г. С. Карелина простой народ с доверием относился к ее участникам и свободно общался с ними. «Искусство и внимание нашего доктора Г. Заблоцкого, — писал Г. С. Карелин, — сблизили нас не только с окрестными простолюдинами, но и с самими ханами»[3]. Даже женщины спокойно позировали перед художниками экспедиции Г. С. Карелиным, Фелькнером и И. Ф. Бларамбергом, рисовавшими с них картины. Однако это были лишь первые ростки того большого дела, которое стало реальным только в наши дни благодаря Советской власти.

В середине 1869 г. вопрос о занятии Красноводска вновь стал на повестку дня. На этот раз его подняли туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман и кавказский наместник великий князь Михаил, сообщавшие военному министру Д. А. Милютину и Александру II о необходимости безотлагательного занятия Красноводского залива. Мотивируя свое предложение, великий князь Михаил, наряду с другими, приводил доводы о том, что слухи о предстоящей высадке десанта в Красноводске уже начали распространяться, и они могут обрастать нелепыми подробностями прежде, чем дойдут до правительства Ирана. Это поставит посланника в Тегеране в самое невыгодное положение, который не сможет ни подтвердить, ни опровергнуть распространившиеся слухи. Поэтому Михаил предложил царю осуществить высадку войск «непременно нынешней осенью», заявив Ирану, что эта акция не имеет

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 489, 493, 497.
[2] Там же, с. 450.
[3] ЦГВИА СССР, ф. 483, оп. 1, д. 147, л. 180 об.

никакого враждебного характера ни к нему, ни к соседним с ним туркменам. Александр II быстро согласился с предложением Михаила, о чем известили К. П. Кауфмана и посланника в Тегеране[1].

5—10 ноября 1869 г. небольшой отряд под командованием полковника Н. Г. Столетова высадился в Красноводске у древнего колодца Шах-гадам[2]. К Красноводску со всех сторон потянулись представители туркмен для того, чтобы вступить в прямые контакты с русскими, а иногда и просто из-за любопытства, чтобы поближе узнать о достоверности слухов о прибытии русских, о происходящих событиях. На вопрос о том, зачем они едут к русским, один из них ответил: «Слух, как струя воды, — говорят у нас, — мутится по мере удаления от источника. За чистой водой надо идти к самому источнику»[3]. Это образное выражение народной мудрости говорит о том, что высадка десанта вызвала большой резонанс во всех уголках Туркмении и Средней Азии.

Так начиналось присоединение Туркмении к России, которое длилось около 16 лет. За эти годы в ходе присоединения по вине царизма и местных реакционных кругов из числа туркмен, по подстрекательству шахского режима Ирана и хивинского хана, по вине мрачной эпохи того времени, державшей людей в состоянии темноты, забитости и ненависти друг к другу, произошли досадные, подчас трагические события. Туркменская родо-племенная знать отличалась чрезмерной гордостью и большим эгоизмом. «Сознание чувства собственного достоинства у туркмена громадно», — отмечали дореволюционные авторы[4]. Знать восхваляла мнимую свободу народа, заявляя, что туркмены никогда не были рабами, любила повторять: «Лучше испачкать себя кровью, держа в руке саблю, чем пачкаться глиной, работая лопатой». Высокомерие родовой верхушки, психология господствующей прослойки, отражавшая без-

---

[1] Русско-туркменские отношения..., с. 532—539.

[2] Присоединение Туркмении к России. Сб. архив. док. Ашхабад, 1960, с. 26—27.

[3] *Алиханов-Аварский М.* Закаспийские воспоминания. — Вестник Европы, 1904, № 9, с. 103.

[4] *Гиршфельд, Галкин.* Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. 2. Ташкент, 1903, с. 62.

ответственное рыцарство и удальство, всегда отрицательно сказывались в политических судьбах народа.

Что же касается русского царизма, то он давно успел превратить Россию в тюрьму народов. Присоединение Туркмении к России имеет свою историю, и об этом написаны хорошие самостоятельные исследования. Исторические факты говорят о том, что туркмены с просьбой о принятии в подданство неоднократно обращались только к России, хотя веками жили в соседстве с Ираном, Хивой и Бухарой. Наоборот, они всемерно старались уйти из-под господства этих феодальных государств Востока и, как отмечали авторы XIX в., «к счастью этих государств, до сих пор не нашлось между туркменцами ни одного человека с отличными способностями для управления общими силами народа»[1]. Это обстоятельство, возможно, несколько продлило существование таких государств, как Хива и Бухара, и облегчило задачи шахского Ирана. Говоря словами Махтумкули, поистине ставшего устами Туркмении, «куда бы дороги туркмен ни вели», они в конечном итоге привели их к России, связали их судьбу с судьбой великого русского народа и других народов нашей многонациональной Родины.

---

[1] *Бларамберг И. Ф.* Статистическое обозрение Персии, составленное в 1841 г. — ЗИРГО, 1853, кн. 7, с. 322.

Заключение

Почти 200 лет продолжалось интенсивное развитие взаимоотношений между туркменами и Россией. Оно выдвинуло целую плеяду дальновидных и преданных этому делу людей. Ходжанепес, группа старшин мангышлакских туркмен XVIII в., Кият-хан и его сыновья, Нурмухаммед Бекдурды-ишан, Атамурад-хан и другие представляли большие группы туркменского населения не только прибрежной полосы, но и глубинных районов Туркмении. Лучшие сыны народа призывали к сближению с Россией, к единению в борьбе за принятие ее подданства. Они хорошо знали опыт истории своего народа и пришли к мучительному выводу о том, что идея создания национального государства остается для туркмен лишь далекой утопией. Накануне присоединения к России они писали: «Мы—народ несчастный, постоянные пленники то одного, то другого государства. У кочевого народа не бывает порядка и дисциплины. Из туркмен царя не выйдет... из дерева не может быть выстроена печь»[1]. Этот вывод говорит о понимании ими необходимости присоединения Туркмении к России, закономерности этого исторического акта в судьбах туркменского народа.

Лучшие сыны России также содействовали ее сближению с Туркменией, с туркменскими племенами. Петр I, А. Бекович-Черкасский, А. П. Ермолов, Н. Н. Муравьев, Г. С. Карелин и другие немало потрудились на этом поприще. Они искренне верили в правоту своего дела и уверяли в этом туркмен, говоря

---

[1] ЦГИА ГрузССР, ф. 416, оп. 3, д. 1094, л. 20—21; *Гродеков Н. И.* Хивинский поход 1873 г. Действия кавказских отрядов. Спб., 1888, с. 78—79.

им, что если они примут подданство России, то «скоро земля ваша будет процветать торговлей и пышностью. Дремлющие силы ваши проснутся»[1]. Эти высказывания передовых людей русского и туркменского народов свидетельствуют о том, что туркмены выстрадали соединение своей судьбы с судьбой великого русского народа, всех народов, населяющих великую Россию.

В истории так же, как и в жизни в целом, далеко не все идеально. Были осложнения, трудности и недостатки. Всякое развитие есть преодоление помех и трудностей. Царизм и буржуазия принесли на туркменскую землю войну и насилие, гнет и эксплуатацию. Разве они способны были на что-либо другое?

Но вместе с царизмом и буржуазией сюда пришел великий русский народ, принесший богатую передовую культуру, ненависть к насилию и гнету, к царизму и буржуазии. Россия построила здесь железную дорогу, города и промышленность, создала долгожданную мирную и спокойную обстановку для развития хозяйства и торговли. Признание прогрессивности присоединения Средней Азии к России вполне совместимо с признанием реакционных и мрачных сторон колониальной политики царизма и капитализма в отношении ее народов.

Были пророчества относительно экономической нецелесообразности присоединения Туркмении к России. Много было высказываний «критически мыслящих» личностей о бесперспективности «неприветливых степей» Туркмении, о печальной судьбе туркменского народа и т. д. Один из покорителей Туркмении генерал Н. А. Гродеков предсказывал полное вымирание туркменского народа. Даже американский журналист Ю. Скайлер, посетивший Туркестан уже после присоединения основных районов к России, резюмируя свои впечатления, в 1876 г. писал: «Средняя Азия не имеет избытков богатства и экономических ресурсов; ни своим сельским хозяйством, ни своими минеральными запасами, ни своей торговлей, ни доходами, которые из нее удастся извлечь, она никогда не сможет вернуть русским то, во что она им уже обошлась и быстро растущие на нее расходы. Если бы Россия 15 лет назад столько же зна-

---

[1] Записки Н. Н. Муравьева-Карского. — Русский архив, 1888, № 3, с. 417.

ла о странах Средней Азии, как она знает сейчас, она, несомненно, не сделала бы ни одного движения в этом направлении»[1].

Но историческая действительность жестоко высмеяла нелепые высказывания подобных пророков. Подлинные силы и богатства народов Средней Азии полностью раскрылись только в наше время, за годы Советской власти. Вопреки мнению Ю. Скайлера Средняя Азия оказалась богатой и сельским хозяйством, и минеральными ресурсами, и доходами. В настоящее время данный регион превратился в один из крупнейших экономических районов Советского Союза.

Скоро исполнится 100-летие породнения Туркмении с Россией. Через три десятилетия после присоединения к России туркменскому народу суждено было идти вместе с великим русским народом против царизма и буржуазии, гнета и эксплуатации, вместе с рвущейся к свету Россией. Мечта туркмен сбылась. Россия прорвала мглу и стала негаснущим светочем. С Россией вместе, ведомые великим русским народом, развеяли тьму все народы-братья. И проснулись дремлющие силы туркменского народа, о котором так давно говорили мыслящие люди России.

Коренной поворот в исторических судьбах туркменского народа наступил в октябре 1917 г. Присоединение к России создало лишь предпосылку к подлинной дружбе народов, расцвету их во всех отношениях. Всем мы обязаны только Октябрьской революции. Потребовался гений В. И. Ленина, чтобы справедливо, по-пролетарски раз и навсегда решить национальный вопрос. В ноябре 1919 г. он с присущей ему скромностью и деловитостью обратился специальным письмом к коммунистам Туркестана, в котором указал, что установление правильных отношений с народами Средней Азии имеет теперь для Советской России «...значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое. Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч и миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам»[2]. В. И. Ленин просил всех коммунистов Туркестана обратить на этот

---

[1] *Scayler E.* Turkistan, vol. 2. London, 1876, p. 387—388.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 304.

вопрос сугубое внимание, приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом, установить товарищеские отношения к народам Туркестана, доказать им делами искренность желания коммунистов искоренить все следы великорусского империализма для беззаветной борьбы с империализмом всемирным[1].

Создание СССР было прямым продолжением дела Великого Октября, открывшего новую эру в развитии человечества, практическим воплощением идеи великого Ленина о добровольном союзе свободных наций[2]. Справедливое решение национального вопроса стало возможным только в условиях диктатуры пролетариата, бескорыстной помощи братских народов и под руководством Коммунистической партии. Ныне Советский Туркменистан занимает достойное место в созвездии суверенных и равноправных союзных социалистических республик нашей многонациональной Родины.

Все познается в сравнении. Люди раньше добирались до Москвы и Петербурга месяцами и возвращались через годы. Теперь за 3—4 часа можно долететь до Москвы и Ленинграда. Начавшись с робких попыток обмена продуктов животноводства на хлеб, с продажи туркменам небольшого количества муки, иголок, ножниц и других мелочей домашней утвари, с доставки нескольких пудов хлопка и пряжи на российские рынки в XVIII—XIX вв., экономические связи народов нашей страны за годы Советской власти достигли фантастических масштабов. Далеко шагнула специализация хозяйства.

Советская Россия снабжает Среднюю Азию всевозможными сложными машинами, станками, тракторами, экскаваторами. Средняя Азия производит товарную продукцию, в том числе около 10 млн. т хлопка ежегодно. Еще Ходжанепес мечтал о большой амударьинской воде, просил Петра I помочь туркменам пропустить воду в туркменские земли. Теперь в республике есть Каракумский канал им. В. И. Ленина длиной более 1100 км — гидротехническое сооружение века, пересекающее Туркмению с востока на запад. Даже в чисто демографическом плане туркменский народ возродился.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 304.

[2] *Брежнев Л. И.* О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. —В кн.: Актуальные вопросы идеологической работы КПСС, т. 1. М., 1979, с. 476.

Никогда туркмены не смогли достигнуть миллионного рубежа, а за годы Советской власти их численность утроилась. До революции из 1000 туркмен могли читать лишь 7 человек. Ныне на 1000 человек приходится 620 специалистов с высшим и средним образованием. В этом и познается все величие того коренного поворота в судьбе народа, который произошел в результате победы Великого Октября. Сбылась историческая мечта туркменского народа, высказанная Махтумкули в его знаменитом стихотворении «Будущее Туркмении»:

Здесь братство — обычай и дружба — закон
Для славных родов и могучих племен[1].

Расцвет каждой советской республики, взаимообогащение их национальных культур, взаимопомощь, взаимовыручка — непреложные законы новой социальной и интернациональной общности — единого советского народа. XXVI съезд КПСС с полным основанием констатировал, что отсталых национальных окраин в нашей стране ныне не существует[2]. Процесс всестороннего сближения советских наций и национальных республик происходит на основе полного равенства, братского сотрудничества и добровольности. КПСС строго следит за соблюдением этих ленинских принципов национальной политики в нашей стране.

---

[1] *Махтумкули.* Избранное. Ашхабад, 1974, с. 206.
[2] Правда, 1981, 24 февраля.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Русско-туркменские взаимоотношения в XVIII в. . . 13
Русско-туркменские связи в допетровскую эпоху . 15
Экспедиции А. Бековича-Черкасского 1715—1717 гг. 18
Русско-туркменские отношения после гибели экспедиции А. Бековича-Черкасского 38
Русско-туркменские взаимоотношения при Екатерине II (вторая половина XVIII в.) . . . 59

Русско-туркменские взаимоотношения после присоединения Закавказья к России (первая четверть XIX в.) . 77
Развитие торговых отношений в конце XVIII — первой половине XIX в. 77
Расширение русско-туркменских связей в начале XIX в. 98
Восстание юго-западных туркмен 1813 г. . . . 123
Роль А. П. Ермолова в восстановлении связей юго-западных туркмен с Россией 139

Укрепление русско-туркменских торгово-экономических и политических связей накануне присоединения к России 168
Деятельность Кият-хана и его детей . . . 168
Усиление русской ориентации в Туркмении и противодействие Ирана и Хивы (30—40-е гг. XIX в.) 196
Взаимоотношения мангышлакских туркмен с Россией в 40—50-е гг. XIX в. 220
Создание морского крейсерства на Ашур-ада и его влияние на русско-туркменские связи . . . 229
Русско-туркменские взаимоотношения накануне присоединения Туркмении к России . . . 243

Заключение 261

К2-82-332

ХАРЬКОВСКА ДЕРЖАВНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ім. К2 82/332

Мурад Аннанепесов

УКРЕПЛЕНИЕ РУССКО-ТУРКМЕНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ в XVIII—XIX вв.

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета АН ТССР

Редактор издательства *А. Ковалева*
Технический редактор *Г. Артыкова*
Корректоры *Б. Каррыев, М. Лившиц, Л. Перехожих*
ИБ № 304

Сдано в набор 9.09.81. Подписано в печать 16.12.81. И—04394. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Уч.-изд. л. 14,72. Привед. печ. л. 14,07. Тираж 1000 экз. Цена (в переплете № 5) 2 р. 20 к. Изд. № 101. Заказ № 3574.

Издательство «Ылым» АН ТССР. 744000, Ашхабад, ул. Энгельса, 6.

Типография АН ТССР. 744012, Ашхабад, ул. Советских пограничников, 92а.